

1206
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Г. Иванчук, В. И. Пузь

АГРАРНЫЙ
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ
ОПЫТ
КРИТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

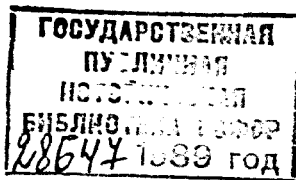

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

Ответственный редактор
В. Г. РАСТЯННИКОВ

Рецензенты
Ю. Н. МАСЛОВ, С. И. ШАТАЛОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

М

Иванчук С. Г., Пузь В. И.
И 23 Аграрный неокOLONиализм. Опыт критического анализа.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 214 с.
ISBN 5-02-016501-8

В монографии исследуется послевоенная политика ведущих империалистических держав и международных организаций в деревне развивающихся стран. В центре анализа — теоретическое обоснование и механизм воздействия капитала стран Запада на аграрную сферу и систему продовольственного обеспечения освободившихся государств. Показано место аграрного неокOLONиализма в системе противоречий, существующих между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства. Рассказывается о проектах, финансируемых при участии стран развитого капитализма.

И 0604000000-159
013(02)-89

ББК 65.5

ISBN 5-02-016501-8

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Нестабильность общих условий воспроизводства капиталистической экономики в 70—80-е годы заставляет правящие круги империалистических держав вести напряженный поиск мер, призванных стабилизировать ситуацию. Двумя важными взаимосвязанными направлениями предпринимаемых с этой целью усилий являются попытки использовать на международном уровне ряд методов государственно-монополистического регулирования, которые применялись только для решения проблем в рамках национальных границ стран развитого капитализма, а также активизировать процесс неокOLONиалистской интеграции освободившихся стран (прежде всего наиболее развитых из них) в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ). Эти усилия предполагают сохранение неравноправного и зависимого характера отношений между странами периферии и центрами МКХ. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «в условиях обострения противоречий капитализма, сужения сферы его господства неокOLONиализм становится все более важным источником средств, обеспечивающих монополистическому капиталу возможности социального маневрирования, смягчения социальной напряженности в ведущих буржуазных государствах, для подкупа некоторых слоев трудящихся»¹.

Необходимость широкого вмешательства государственных и межгосударственных институтов западных стран в регулирование отношений между развивающимися и развитыми капиталистическими странами вызвана тем, что международные рыночные экономические отношения оказались не в состоянии обеспечить процесс постоянной и гибкой перестройки хозяйственных организмов стран «третьего мира» в соответствии с нуждами развитых капиталистических государств.

В этих условиях внешнеэкономическая деятельность империалистических государств предстает силой, пытающейся преодолеть ограниченность ориентированного на получение немедленной прибыли и в силу этого узкопрагматичного подхода, отличающего политику экспорта частного капитала в развивающийся мир, компенсировать одностороннюю и тем самым нередко деформирующую хозяйственные связи активность иностранного капитала на тех или иных направлениях экономической деятельности в освободившихся странах. В полной мере это относится к деятельности империалистических государств в сфере сельского хозяйства и продовольственного обеспечения

развивающихся стран, где наиболее явно проявились издержки модели периферийного капиталистического развития.

Сельское хозяйство развивающихся стран находится на пути замены архаичных способов производства современными и отмирания либо наполнения новым содержанием освященных многовековым опытом деревенских социальных институтов. Внедрение новых производительных сил, которые только и могут устранить сложившиеся диспропорции между сельским хозяйством и другими отраслями национального хозяйства, требует и новых форм общественных отношений, в первую очередь производственных. Эти новые отношения складываются не столько в ходе саморазвития докапиталистических укладов, сколько в результате вмешательства государственных институтов, занятых решением аграрного вопроса в развивающихся странах. Национальная агропродовольственная политика, в свою очередь, подвергается воздействию со стороны развитых капиталистических стран.

При исследовании «помощи» авторы исходили из того, что проблемы внутренних закономерностей развития аграрного строя и производственные аспекты внедрения современных производительных сил в сельское хозяйство развивающихся стран получили достаточно полное освещение в работах советских ученых-аграрников². Авторы этой книги видели свою задачу в том, чтобы исследовать менее изученные факторы внешнего воздействия, формируемые неокOLONиальной политикой империализма, показать их роль в сдвигах, происходящих в сельском хозяйстве развивающихся стран, в поддержании «на ходу» всего механизма эксплуатации природных и людских ресурсов этих стран. Под данным углом зрения рассматриваются и узловые «внутренние» проблемы аграрного развития освободившихся стран (земельная реформа, продовольственное обеспечение, обнищание сельских жителей и др.), и конкретные результаты сельскохозяйственных проектов (социальные последствия, вклад в формирование новых форм зависимости, экологические аспекты и т. д.).

Естественно, что масштабы, формы и характер перемен в сельском хозяйстве развивающихся стран определяются сложной и динамично меняющейся по своему составу совокупностью внутренних и внешних факторов. Лишь комплексное изучение всех сил, которые определяют эти перемены, может дать достаточно полное представление о реальных процессах, происходящих в деревне различных стран развивающегося мира.

При описании отношений между развитыми капиталистическими и развивающимися странами в книге используется понятие «неоколониализм». Данный термин, обладая преимуществом краткости, таит в себе опасность механической проекции реалий колониального периода на современность. Несомненно, что понятийный аппарат, описывающий взаимоотношения в системе категорий «центр—периферия» МКХ в постколониальный

период, нуждается в обновлении и уточнении. Авторы настоящей работы не сводят понятие «неоколониализм» к эксплуатации развитыми капиталистическими государствами развивающихся стран, основанной на неравноправном положении последних. Такая узкая трактовка неоколониализма затушевывает потенциал реформизма, который заключен в неокOLONиальных отношениях, так как эксплуатация природных и людских ресурсов развивающегося мира на современном этапе требует качественных изменений в самом объекте эксплуатации. Неоколониализм выступает как система отношений, сочетающих как эксплуатацию, так и создание условий и предпосылок для нее. Стабилизация социально-политической ситуации в деревне «третьего мира» относится к числу первоочередных из этих условий. Отсюда вытекает заинтересованность Запада в устранении ряда преград на пути хозяйственного прогресса развивающихся стран. Неоколониализм не только совместим, но и предполагает усилия по развитию производственного потенциала этих стран, в той мере, в какой это развитие обслуживает интересы капиталистической подсистемы всемирного хозяйства.

НеокOLONиальная политика развитых капиталистических стран в отношении сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающегося мира олицетворяет сущностные черты неоколониализма в аграрной сфере (аграрного неоколониализма) и составляет центральный объект исследования данной работы.

Соотношение эксплуатации и усилий по преобразованию объекта эксплуатации определяется конкретной исторической ситуацией. Существует разделение функций между субъектами неокOLONиальной политики—государством и частным капиталом. В условиях острого аграрного кризиса, переживаемого развивающимися странами, активизировалась деятельность государственных институтов в развитых капиталистических странах, которые пытаются направлять модернизацию сельского хозяйства стран «третьего мира», чтобы обеспечить стабильность капиталистических мирохозяйственных связей. Особенно заметными эти институты стали с начала 70-х годов. Следует отметить, что иностранный предпринимательский капитал менее активен в аграрной сфере развивающихся стран по сравнению с другими секторами материального производства и услуг и пока не может рассматриваться как сила, способная преобразовать обширные пласты аграрной экономики. Целенаправленное и крупномасштабное влияние западного мира на сельское хозяйство развивающихся стран остается прерогативой империалистического государства, которое использует обширный арсенал средств для воздействия на условия воспроизводства сельскохозяйственного продукта в этих странах. Кроме того, государственные институты, работающие на агропродовольственных направлениях империалистической внешней политики, играют ведущую роль при выработке теоретической платформы дея-

тельности, в концентрации усилий государственного и частного иностранного капитала на тех или иных группах стран, в формировании не только материально-вещественных условий производства в аграрной экономике развивающегося мира, но и в определении стратегических направлений развития его сельского хозяйства.

Воздействие иностранного государственного капитала сказывается как на финансово-экономических и технологических сторонах сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, так и на социально-политических процессах, протекающих в деревне этих стран. Данное вмешательство не ограничивается только той частью населения, которая непосредственно вовлечена в осуществляемые с использованием государственного капитала проекты, но затрагивает интересы практически всех деревенских жителей.

Отсюда следуют и основные цели работы, которые состоят в изучении предпосылок формирования, механизма и результатов вывоза государственного капитала империалистических держав и подчиненных им международных экономических организаций в агропродовольственные подразделения национальной экономики развивающихся стран. В качестве синонима вывоза государственного капитала выступает термин «помощь». Использование кавычек объясняется тем, что первоначальный смысл этого понятия во многом расходится как по мотивам, так и по результатам с той практикой, которую мы наблюдаем при вывозе государственного капитала из развитых капиталистических в развивающиеся страны.

Ведущим компонентом империалистического вмешательства в агропродовольственные комплексы экономики развивающихся стран выступает вывоз государственного капитала, используемого для сельскохозяйственного развития и поддержания продовольственного снабжения развивающихся стран. Именно этот аспект аграрного неокOLONиализма находился в центре внимания авторов этой книги, так как его исследование достаточно репрезентативно, по их мнению, отражает основные проблемы и линии развития аграрного неокOLONиализма в целом.

Важную роль в вывозе государственного капитала играют международные экономические организации капиталистического мира. В работе подробно исследуется деятельность крупнейшей из них — Мирового банка, в который помимо Международного банка реконструкции и развития (МБРР) входят Международная ассоциация развития (МАР) и Международная финансовая корпорация.

Дана краткая характеристика деятельности Азиатского банка развития в сельскохозяйственном производстве развивающихся стран. В работе не анализируются механизм и формы деятельности иных многочисленных международных организаций, непосредственно вовлеченных в преобразование агропродовольственных структур в развивающемся мире, таких, как Про-

дольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Международный фонд сельскохозяйственного развития (ИФАД), Всемирный продовольственный совет, международные организации системы ЕЭС и т. д., в силу их специфики, подробный анализ которой требует специальных исследований. Вместе с тем рассмотренные в данной работе общие условия функционирования и концептуальная эволюция организаций коллективного неокOLONиализма актуальны, как нам представляется, для изучения и упомянутых институтов, тем более что ряд из них (например, ФАО, ИФАД) поддерживают с Мировым банком самые тесные производственные контакты.

Другие компоненты аграрного неокOLONиализма, такие, как деятельность капитала агробизнеса (и прежде всего его ударных отрядов в лице транснациональных корпораций — ТНК), меры государственного регулирования экспорта частного капитала, контроль за процессами международного торгового обмена, различные внешнеполитические акции и дипломатические контакты, осуществляемые государственными внешнеполитическими ведомствами развитых капиталистических стран, и т. д., не являются самостоятельным сюжетом данной работы и присутствуют как фон, на котором формируются и проявляются интересующие нас аспекты политики аграрного неокOLONиализма.

Авторы разделяют точку зрения В. В. Гаврилюка о том, что вывоз государственного и частного капитала сочетается не механически, а образует единую, государственно-монополистическую форму империалистической экспансии с единой социально-экономической сущностью. Вместе с тем каждый из этих видов капитала играет свою особую роль³. Таким образом, в этой книге «помощь» на агропродовольственных направлениях развития освободившихся стран рассматривается как неотъемлемая составная часть совокупного вывоза капитала, особенно важная в периоды наиболее динамичной перестройки капиталистических мирохозяйственных связей.

Как известно, вывоз государственного капитала осуществляется на различных условиях. В статистике государственные ресурсы, точнее их финансовый эквивалент, подразделяют по степени льготности на две группы. В первую группу входит так называемая официальная помощь в целях развития (ОПР), которая складывается из безвозмездно предоставляемых ресурсов (даров) и кредитов на значительно более льготных по сравнению с рыночными условиях. Ко второй группе относятся ресурсы, предоставляемые на более жестких, близких к коммерческим условиям, но все же содержащие те или иные льготы. Эти ресурсы в статистике обозначаются термином «прочие государственные средства» (ПГС). Критерием разграничения упомянутых групп служит так называемый элемент льготности («грант-элемент»), который исчисляется с учетом величины ставки по платежам по взятым в кредит средствам, ерока

предоставления кредита, а также продолжительность льготного периода (т. е. времени с момента предоставления финансовых средств до выплаты первого взноса в счет погашения долга). Вывоз государственного капитала с элементом льготности свыше 25% причисляется в международной статистике к ОНР, если же этот показатель ниже данной цифры — то к ПГС.

По форме вывоз государственного капитала подразделяется на «проектный», т. е. предназначенный для осуществления определенного мероприятия или строительства конкретного объекта, и «непроектный» (или «программный»), при котором оговаривается лишь сфера использования получаемых средств без жесткой регламентации, свойственной «проектной помощи».

По назначению вывоз государственного капитала подразделяется на так называемую капитальную помощь — как правило, подразумевающую строительство объектов производственного или инфраструктурного характера; «техническую помощь», связанную с передачей научно-технических знаний, общеобразовательным и профессиональным обучением, а также командированием специалистов из развитых капиталистических стран; «продовольственную помощь», представляющую собой субсидируемый государством экспорт продовольственных продуктов. В работе рассматриваются все названные виды и формы «помощи», так или иначе влияющие на состояние сельской экономики и продовольственное обеспечение в развивающихся странах.

Изучение практики аграрного неокOLONиализма в ряде ведущих империалистических держав было предпринято авторами с целью проследить, каким образом общие, присущие всем ведущим центрам МКХ закономерности взаимодействия с развивающимся миром, и прежде всего в интересующей нас сфере, преломляются сквозь призму особых, свойственных каждой отдельно взятой стране интересов.

Проделанная работа, как надеются авторы, будет способствовать уяснению общей картины капиталистически ориентированной трансформации сельского хозяйства и тесно взаимосвязанных с ним систем продовольственного обеспечения. Из-за узости информационной базы определение результатов воздействия вывоза иностранного государственного капитала на эволюцию агропродовольственных подразделений экономики развивающихся стран было наиболее сложной задачей. В работе обозначены лишь общие контуры данной проблемы, которая требует дальнейших конкретных исследований на полевом, районном, страновом и региональном уровнях.

Главы I, III и второй раздел главы IV написаны С. Г. Иванчуком. Глава II написана В. И. Пузем; первый раздел главы IV написан авторами совместно.

**ВЫВОЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛА
В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СЕКТОРЫ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
И ЭВОЛЮЦИЯ**

**Отсталость аграрной сферы развивающихся стран
как фактор формирования аграрной политики
империализма**

Один из центральных вопросов, на который необходимо дать ответ при исследовании интересующей нас проблемы, можно сформулировать следующим образом: какое влияние ситуация в сельском хозяйстве развивающихся стран оказывает на выработку аграрной политики империализма (составной частью которой является вывоз государственного капитала на льготной основе в сельскохозяйственные подразделения экономики развивающихся стран и агропродовольственные отрасли и рынки этих стран)? Или, иначе говоря, в какой мере острота аграрного кризиса в развивающемся мире определяет эволюцию аграрной политики империализма в отношении освободившихся стран?

Содержание и параметры аграрного кризиса в развивающемся мире подробно освещены в советской литературе¹. Для нас важно рассмотрение поставленного вопроса в контексте изменения места развивающихся стран в системе их взаимоотношений с развитым капиталистическим миром.

Роль, которую развивающиеся страны играют в мировом капиталистическом хозяйстве, постоянно меняется. В количественном отношении это проявляется в колебаниях ряда показателей, характеризующих участие этой группы стран в международном капиталистическом разделении труда. Так, до начала 70-х годов вовлеченность развивающихся стран в мирохозяйственные капиталистические отношения падала, затем стала возрастать. Рост количественных показателей экономического развития стран «третьего мира» не отражает в полной мере столь важных в настоящее время качеств хозяйственного организма, как способность к усвоению достижений НТР, возможность гибко реагировать на возникающие в этой связи проблемы и т. д. Тем не менее повышение роли ресурсов значительной части развивающихся стран в воспроизводственном процессе

развитых капиталистических государств имело определенное значение для активизации усилий стран Запада по предотвращению перерастания аграрного кризиса в фактор, угрожающий стабильности экономических связей в рамках МКХ.

Существует целый ряд причин долгосрочного характера, определяющих заинтересованность центров МКХ в уменьшении или стабилизации негативного воздействия аграрного кризиса в развивающихся странах на экономические отношения между последними и странами развитого капитализма. Говоря в самом общем виде, отсталость сельского хозяйства стала препятствовать эффективной эксплуатации развивающихся стран в условиях перехода производительных сил в развитых капиталистических странах от индустриальной к научно-технической стадии развития, при которой ведущая роль отводится науке².

Как отмечает Р. М. Аваков, «новым процессам, возникающим в мировом капиталистическом хозяйстве, уже не соответствует господствовавший на его периферии тип аграрно-сырьевой экономики, который противоречил также и объективным потребностям самих развивающихся стран. Началось их преобразование в индустриально-аграрную экономику»³.

Отсталость аграрного сектора развивающегося мира имеет два измерения. Прежде всего его отсталость абсолютна. Она связана с господством натуральной системы производительных сил, в которых ведущая роль принадлежит природным элементам. Отсюда чрезвычайно низкий уровень производительности труда в этом секторе. В 1978 г. сельское хозяйство развивающихся стран, используя 60% всей рабочей силы, обеспечивало лишь 19% производства стоимости их валового внутреннего продукта (ВВП)⁴. Разрыв между производительностью труда в сельском хозяйстве развитых капиталистических и развивающихся стран выражался соотношением 11:1 в 1978 г., увеличившись на 50% за предшествующие два десятилетия⁵.

Интенсивное вовлечение освободившихся стран в мирохозяйственные связи в значительной мере способствует тому, что аграрный сектор во все большей степени демонстрирует и относительную отсталость, «под которой подразумевается недостаточное развитие аграрной отрасли относительно общественных потребностей...»⁶. В условиях во многом определяемого внешними импульсами развития такой общественной потребностью, наряду с национальными нуждами той или иной развивающейся страны, становятся запросы отдельных отрядов или всего класса монополистической буржуазии развитых капиталистических стран.

В колониальный период выполнение насильственно навязывавшихся сельскому хозяйству развивающихся стран новых функций, в первую очередь по производству экспортных культур, осуществлялось не путем внутренней перестройки, а за счет перенапряжения аграрного хозяйственного механизма колониальных и зависимых стран, что вело к деформации этого

механизма. Такой путь «преодоления» относительной отсталости, при сохранении и усугублении абсолютных параметров последней, вел к гипертрофии экспортных подразделений за счет стагнации внутреннего, преимущественно продовольственного производства. В современных условиях решение проблемы преодоления относительной отсталости неразрывно связано с искоренением абсолютной.

Отсталость аграрного сектора непосредственно влияет на общеэкономический уровень развития той или иной страны. По данным МБРР, охватывающим 70-е годы, можно судить о высокой степени взаимосвязи между темпами прироста сельскохозяйственного производства и ВВП. Так, из 23 стран (с долей сельского хозяйства в ВВП, превышающей 20%), где темп прироста сельскохозяйственного производства был выше 3%, в 17 странах прирост ВВП был более 5%. И, напротив, из 14 стран, у которых темпы прироста сельскохозяйственного производства не превышали 1%, у 11 были зарегистрированы темпы прироста ВВП ниже 3%⁷.

Отсталость сельского хозяйства через межотраслевые связи воздействует на другие подразделения экономики. Слабый спрос со стороны аграрного сектора на изделия промышленного производства (из-за невысокой доли участия продукции индустриальных отраслей в воспроизводственном процессе в традиционных хозяйствах) значительно сужает емкость внутреннего рынка и ставит, таким образом, преграды на пути национального промышленного развития, ограничивая возможность продвижения товаров производственного назначения западными экспортерами.

Уровень доходов основных слоев сельского населения, как правило, ниже, чем городского, что оказывает слабое стимулирующее воздействие и на производство потребительских товаров.

Создание емкого национального рынка, который отвечал бы интересам местной буржуазии и иностранного капитала, ориентирующегося на рынки развивающихся стран, неразрывно связано с увеличением платежеспособного спроса (предъявляемого ныне в основном верхушечными слоями населения) за счет роста покупательной способности низших по доходам групп населения, в первую очередь деревенских.

Важно и то, что реализовавшиеся до сих пор модели развития освободившихся стран, связанные либо с импортзамещением, либо с экспортной ориентацией промышленного производства, не смогли стать надежной основой долгосрочного экономического развития для большинства развивающихся стран. В первом случае ориентация на национальное производство ранее импортировавшейся конечной продукции довольно быстро вела к насыщению платежеспособного спроса на данную продукцию и недогрузке построенных мощностей. Существование традиционных массивов производства в аграрной сфере тормо-

зило воплощение данной модели индустриализации на практике. Как отмечал Г. К. Широков, «в ходе импортзамещающего развития в освободившихся странах был создан определенный промышленный потенциал, полная реализация которого внутри страны была невозможна из-за сохранения пережитков архаических отношений. Поэтому как возросшие технико-экономические возможности, так и нежелание проводить радикальные социально-экономические преобразования толкали развивающиеся страны к освоению внешних рынков»⁸.

Однако внешнеторговой экспансии, к которой призывает стратегия экспорториентированной индустриализации, противодействуют как конкуренция других, в том числе и развивающихся, стран, так и протекционистские барьеры в развитых капиталистических государствах. В этих условиях расширение емкости внутреннего рынка за счет технической модернизации сельскохозяйственного производства и повышения покупательной способности сельского населения может дать новый импульс промышленному развитию. В том же направлении действует усиление прямых связей сельского хозяйства с промышленностью, т. е. увеличение доли продукции, проходящей промышленную обработку.

Процесс становления и развития индустриальной системы производительных сил в развивающихся странах, в значительной мере контролируемый центрами МКХ, предполагает новые по сравнению с традиционными для этих стран видами активности качества рабочей силы (см., например, статью В. Г. Растяникова⁹). Аграрный сектор воздействует на формирование типа работника и как поставщик продовольствия, и как сфера жизнедеятельности, комплексно влияя на многие качественные характеристики формирующейся рабочей силы. Как подчеркивал профессор Висконсинского университета П. Дорнер, в сельском хозяйстве «люди должны быть заняты целесообразной производственной деятельностью для того, чтобы развить личные способности и приобрести необходимые навыки, обрести чувство социальной ответственности и дисциплины, требующиеся как в современном сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве. Незанятая рабочая сила не является резервуаром готовых работников для новых предприятий. Это застойное болото отчаяния, несбывшихся надежд и утраченного самоуважения, особенно среди молодежи»¹⁰.

Невыполнение аграрным сектором развивающихся стран одной из основных своих функций — продовольственного обеспечения населения является наиболее ощутимым проявлением неблагоприятного положения дел в целом. Как видно из табл. 1, с 1961—1965 по 1977—1979 гг. в 23 развивающихся странах было зарегистрировано сокращение производства зерновых на душу населения, а в 40 из них, несмотря на некоторый рост производства этих культур, его темпы отставали от темпов роста населения.

Таблица 1

Число развивающихся стран, в которых наблюдалось снижение производства зерновых или отставание темпов прироста этого производства от темпов прироста населения, 1961-1965 — 1977-1979 гг. *

Регион	Падение производства зерновых	Отставание темпов роста производства зерновых от темпов роста населения
Африка	10	20
Азия и Дальний Восток	—	8
Латинская Америка	6	9
Ближний и Средний Восток	7	3
Итого	23	40

* Составлено по: State of Food and Agriculture 1981. FAO. Rome, 1982, с. 50.

Импорт продовольствия, к которому прибегают развивающиеся страны для компенсации внутреннего недопроизводства, ведет к усилению продовольственной зависимости периферии МКХ от его центров. Например, импорт развивающимися странами зерновых вырос с 20 млн. т в 1960 г. до почти 80 млн. т в 1979 г. При существовавших к концу 70-х годов тенденциях потребность в импорте могла бы достичь к 1990 г. 145 млн. т¹¹.

При этом рост цен на ввозимое продовольствие вымывает столь необходимые для процесса развития валютные ресурсы. Так, вся сумма прироста выручки от экспорта сельскохозяйственных продуктов развивающимися странами за 1977—1979 гг., составившая 12 млрд. долл., была использована на финансирование возросшего импорта продовольствия¹². В настоящее время Запад в меньшей степени заинтересован в поддержании зависимости развивающихся стран от поставок продовольствия из капиталистического мира, так как она не отвечает потребности в эксплуатации периферии на современном технологическом уровне, ведет к деградации рабочей силы, непроизводительному использованию финансовых ресурсов.

По-прежнему для Запада немаловажен экспортный потенциал сельского хозяйства развивающихся стран. Здесь можно отметить, что положительный баланс во внешней торговле сельскохозяйственными товарами выступает определенной контртенденцией галопирующему росту дефицита платежного баланса нефтеимпортирующих развивающихся стран, который ухудшает условия для внешнеторговой экспансии развитых капиталистических государств.

Несмотря на продолжающееся падение доли развивающихся стран в стоимости мирового экспорта продукции земледелия

и животноводства (с 34% в начале 70-х годов до 29% в 1980 г.)¹³, доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции остаются основным источником получения иностранной валюты для двух третей этих стран.

Особую заинтересованность в выполнении экспортных функций аграрным сектором развивающихся стран проявляют западные фирмы, занятые сбытом произведенной в этих странах продукции сельского хозяйства. В конце 70-х годов под контролем транснациональных корпораций находилось около 80% экспорта сельскохозяйственной продукции из развивающихся стран. Причем следует отметить высокую степень монополизации рынка. На долю 15 ведущих транснациональных компаний приходилось от 70 до 90% сбыта сельскохозяйственного сырья развивающихся стран, контролируемого агробизнесом стран развитого капитализма¹⁴.

Не умаляя важности экономических факторов, побудивших развитые капиталистические страны пересмотреть свое отношение к проблемам сельскохозяйственного развития аграрной сферы освободившихся стран на рубеже 60—70-х годов, следует подчеркнуть, что одной из главных причин такого пересмотра явилось драматическое ухудшение социальных параметров аграрной сферы.

Вследствие распада традиционных аграрных структур, в том числе и под давлением обязанностей, навязываемых аграрному сектору центрами МКХ, и в результате ограниченных созидательных возможностей современных форм хозяйствования, недостаточных, чтобы сбалансировать этот процесс распада, аграрный сектор поглощает людские ресурсы, полностью или частично исключенные из процесса производства и страдающие от голода, нищеты и приниженности своего положения.

Ухудшение положения широких слоев населения, проживающего в сельской местности, толкает наиболее активных из них на поиск лучшей доли в городах. Чрезвычайно высокие темпы урбанизации в развивающихся странах в значительной степени являются результатом неспособности аграрной сферы обеспечить минимально благоприятные условия жизнедеятельности сельских жителей, особенно молодых. Концентрация в городах вчерашних сельских жителей, большей частью перебивающихся случайными заработками и становящихся люмпен-пролетариями, представляет собой процесс накопления критической массы, которая при достижении определенного уровня может существенно повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в той или иной стране. Возможность революционного взрыва всегда чревата приходом к власти антиимпериалистически настроенных кругов и противоречит установкам Запада на постепенное, реформистское решение внутренних проблем развивающихся стран капиталистической ориентации в ходе постепенной активизации их деятельности в рамках МКХ.

Необходимость поиска путей экономического развития сель-

ского хозяйства развивающихся стран связана также со стремлением стран Запада расширить сферу действия товарно-денежных отношений в аграрном секторе этих стран как условия формирования социальной среды, которая не сковывала бы действие законов капиталистической экономики.

Это открыло бы дальнейший простор для деятельности транснациональных корпораций и банков, выступающих основными орудиями этой эксплуатации. Создание достаточно обширной социальной прослойки в развивающейся деревне, чьи интересы ассоциировались бы с капиталистической трансформацией общества, стало бы важным внутренним фактором закрепления освободившихся стран в системе международного капиталистического разделения труда.

Таким образом, целый ряд объективных предпосылок способствует заинтересованности правящих кругов ведущих империалистических держав в проведении определенной модернизации сельского хозяйства стран периферийного звена МКХ, приглушению наиболее острых социальных и политических последствий неравномерности производительных сил и отсталости общественных отношений в аграрном секторе этих стран.

Рассмотренные выше тенденции — часть слагаемых, формирующих аграрную политику империализма в отношении развивающихся стран, фон, на котором разворачивается действие иных сил, отражающих закономерности развития самих развитых капиталистических стран.

В работе исследуются те из факторов, которые, по мнению авторов, вносят наиболее высокий вклад в определение основных направлений данной политики. Их можно разделить на общие, значимые для всех аспектов неокOLONиальной деятельности империалистических держав (включая и политику в области сельского хозяйства), и специфические, существенные в первую очередь для аграрного неокOLONиализма. Разумеется, такое членение относительно, так как многие факторы взаимообусловлены и тесно переплетены.

К числу общих факторов, формирующих основы взаимоотношений между центрами и периферией МКХ, следует отнести прежде всего: 1) качественное состояние производительных сил в названных группах стран, которое во многом определяется воздействием достижений научно-технической революции (НТР); 2) сдвиги в международном разделении труда, которые, в свою очередь, обусловлены концентрацией и централизацией капитала, а также тенденциями в ресурсообеспечении отраслей материального производства; 3) соотношение центробежных и центростремительных тенденций во взаимоотношениях между государствами, входящими соответственно в группы развитых капиталистических и развивающихся стран, которое во многом определяет баланс сил в противоборстве этих двух подсистем МКХ; 4) соотношение сил империализма и социализма на мировой арене, поддержка социализмом прогрессивных тенденций

национально-освободительного движения в развивающемся мире.

Среди специфических факторов формирования аграрной политики неокOLONиализма следует выделить следующие: 1) уровень самообеспечения сельскохозяйственной продукцией стран, вывозящих государственный капитал; 2) роль этих стран в международной торговле сельскохозяйственной продукцией и сельскохозяйственными машинами и оборудованием; 3) степень активности ТНК агропромышленного профиля, базирующихся в той или иной развитой капиталистической стране; 4) значение сельского хозяйства для развивающейся страны — получателя «помощи» и т. д.

Необходимо отметить, что восприятие проблем аграрной экономики стран «третьего мира» в развитых капиталистических государствах задается не только количеством каналов, связывающих хозяйственные механизмы развитых капиталистических стран и развивающихся государств, но и характером этих взаимосвязей. Механизм неокOLONиальной эксплуатации предопределяет наличие слабой обратной связи, которая «помогает» Западу не замечать деструктивные последствия неокOLONиальной политики, служит защитой от экспорта этих последствий из развивающихся стран (насколько болезненными могут оказаться сбои в этой защите, показывает пример со странами ОПЕК).

Одним из важных динамично меняющихся факторов формирования аграрной политики империализма в развивающемся мире выступает характер этапа проникновения западного капитала на периферию МКХ. Так, до начала 70-х годов сравнительно небольшие объемы частного иностранного капитала, поступающего в развивающиеся страны, без труда находили сферы для своего приложения. Возросший затем приток капиталов и связанных с этим товаров и услуг актуализировали вопрос о сферах приложения и емкости рынка в развивающихся странах. Тем самым было привлечено внимание к сельскому хозяйству как «узкому» месту в развитии экономического потенциала этих стран. Важную роль здесь сыграло становление мощных транснациональных компаний агропромышленного профиля, которые были заинтересованы в отличие от традиционных компаний по сбыту сельскохозяйственной продукции в продаже средств производства.

Существенное значение для формирования аграрной политики империализма имеет экономическая ситуация в центрах МКХ. Благоприятная экономическая конъюнктура 60-х годов послужила предпосылкой для широкомасштабного вмешательства в экономические и социальные процессы в сельском хозяйстве развивающегося мира, а нестабильная ситуация, наблюдающаяся в МКХ с середины 70-х годов, ведет к фокусировке усилий на ограниченных слоях среди потенциальных получателей материальных и финансовых ресурсов из стран раз-

витого капитализма, а также к сужению географии и отраслевого состава адресатов этих ресурсов, способствует дальнейшей дифференциации развивающихся стран.

На формирование упомянутой политики оказывают влияние особенности международного разделения труда, задаваемые научно-технической революцией. Тенденция к выносу ряда производств в развивающиеся страны стимулировала в 70-е годы решение проблем социальной стабильности, в том числе и ее «аграрных» аспектов. И напротив, возможность технического перевооружения «старых» отраслей создает предпосылки для придания им «второго дыхания» в самих развитых капиталистических странах и снимает в определенной мере заинтересованность в сглаживании социальных антагонизмов, порождаемых аграрным кризисом. Вместе с тем активное использование современных технологий, например в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран, может привести и к повышению заинтересованности этих стран в развитии сельского хозяйства стран «третьего мира». Хорошо известно, что интенсивная эксплуатация природных ресурсов в первой группе стран ведет к загрязнению почвы химическими продуктами, истощению плодородного слоя почвы и другим последствиям, ухудшающим условия сельскохозяйственного производства. Например, в США водная эрозия вымывает ежегодно 2 млрд. т почвы, на 1 млрд. т больше, чем образуется вновь, что примерно эквивалентно потере 300 тыс. га сельскохозяйственных угодий¹⁵. Все это дает основания предположить усиление у стран Запада заинтересованности в сельском хозяйстве развивающихся стран как экспортере продуктов не только тропического пояса, но и умеренных широт.

Как показал опыт 80-х годов, большое значение для всей неокOLONиалистской стратегии в целом и ее аграрно-продовольственных направлений в частности имеет степень связи руководящих кругов с военно-промышленным комплексом. Однако и при «гражданских» правительствах расстановка сил, определяющих аграрную политику, может существенно влиять на характер последней.

С учетом вышесказанного можно попытаться дать периодизацию аграрной политики неокOLONиализма.

Этапы вывоза государственного капитала в аграрную сферу и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран

Отличительной чертой политики аграрного неокOLONиализма является высокий динамизм ее эволюции на протяжении послевоенного периода.

Исходя из различий в сочетании факторов, формирующих

политику аграрного неокOLONиализма в отдельные исторические периоды, и принимая во внимание особенности целей, масштабов и методов деятельности в эти периоды, можно, по нашему мнению, выделить четыре основных этапа в политике, проводимой ведущими империалистическими державами по отношению к сельскому хозяйству и продовольственному обеспечению развивающихся стран. При этом заметим, что общность процессов, происходящих в центрах МКХ, дает возможность говорить об аграрной политике империализма в «третьем мире» как о единой линии, которая прослеживается, несмотря на своеобразие реализации этой политики в той или иной развитой капиталистической стране. Вместе с тем единство основных целей аграрной политики неокOLONизаторов не исключает, как уже отмечалось выше, межимпериалистических противоречий на этом направлении деятельности.

Первый этап (середина 40-х — начало 60-х годов) — это период становления неокOLONиализма как особого типа отношений подчинения и зависимости в рамках МКХ, призванного заменить прогнившие формы колониального господства. Распад колониальных империй под натиском национально-освободительных движений и при активной поддержке социалистических стран породил у западных государств боязнь превращения антиимпериалистических народных движений в антикапиталистические. Отсюда — подчинение всей политики неокOLONиализма на данном этапе задаче удержания под своим влиянием стратегически важных территорий в зоне национально-освободительного движения, предотвращения появления в молодых национальных государствах «коммунистических режимов». Вывоз государственного капитала служит целям создания «санитарных кордонов» на границах с социалистическими странами. Основная задача — укрепление марионеточных режимов либо вовлечение развивающихся стран в орбиту проимпериалистической политики.

Сельское хозяйство в качестве объекта приложения государственного льготного капитала, идущего из центров МКХ, играло третьестепенную роль. Во-первых, откровенно политизированная «помощь» была преимущественно ориентирована не на экономическое развитие (хотя такие задачи и декларировались), а на использование предоставлявшихся на льготных условиях материально-финансовых ресурсов как средства давления на внутри- и внешнеполитический курс стран-реципиентов. Во-вторых, та часть средств, которая все же шла на цели экономического развития, направлялась прежде всего в инфраструктурные сооружения, не предназначенные для обслуживания сельскохозяйственного развития. В-третьих, приток средств в сельское хозяйство развивающихся стран ограничивался существовавшим у многих западных теоретиков убеждением в неспособности сельского хозяйства стать «локомотивом» экономического роста, в подчиненной роли этой отрасли националь-

ного хозяйства, сводящейся к обеспечению дешевыми рабочими руками и продовольствием индустриального производства, сосредоточенного преимущественно в городах.

Ведущим донором в тот период выступают США, намного опережавшие по вывозу государственного капитала на льготных условиях другие капиталистические страны, которые были заняты проблемами послевоенной реконструкции национальной экономики. Доминированием США объясняется значительный удельный вес продовольственной «помощи» в структуре вывоза государственного капитала на агропродовольственном направлении. Здесь прослеживается тесная связь с затовариванием сельскохозяйственной продукцией внутренних рынков в США в ходе активной индустриализации североамериканского сельского хозяйства (подробнее об этом см. материал о США в главе II).

Та незначительная часть «помощи», которая шла на приобретение средств производства для сельского хозяйства развивающихся стран, предназначалась преимущественно для частных механизированных хозяйств. Основная масса средств, поступающих в сельское хозяйство развивающихся стран по каналам межгосударственного сотрудничества, предоставлялась в рамках двусторонней «помощи», которая для крупнейших европейских стран была продолжением в новых условиях связей, сложившихся во времена колониальных империй. Для этой формы вывоза государственного капитала характерен высокий удельный вес технической «помощи» и безвозмездных субсидий, производительно расходуемая часть которых концентрировалась преимущественно в секторах экспортного земледелия.

Вывоз государственного капитала по каналам многосторонней «помощи» был незначительным, так как эта форма вывоза капитала находилась в стадии становления, к тому же часть ресурсов международных экономических организаций расходовалась в тот период и на нужды развитых капиталистических стран. Поэтому, хотя сельское хозяйство занимало в многосторонней «помощи» более заметное место, чем в двусторонней, абсолютные размеры средств, поступавших по линии международных организаций на развитие сельского хозяйства и продовольственное снабжение, были значительно меньше, чем объемы средств, предоставлявшихся на те же нужды по межгосударственным каналам.

Второй этап (начало 60-х — начало 70-х годов) характеризуется существенными изменениями в аграрной политике империализма; в это время произошло окончательное крушение колониальных империй, которое заставило капиталистический мир заняться выработкой общей стратегии в отношении развивающихся стран, объединить свои усилия на этом направлении. В этой связи возрастает роль международных финансовых организаций, среди которых ведущую роль играет группа МБРР.

Нарастающая и все более явственно осознаваемая потребность западного мира в ресурсах и рынках развивающихся стран предъявляла большие требования к «внутренней стабильности» этих стран. Достичь ее прежними, колониальными средствами не представлялось возможным. Только продемонстрировав реальное улучшение экономического и социального положения развивающегося мира, империалистические державы могли претендовать на роль идеологического лидера в борьбе против идеи социализма.

В этот период возрастает научный и прикладной интерес к аграрному развитию освободившихся стран, предпринимаются попытки расширить сферу приложения ресурсов «помощи» в сельском хозяйстве этих стран, прежде всего обеспечить к ней доступ зажиточной крестьянской верхушки. Одновременно происходит нарастание объемов средств, идущих на строительство инфраструктурных сооружений в сельской местности — дамб, плотин, ирригационных сетей, систем коммуникаций.

Важным мотивом, побудившим западные державы обратить более пристальное внимание на проблемы сельской экономики развивающегося мира, стал продовольственный кризис второй половины 60-х годов в азиатском регионе. Определенную роль в формировании политики аграрного неокOLONIALИЗМА сыграло также стремление предотвратить нарастание революционной борьбы на Латиноамериканском континенте с помощью американской программы «Союз ради прогресса». Составной частью этой программы были попытки модернизировать аграрный строй и увеличить производство сельскохозяйственной продукции в этом регионе на основе массивированных инвестиций государственного капитала США. Важное значение имело и начало распространения в этот период средств интенсификации сельскохозяйственного производства, получившее название «зеленая революция».

Нарастание вывоза ресурсов, квалифицируемых на Западе как «помощь», в сельское хозяйство развивающихся стран в целом носило характер экстенсивного расширения, захватывавшего новые подразделения сельскохозяйственного производства и следовавшего модели, отождествлявшей экономическое развитие с количественным ростом и предполагавшей «просачивание» выгод такого роста от высших по доходам групп населения к низшим.

В рассматриваемый период продолжает складываться региональная система международных организаций капиталистического мира. К созданному в 1959 г. Межамериканскому банку развития (МАБР) в 1964 г. добавляется Африканский банк развития (АФБР) (активную деятельность он начал двумя годами позже), а в 1966 г. основывается Азиатский банк развития (АзБР).

Рост международных форм вывоза государственного капитала непосредственно отразился на увеличении средств, поступаю-

щих в аграрный сектор развивающихся стран. Как отмечалось в Обзоре деятельности по оказанию «помощи в целях развития» за 1969 г., «сельское хозяйство имеет высокий приоритет в международных агентствах: оно является единственным сектором, в котором многосторонняя помощь превышает двустороннюю»¹⁶. Объем средств, поступавших на нужды сельского хозяйства от трех основных доноров — МБРР/МАР, МАБР и совместной программы по развитию ООН и ФАО, возрос со 182,4 млн. долл. в среднем за 1961—1962 гг. до 576,5 млн. в 1971 г.¹⁷

К концу 60-х годов многим властью имущим в странах развитого капитализма становится ясно, что необходимы существенные перемены, модификация форм взаимоотношений между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Тревожные настроения в отношении ограниченности взаимных ресурсов усилили озабоченность нестабильностью взаимосвязей между центрами и периферией МКХ. В этом отношении характерным стал доклад так называемой комиссии Л. Пирсона, озаглавленный «Партнеры по развитию»¹⁸. Знаменательно, что инициатива подготовки исследования и его финансирование исходили от группы МБРР, именно в этот период начавшей выдвигаться на передний край буржуазной науки и практики воздействия на развитие афро-азиатских и латиноамериканских стран. Многие рекомендации комиссии были воплощены в жизнь.

Комиссия охарактеризовала состояние в области «помощи» к концу 60-х годов как «кризисное». Основой для такой оценки послужила стагнация в предоставлении финансовых ресурсов в рамках ОПР (за 1963—1968 гг. они увеличились, по оценкам комиссии, только с 5,9 до 6,4 млрд. долл.¹⁹), наблюдаемая на фоне нежелания частного иностранного капитала идти в развивающиеся регионы. Так, прямые частные иностранные инвестиции в 1967—1968 гг. составляли 2,4 млрд. долл. по сравнению с 2,3 млрд. в 1957—1958 гг.²⁰

Характеризуя «помощь» в 50—60-е годы, комиссия Пирсона отметила ее высокую обусловленность «политическими критериями»²¹, тесную связь с содержанием некоторыми странами крупных вооруженных сил²² и малую озабоченность эффективным использованием средств, поступающих в рамках «помощи».

Пессимистические оценки доклада комиссии Пирсона были тем более тревожными для правящих кругов империалистических стран и международных организаций капиталистического мира, что именно к концу 60-х годов стала вырисовываться картина неудовлетворительного развития предшествовавшего периода, симптомами которого выступали растущая социальная нестабильность внутри развивающихся стран и тенденция к нарастанию конфронтации в отношениях этих стран с империалистическими державами.

Отправными пунктами в рекомендациях комиссии Пирсона служили неизменные ценности капиталистического хозяйст

ния: упор на развитие рыночных отношений, на приток частного капитала для обеспечения экономического роста, признание «помощи» важным компонентом развития экономики освободившихся стран. Вместе с тем в выводах прозвучало несколько новых моментов. Это признание необходимости направлять вывоз частного капитала в отрасли обрабатывающей промышленности и сельское хозяйство, призыв к координации деятельности стран-доноров, а также к повышению роли международных организаций. Внимание к развитию сельскохозяйственного производства было привлечено не только осознанием последствий, которыми грозит пренебрежение этой сферой экономики, но и теми радужными надеждами, которые питали большинство буржуазных исследователей в отношении «зеленой революции». В докладе этот процесс расценивался как «важнейшее достижение в области производства продовольствия»²³.

Важной чертой доклада стало подведение под практические рекомендации нового идеологического фундамента. Идея «партнерства», которая пронизывает весь доклад, была призвана не только заменить оказавшуюся нежизнеспособной доктрину империализма в отношениях развитых капиталистических и развивающихся стран, но и возложить на последние обязанность всемерно содействовать перестройке отношений на основе неокolonиального разделения труда и формирования новых форм зависимости периферии от центров МКХ.

Третий этап политики вывоза государственного капитала в аграрную сферу и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран охватывает 70-е годы. Это период дальнейших, еще более крупных перемен в неокolonиальной политике империализма в целом и на ее аграрных направлениях в частности. Перемены были вызваны стремлением сгладить растущие противоречия между центрами и периферией МКХ, выработать долгосрочную программу расширения экономического пространства в развивающихся странах, непосредственно эксплуатируемого западными государствами. Растущая заинтересованность развитых капиталистических стран в «третьем мире» (как поставщике сырья, участнике производства промышленных изделий с помощью типовых технологий, как рынке сбыта), подхлестываемая усиливающейся межимпериалистической конкуренцией, наталкивается на ограничения, которые ставят на пути неокolonиальной эксплуатации развивающихся стран структурные диспропорции национальных хозяйств последних, их борьба за национальный экономический суверенитет и перестройку международных экономических отношений.

Кроме того, в нестабильной международной экономической ситуации, преобладающей на протяжении 70-х годов, резко обострились социальные проблемы развивающегося мира, прежде всего проблемы обнищания его населения, в первую очередь сельского.

На этом фоне происходит расширение как в отраслевом, так

и в социальном плане сферы приложения государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран. Наблюдается дальнейшее разделение труда, при котором частный иностраный капитал осваивает отрасли и регионы, сулящие извлечение наибольшей прибыли, а государственный — подготавливает новые хозяйственные пласты для экспансии частного капитала в будущем, а также стремится поддерживать определенный социальный и экономический баланс в зонах нынешней или потенциальной активности частного капитала. Кроме того, государственный капитал призван стимулировать активность в сферах жизни общества (образование, демографическая политика и т. п.), значимых не только с точки зрения экономики. Расширение масштабов вывоза частного капитала в развивающиеся страны на протяжении 70-х годов позволило сконцентрировать усилия государственного капитала на наиболее «узких» местах взаимодействия центров и периферии МКХ, в том числе и на сельском хозяйстве развивающихся стран.

Инициатором перестройки политики неокolonиализма в целом и аграрного неокolonиализма в частности выступило правительство США. Эта страна, несмотря на сокращающуюся долю в суммарном вывозе государственного капитала развитыми капиталистическими государствами, продолжала задавать тон в формировании отношений между центрами и периферией МКХ. Принятие в 1973 г. закона о помощи США иностранным государствам, в котором были изложены так называемые новые направления политики США в отношении стран «третьего мира» (подробнее об этом см. главу II), ознаменовало наступление нового этапа в экспансии государственного капитала центров на периферию мирового капиталистического хозяйства.

Остановимся подробнее на причинах поворота в политике американского империализма. Начало 70-х годов становится определенным рубежом в трактовке правящими кругами США проблем аграрного развития и продовольственного обеспечения афро-азиатских и латиноамериканских стран. Важным фактором соответствующей политики на протяжении всего десятилетия становится осознание значимости указанных сфер как условия для дальнейшей интеграции освободившихся стран в мировое капиталистическое хозяйство. Необходимость реагировать на ухудшающуюся социально-экономическую ситуацию в деревне развивающихся стран привела к определенному перераспределению поступающих по государственным каналам финансовых и материальных ресурсов в пользу сельского хозяйства (что происходило под аккомпанемент риторики о «помощи бедным»).

Следует подчеркнуть, что сложившаяся к началу 70-х годов ситуация благоприятствовала осознанию правящими кругами США неотложности мер по модернизации сельского хозяйства и улучшению продовольственного обеспечения освободившихся стран. Прежде всего следует отметить происшедшее в этот пе-

риод усиление борьбы освободившихся стран за свои экономические права, против засилья иностранного капитала, которая сплотила в едином движении отличающиеся по многим параметрам социального и экономического развития освободившиеся страны. Именно на этой восходящей фазе национально-освободительного движения были достигнуты столь весомые результаты, как перераспределение части производимой прибавочной стоимости в рамках МКХ в пользу стран—членов ОПЕК, а также выработка и международное одобрение комплекса требований о пересмотре некоторых принципов экономических взаимоотношений между развитой и развивающейся подсистемами МКХ, который получил название «программа по установлению нового международного экономического порядка» (НМЭП). Широкий размах этого мирного наступления свидетельствовал как о глубине противоречий между освободившимися странами и империалистическими государствами, так и о драматизации внутренних проблем развивающихся стран, во многом связанных с упомянутым глобальным противоречием. Эти обстоятельства предопределили необходимость коррекции неокOLONиалистского курса Запада (тем более, что в переменах были заинтересованы и некоторые влиятельные силы в самих развитых капиталистических странах).

Подъем борьбы развивающихся стран за установление более благоприятных условий для их внешнеэкономической деятельности совпал с ослаблением возможности империалистических держав, прежде всего США, противодействовать этой борьбе репрессивными мерами, усилением конфронтации с развивающимся миром. Причины этого хорошо известны и связаны прежде всего с достижением социалистическими странами военного паритета с государствами—членами НАТО, а также с горьким опытом агрессии США во Вьетнаме. Свою роль в коррекции политики «помощи» США сыграло и резкое ухудшение продовольственного положения в афро-азиатских странах в начале 70-х годов, которое высветило несоответствие коммерческих интересов США потребностям развивающихся стран в получении продовольствия на льготных условиях и породило всплеск антиамериканских настроений.

В этих условиях акцент на проблемах аграрной сферы и продовольственного обеспечения развивающихся стран в американской «помощи» должен был помочь контролировать грозящую нестабильностью ситуацию во взаимоотношениях между центрами и периферией МКХ. Усиление внимания в рамках программ вывоза государственного капитала к проблемам отсталости сельского хозяйства было призвано сбить накал антиимпериалистических настроений в развивающемся мире. Эта тактика была поддержана международными экономическими организациями и большинством развитых капиталистических стран. Важная роль отводилась сопутствующей пропагандистской кампании, которая делала все возможное, чтобы предста-

вить маневрирование США в области внешней политики и экономической дипломатии как акты «доброй воли» и «гуманного и искреннего» участия в судьбах освободившихся стран. Время, которое потребовалось на то, чтобы распознать истинное содержание нового курса американского неокOLONиализма, оказалось весьма кстати для адаптации и перегруппировки сил как в самих Соединенных Штатах, так и у их заокеанских партнеров, послужило закладыванию основ гораздо более жесткой внешнеэкономической политики в дальнейшем.

Следует отметить, что именно понимание тщетности попыток расширить емкость рынков в освободившихся странах без вовлечения в современную хозяйственную жизнь количественно преобладающих сегментов развивающихся обществ, связанных с аграрной экономикой, без привития им стереотипов «прозападного» продовольственного потребления, было одним из важных мотивов, побудивших США уделить большее внимание этой стороне жизни развивающегося мира.

К числу весомых внешних факторов, оказывающих влияние на формирование всей неокOLONиалистской политики США, включая ее продовольственные и аграрные аспекты, относятся не только взаимосвязи США с развивающимися странами, но и их отношения с другими государствами развитого капитализма. В этом плане акцент на «борьбу с бедностью» содействовал наращиванию вывоза государственно-монополистического капитала из западноевропейских стран и Японии, оправдывая эту экспансию в глазах широкой общественности этих стран. Необходимость использовать средства союзников США была вызвана масштабностью задач, стоящих перед капиталистическим миром, справиться с которыми самостоятельно США уже были не в состоянии. Причем предполагалось большую, чем ранее, часть государственного капитала распределять через многосторонние финансовые организации, прежде всего через международные банки развития во главе с МБРР/МАР. Именно на международные организации была возложена задача финансировать основную часть производительных инвестиций в сельском хозяйстве в рамках «помощи» (подробнее об этом см. главу III). Вместе с тем возрастание роли международных экономических организаций капиталистического мира использовалось Соединенными Штатами для того, чтобы объединить усилия западных стран под своим руководством, одновременно уменьшая свое финансовое участие в этих организациях.

Выдвижение лозунга «борьбы с бедностью» должно было также сгладить впечатление от обструкционистской позиции, которую заняли США на переговорах по проблемам НМЭП, оправдать эту позицию не только в глазах развивающегося мира, но и союзников Америки, склонных, в силу большей зависимости от поставок сырья, к более компромиссному ведению переговоров.

Тот факт, что буржуазно-реформистские идеи в начале 70-х

годов возобладали во внешней политике и экономической дипломатии правящих кругов США, во многом объяснялся неудовлетворительными результатами предшествовавшего периода, когда задача усиления эксплуатации развивающихся стран рассматривалась под «экономическим» углом зрения и социальным сторонам (предпосылкам и последствиям) внедрения иностранного государственного капитала в хозяйственную жизнь развивающихся стран не уделялось должного внимания.

В ряду анализируемых факторов следует отметить и пространственность в начале 70-х годов стереотипа американского общественного мнения, который заключался в том, что происходящие в мире процессы анализировались с позиций глобального превосходства США, их прочного лидерства в капиталистическом международном сообществе, хотя к тому времени уже появились трезвые, а порой и тревожные оценки быстрой утраты США былых позиций. Представляется, что этот стереотип сыграл определенную роль в переориентации в 70-е годы с двусторонних на международные каналы вывоза государственного капитала в освободившиеся страны, так как порождал уверенность в том, что выгоды от деятельности международных организаций по-прежнему будут доставаться преимущественно американскому бизнесу.

Как уже отмечалось, международные организации уделяют значительно большее внимание проблемам аграрного развития освободившихся стран по сравнению с национальными агентствами «помощи». Так, доля вывоза государственного капитала в этот сектор экономики всех членов Комитета содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1979 г. составляла 18% для так называемой официальной помощи развитию, в то время как аналогичный показатель для международных финансовых организаций равнялся 49%²⁴. В абсолютных показателях вывоз государственного капитала вырос с 1945 млн. до 4046 млн. долл. за период с 1973 по 1980 г. по двусторонним каналам и с 2435 млн. до 5590 млн. долл. за тот же отрезок времени по многосторонним²⁵.

Четвертый этап в политике вывоза государственного капитала, предназначенного для развития сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран, совпал с началом 80-х годов. Этот этап неокOLONиальной политики Запада, несмотря на целый ряд качественно новых моментов, свидетельствует о дальнейшем развитии характерной для всего послевоенного периода тенденции ко все более широкому воздействию на развивающиеся страны. Начав с вмешательства в инфраструктурные подразделения национальной экономики, иностранный государственный капитал постепенно стал затрагивать производственные отрасли (что особенно наглядно проявилось в сельском хозяйстве развивающихся стран) и затем, используя систему обусловленности предоставления новых креди-

тов, вышел за рамки чисто экономической деятельности и стал влиять на всю государственную политику принимающих стран. Четвертый этап своеобразным завершением определенно-неоколониального цикла, так как именно с попыток воздействовать на стратегию государственного управления начинали свою деятельность в 50-х годах эмиссары стран развитого капитализма в развивающихся государствах, принимая активное участие в разработке проектов первых планов развития. Принципиальное отличие четвертого этапа состоит в том, что теперь вмешательство начинает носить «директивный» характер, в то время как в 50-е годы оно в основном было «индикативным».

Аграрный неокOLONиализм на современном этапе перестал играть ту ключевую роль, которая в 70-е годы давала основания идентифицировать с его политикой всю деятельность империализма в развивающемся мире. Основные ограничения на пути социальной и пространственной экспансии иностранного капитала теории и практики неокOLONиализма в 70-е и 80-е годы видят преимущественно в несрабатывании механизма капиталистической трансформации традиционных аграрных структур и невовлечении в него обширных слоев деревенского населения. На протяжении длительного периода считалось, что для «запуска» такого механизма достаточно определенного уровня финансовых инъекций государственного капитала, за которым должен последовать, по замыслу стратегов неокOLONиализма, и частный. Практика 70-х годов показала, что препятствия на пути капиталистического развития сельского хозяйства стран «третьего мира» намного сложнее, нежели неразвитость коммуникаций или нехватка финансовых ресурсов. Основная опасность ныне усматривается в ограничениях развития товарно-денежных отношений, предпринимательского духа, частной инициативы, «встроенных» в систему государственного управления социально-экономической жизни развивающихся стран. Отсюда — перемещение внимания с отраслевых «узких мест» на функциональные ограничения, присущие развивающемуся обществу. Как следствие — падение значимости аграрных аспектов регулирующей деятельности империализма в развивающемся мире, стимулирование которых одно время считалось панацеей от многих трудностей, возникающих перед центрами МКХ в ходе освоения периферии этого хозяйства.

Соответственно изменяется и концептуальное обрамление предпринимаемых империализмом акций. Как известно, существуют два основных подхода, которые, сочетаясь в той или иной пропорции в зависимости от конкретных обстоятельств, формируют политику государственно-монополистического капитализма в отношении социально-экономического развития освободившихся стран.

Первый (назовем его буржуазно-реформистским), наряду с поддержкой зрелых форм капиталистического предпринимательства, предполагает необходимость содействия различным

видам мелкотоварного производства в городе и деревне. Поддержка этих форм экономической деятельности, занимающих промежуточные ступени от традиционных укладов к капиталистическому способу производства, должна, по замыслу реформистов буржуазного толка, способствовать: 1) созданию благоприятных условий для вторжения иностранного капитала в ранее не охваченные им сферы деятельности; 2) расширению политически активной прослойки, которая помогла бы укреплению устоев государственной власти в странах капиталистической ориентации на фоне усиливающегося недовольства беднейших слоев населения.

Наиболее широко буржуазно-реформистские настроения распространены в Мировом банке и региональных банках развития, международных организациях системы ООН, в государственных организациях малых стран Европы. В отдельные периоды они брали верх и при определении политики национальных агентств «помощи» в развитых капиталистических странах (середина 70-х годов).

Второй подход в политике стран Запада в отношении развивающегося мира можно назвать консервативным. Идеями истоками его служат представления о сходстве этапов эволюции капитализма в развивающихся и развитых капиталистических странах и признание «свободной игры рыночных сил» двигателем такой эволюции. Государству отводится роль механизма, обеспечивающего условия для протекания этой «игры».

В рамках описываемого подхода отрицается поддержка экономических отраслей и зон в какой-либо иной форме, кроме привлечения частного капитала, а предпосылками такого привлечения признается целенаправленная деятельность государства по либерализации экономического климата. «Помощь» выступает катализатором такой либерализации.

Консервативные тенденции в теории и практике неокOLONIALИЗМА возобладали над буржуазно-реформистскими на рубеже 70—80-х годов. Изменения затронули прежде всего представления о средствах ускорения капиталистической трансформации развивающихся стран. Необходимость подобной трансформации рассматривается западными идеологами в тесной связи со стабильностью МКХ, которой угрожает неспособность большинства стран «третьего мира» подстраиваться под динамично меняющиеся условия международного капиталистического разделения труда. Для четвертого этапа характерно повышение удельного веса силовых методов давления на развивающиеся страны, ужесточение стиля взаимоотношений с последними. Объективной основой для усиления конфронтационных тенденций в неокOLONIALИЗМЕ 80-х годов послужил целый комплекс факторов. Ведущую роль сыграли сдвиги в производительных силах центров МКХ. Структурная перестройка экономики развитого капиталистического мира расширила возможность применения капитала «дома», послужила основой для наступления фазы

относительного снижения заинтересованности в развивающемся мире, что свидетельствует о циклическом характере движения сил, лежащих в основе взаимоотношений центров и периферии МКХ. Частному капиталу стало тесно в рамках существовавшего государственного регулирования, в сфере взаимодействия со странами «третьего мира». Это привело к настоятельной потребности ведущего звена монополистического капитала — ТНК — в расширении возможностей эксплуатации развивающегося мира, демонтажа тех препятствий, которые ставили на пути такой эксплуатации органы национального контроля за деятельностью иностранного капитала. Для достижения этой цели было недостаточно закулисного давления на освободившиеся страны в ходе обычной экономической дипломатии. Требования проводить политику «открытых дверей» и обеспечить гарантии безопасности для иностранных капиталов (наряду с осуществлением мероприятий по содействию национальному частному предпринимательству) в 80-е годы выдвигаются в ряд основных условий предоставления «помощи» по межгосударственным каналам.

Немаловажно, что странам развитого капитализма удалось добиться снижения зависимости от поступающих из развивающегося мира энергоресурсов как за счет снижения материальной емкости и энергоемкости производства, так и за счет диверсификации нефтедобычи в мире, в том числе в самих развитых капиталистических странах, например в Великобритании.

Структурная перестройка в странах развитого капитализма, и прежде всего в США, повлекла за собой концентрацию финансовых, научно-технических и производственных ресурсов в наукоемких отраслях. Отсекаются побочные направления производственной деятельности. Реинвестируются средства из зарубежных филиалов ТНК, которые используются для обновления производственного аппарата материнских компаний. Оттоку средств из филиалов ТНК способствовала и практика завышенных учетных ставок в банках США, осуществлявшаяся в первой половине 80-х годов. Роботизация и компьютеризация производства в сочетании с новыми методами его организации свели на нет многие преимущества, которые лежали в основе перемещения на периферию МКХ ряда экспортных производств. Все это вместе взятое привело к определенному снижению заинтересованности в развивающихся странах как сфере приложения капитала.

Но данное снижение — только один из факторов в сложной равнодействующей сил, формирующих политику Запада в развивающемся мире. В ином направлении действует заинтересованность в регулировании растущей стремительными темпами задолженности развивающихся стран. В последние годы долговая кабала стала инструментом выкачки огромных финансовых доходов, которые используются империалистическими державами для обновления экономических структур и наращива-

ния военного потенциала. Стремление сохранить этот источник доходов побуждает институты МКХ не допускать «перегрева» и слома механизма финансовой зависимости во избежание цепной реакции банкротства крупнейших коммерческих банков и кризиса всей валютно-финансовой системы капитализма.

В сложившейся ситуации особую роль приобретает деятельность государства в развивающихся странах, которое, являясь центральной фигурой при определении политики управления долгом, становится объектом давления со стороны империалистических стран, заинтересованных в понимаемой ими по своему эффективности такой политики.

Консервативные тенденции в политике неокOLONиализма проявились и в политике вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран. Возросла роль двусторонних форм вывоза капитала как наиболее адекватных инструментов проведения жесткого курса в отношении развивающегося мира, что повлекло за собой снижение доли отраслей сельского хозяйства — получателей государственного капитала из развитых капиталистических стран.

Все это ставит под сомнение саму необходимость поиска компромиссных решений в деле капиталистически ориентированной трансформации сельского хозяйства развивающихся стран. Для этой политики характерен отход от линии на замедление неизбежной при становлении отношений капиталистического типа дифференциации сельскохозяйственных производителей путем усиления элементов «низового» капитализма, расширения его национальной базы.

Напротив, политике аграрного неокOLONиализма на нынешнем ее этапе присуще преувеличенные роли внешнего фактора в качестве источника развития. В декларациях ряда западных политиков частный, в первую очередь транснациональный, капитал агробизнеса фигурирует как сила, которая реально может осуществить преобразование деревни развивающегося мира.

Хотя наблюдаемые изменения в значительной мере представляют собой только отказ от тех словесных ухищрений, которыми прикрывался курс, игнорировавший, по сути дела, нужды широких слоев сельского населения, происходящая перестройка весьма симптоматична.

Для развитых капиталистических стран «ренессанс» консервативных настроений означал оттеснение идей буржуазного реформизма на второй план и тем самым возобладание более активного, исходящего преимущественно из нужд текущего момента подхода к процессам аграрного развития в освободившихся странах. Проблемы социально-экономического развития данной группы стран сторонники буржуазно-реформистского подхода пытались решить прежде всего за счет анклавного вкрапления современных производительных сил, тогда как приверженцы консервативных концепций сделали ставку на мо-

дификацию всего хозяйственного механизма в развивающихся странах. В «прицеле» неокOLONиалистской стратегии 80-х годов стоит экономическая политика государства в развивающихся странах. Секторальное распределение средств «помощи» будет, очевидно, в ближайшие годы детерминироваться не только критериями достижения наибольшей эффективности отдельных мероприятий, осуществляемых на средства «помощи» при данной экономической политике принимающей страны, но и степенью изменения этой политики в той или иной сфере экономической деятельности развивающихся стран. Кроме того, приоритеты в распределении средств, несомненно, еще теснее будут «привязаны» к интересам иностранного монополистического бизнеса, оперирующего в принимающей стране.

В этих условиях видоизменяется и роль институтов коллективного неокOLONиализма. Правящие круги западных держав, и в первую очередь США, пытаются использовать эти институты уже не столько как инструменты непосредственного участия в преобразовании сельского хозяйства развивающихся стран, сколько в качестве орудий давления, которые в силу своего высокого престижа в международных экономических отношениях позволяют быстро и эффективно принудить страны-заемщицы к отвечающим интересам западных стран изменениям в своей внутренней и внешней социальной и экономической политике. Так, tandem Международного валютного фонда (МВФ) и группы МБРР играет важную роль в навязывании развивающимся странам так называемых стабилизационных программ, включающих меры по наступлению на жизненный уровень трудящихся и облегчению деятельности частного капитала, как национального, так и иностранного. Эти меры больше всего бьют по тем беднякам, о которых еще недавно так рдели названные организации, и нередко провоцируют выступления малоимущих и неимущих слоев населения в странах, где подобные программы были воплощены в жизнь.

Каковы же пути преодоления кризиса аграрных структур в развивающихся странах, предлагаемые правящими кругами империалистических держав? Определенное представление о новых моментах в мышлении стратегов неокOLONиализма по интересующей нас проблеме может дать ряд документов МБРР/МАР, разработанных в связи с проблемами развития африканских стран к югу от Сахары²⁶. Следует учесть, что специалисты группы МБРР пытаются сохранить элементы более либерального подхода предшествующего десятилетия, но в целом синтез идей происходит в условиях доминирования консервативных теоретических воззрений.

В центр проблемы преодоления экономической отсталости африканских государств, в том числе и отсталости в аграрной сфере, ставится задача изменения приоритетов государственной экономической политики, а не просто требования о наращивании усилий правительства в той или иной отрасли экономики,

что было характерно для предшествовавших рекомендаций. Суть предлагаемых изменений государственной политики сводится к пересмотру соотношения роли государства и частного сектора в экономике в пользу последнего. Государственному сектору вменяется в вину то, что выбор слишком многих проектов, осуществлявшихся в рамках «помощи», исходил из «соображений престижа» либо в недостаточно полной мере учитывал предполагаемый уровень нормы прибыли²⁷, а также недостаточное стимулирование сельскохозяйственного производства с помощью закупочных цен, плохую организацию поставок инвестиционных товаров, неразвитость соответствующей инфраструктуры и т. д.²⁸ Как заявил в 1981 г. тогдашний президент группы МБРР А. Клаузен, «правительства африканских стран должны не только искать пути достижения большей эффективности в работе организаций государственного сектора, но и как можно больше полагаться на частный сектор»²⁹.

При этом практически не затрагивается вопрос о тех немощных и малоимущих слоях деревенского населения, которым стимулирование товарного производства не принесет реального улучшения в отличие от сельской элиты. В рассматриваемых документах виден отход даже от тех попыток разграничить экономический рост и социальное развитие, которые присутствовали в документах группы МБРР еще несколько лет назад.

Причины таких перемен объяснимы. Они тесно связаны со стремлением правящих кругов западных стран любыми средствами подстегнуть экономический рост стран «третьего мира», чтобы последние могли разделить бремя последствий кризисов капиталистического мира, выдержать долговую кабалу, в которой они оказались. В центре внедряемой в развивающихся странах стратегии стоит поощрение деятельности по «добыванию» иностранной валюты, что для сельского хозяйства предполагает активизацию экспортного производства. Это означает обострение противоречий по линии «производство на экспорт — производство для внутренних нужд». Решение будет применяться исходя из того, что внесет больший вклад в формирование инвалютных ресурсов: сокращение закупок на мировом рынке в результате развития внутреннего производства или экспортная экспансия. Насущные нужды жителей, особенно голодающего населения Африканского континента, остаются за скобками финансовых выкладок.

Политика экспорта государственного капитала, по мнению экспертов МБРР/МАР, должна быть направлена на финансовую поддержку тех правительств развивающихся стран, которые уступают давлению извне. Внешние ресурсы пойдут на финансирование экономических реформ, которые без этой поддержки не смогут быть осуществлены.

Нельзя сказать, что волне консерватизма не противостоит поиск более гибких форм продвижения к целям, которые ста-

вит перед собой империализм в развивающемся мире. В академических и деловых кругах не прекращаются дебаты о стратегических направлениях развития взаимоотношений между центрами и периферией МКХ, включая и их аграрные аспекты. Доклады комиссии под руководством В. Брандта, ряд работ Трехсторонней комиссии исходят из возрастающего значения развивающихся стран в современном мире, призывают к реалистичной оценке существующих в этих странах проблем и выработке политики, учитывающей не только интересы центров МКХ. Однако в основе практических мер лежат планы сторонников жесткого подхода к развивающимся странам.

Подводя итоги, следует отметить, что преобразованию сельского хозяйства на периферии МКХ по-прежнему нет альтернативы. Однако качественно иные условия взаимодействия развитых капиталистических и развивающихся стран в 80-е годы вносят свои коррективы в формы и методы осуществления такого преобразования. Во-первых, увязывание предоставления финансовых ресурсов с переменами в государственной политике принимающих стран ведет к тому, что распределение «помощи» исходит не из потребностей в ней, а зависит от «послушания» при выполнении предписываемых Западом директив. Во-вторых, отказ, по существу, от попыток более равномерного распределения средств «помощи» среди различных имущественных категорий получателей этих средств на селе содействует их концентрации в руках деревенской элиты. В-третьих, все более тесное увязывание государственных ресурсов с потоками частного зарубежного капитала неизбежно приведет к еще большему пренебрежению интересами стран-реципиентов, к дальнейшим региональным диспропорциям сельскохозяйственного развития.

Вырисовываются и главные черты общеэкономического развития стран «третьего мира» в 80-е годы.

Прежде всего расширилось поле деятельности частного капитала, в том числе иностранного. Сняты многие ограничения. Если учесть сохраняющуюся заинтересованность во внедрении западных монополий в экономические структуры развивающихся стран с емким национальным рынком и в отрасли, дающие возможность выпускать конкурентоспособную продукцию с достаточно высокой долей наукоемкости, а также то обстоятельство, что новые (неакционерные) формы участия позволяют западным корпорациям влиять на экономическое развитие освободившихся стран с меньшим риском для инвестора и привлекая меньший объем финансовых ресурсов, то можно предположить активизацию роли частного иностранного капитала в экономическом преобразовании развивающихся стран. В условиях растущей интернационализации воспроизводственного процесса в рамках всего МКХ, динамичное и сопряженное с интересами западных стран развитие экономики развивающегося мира становится важной предпосылкой (важность которой осо-

бепно заметна в долгосрочном плане) успешного функционирования хозяйственного механизма в странах развитого капитализма.

«Помощь» агропродовольственным секторам развивающихся стран в системе противоречий между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства

Политика вывоза государственного капитала в сельское хозяйство и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран формируется в рамках системы противоречий, пронизывающих всю структуру мирового капиталистического хозяйства.

Для простоты анализа можно выделить несколько групп противоречий, которые имеют непосредственное отношение к становлению основных форм и направлений политики вывоза государственного капитала в интересующие нас области деятельности. Это коренное различие интересов развитых капиталистических и развивающихся стран; противоречия между самими империалистическими державами, интересы которых сталкиваются в развивающемся мире; расхождения интересов сил, прокладывающих курс аграрного неоколониализма в каждой из развитых капиталистических стран; разнонаправленность целей высшего руководства и непосредственных исполнителей, сказывающаяся на работе органов, отвечающих за вывоз государственного капитала. Следует сказать, что взаимообусловленность и тесная переплетенность упомянутых противоречий делают данную классификацию достаточной условной.

Политика «помощи» как часть политики неоколониализма неизбежно воспроизводит противоречия, которые имманентны отношениям между эксплуатирующей и эксплуатируемой подсистемами МКХ. Иными словами, обострение социальных и экономических диспропорций в ходе развития сельского хозяйства развивающихся стран, в той мере, в какой они вызваны внешним воздействием со стороны развитого капиталистического мира, и, в частности, экспортом государственного капитала из него, является конкретным воплощением тех базисных противоречий, которые неотъемлемо присущи неоколониальной модели международных экономических отношений.

Исходным пунктом этой группы противоречий, пронизывающих все стороны взаимодействия между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, выступает несовпадение задач, вытекающих из нужд развития последних, и задач сохранения и упрочения отношений эксплуатации и зависимости, на решение которых направлены усилия империалистических держав.

Вместе с тем политике «помощи», в том числе и на агропродовольственных направлениях, свойствен ряд черт, которые поз-

воляют маскировать подчиненность этой политики целям неоколониальной экспансии развитых капиталистических стран, затрудняют выявление противоречий, присущих этой форме взаимодействия. Как известно, вывоз государственного капитала, выполняя социальный заказ правящих кругов западных государств, направлен на укрепление основ неоколониального господства этих государств в развивающемся мире. Для этого необходимо не только сохранить прежние каналы воздействия, но и уменьшить негативные проявления обострившихся в силу тех или иных причин противоречий (в интересующей нас сфере подобное ослабление противоречий нередко есть преодоление последствий политики аграрного неоколониализма, проводившейся ранее).

Классическим примером является предоставление продовольственной «помощи». Поставки сравнительно дешевого зерна из-за границы зачастую превращали производство аналогичной или конкурирующей продукции в экономически неэффективное и разоряли мелких производителей, тем самым увеличивая число потенциально нуждающихся в продовольственной помощи. Содействие производству продовольствия на месте является в этом смысле попыткой устранить отрицательные результаты предшествовавшей политики.

Выявить взаимосвязь между проблемами аграрной сферы развивающихся стран и политикой империалистических держав подчас нелегко. Этому, например, препятствует опосредованность связей между притоком материальных и финансовых ресурсов в аграрную сферу и теми отрицательными проявлениями, к которым данное вмешательство приводит. Протяженность цепи промежуточных звеньев между внешним импульсом и конечным результатом способствует тому, что формой проявления нарастающих противоречий выступает не столько открытая конфронтация интересов развитых капиталистических и развивающихся стран по поводу аграрного развития последних (хотя и это имеет место), сколько усугубление внутренних трудностей сельскохозяйственного развития в развивающемся мире.

Завуалированность противоречий в отношениях между центрами и периферией МКХ в ходе вывоза государственного капитала в сельское хозяйство и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран объясняет сложность осознания руководящими деятелями и общественностью в развивающемся мире роли внешнего фактора в формировании препятствий на пути подлинного социально-экономического прогресса в аграрной сфере.

Задача расширения экспорта государственного капитала выдвигается многими либеральными буржуазными идеологами в противовес требованиям развивающихся стран о перестройке мирохозяйственных связей именно в силу того, что достигаемое в результате этого экспорта смягчение ряда последствий неоколониальной эксплуатации легко представить как

борьбу с причинами отсталости, в то время как упрочение механизма зависимости, которая в действительности порождает многие из этих причин, нередко упускается из виду при обсуждении конкретных проблем получения «помощи» развивающимися странами. Не случайно западные политики относят вывоз государственного капитала к буржуазно-реформистскому инструментарию в арсенале средств давления на освободившиеся страны и расценивают его как альтернативу военно-силовым методам урегулирования конфликтов между развивающимися странами и развитыми капиталистическими государствами. Однако кажущийся «либерализм» аграрного неокOLONиализма не меняет его содержания.

Одним из наиболее «традиционных» противоречий между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, воспроизводимых «помощью» сельскому хозяйству, выступает противоречие между заинтересованностью западных государств в использовании природных богатств и трудовых ресурсов развивающихся стран для обеспечения нормального хода воспроизводства в центрах МКХ и ограниченной возможностью этих стран одновременно развивать экспортный потенциал и производство для внутренних нужд. Конкуренция в доступе к бюджетным средствам, плодородным землям, в наличии квалифицированных кадров и специалистов зачастую ставит подразделения, ориентированные на внутренний массовый спрос, в положение аутсайдеров. Наблюдающееся в последнее время расширение сфер внедрения государственного капитала за пределы экспортного производства сельскохозяйственной продукции не было столь значительным, чтобы можно было говорить о переломе, который бы означивал ослабление указанного противоречия.

Нарастание масштабов вывоза государственного капитала в сферу сельскохозяйственного производства и продовольственного обеспечения развивающихся стран вело к появлению новых зон столкновения интересов этих стран с государствами развитого капитализма. Стремление западных держав обеспечить сбыт сельскохозяйственной техники (что усиливает зависимость развивающихся стран от поставок средств производства, производимых при прямом либо косвенном участии западных монополий) вступает в противоречие с потребностью развивающихся стран в максимальном использовании имеющихся национальных резервов повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. Предлагаемый западными специалистами тип развития сельскохозяйственного производства в своей основе — слепок технологических решений, порожденных конкретными условиями сельскохозяйственного производства в развитых капиталистических странах. Некритическое применение в развивающемся мире оптимальных для индустриально развитых стран моделей сельскохозяйственного производства, чем нередко грешат программы «помощи», ведет не

только к обострению проблем занятости, топливно-энергетического баланса, зависимости от поставок запасных частей и специалистов по обслуживанию техники, но и к подрыву экологического баланса, уменьшению разнообразия растительного мира, усугублению проблем борьбы с сельскохозяйственными вредителями и др.

Применение новых технологических решений расценивается многими буржуазными учеными и политиками не только как средство повышения эффективности хозяйствования, что справедливо, но и как замена назревшим переменам в аграрном строе освободившихся стран, как например в случае с «зеленой революцией». Знаменательно, что во главу угла политики вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран ставится задача увеличения продуктивности последнего. При этом остаются в стороне столь насущные для периферии МКХ вопросы, как самообеспечение продовольствием, сбалансированность пропорций сельскохозяйственного производства, ломка отживших социальных отношений. Упор на увеличение физических объемов производства без коренного изменения внешних и внутренних условий такого производства объективно играет на руку силам, противодействующим социально-экономической модернизации сельского хозяйства.

Влияние «помощи» Запада не ограничивается переводом падающих в сферу ее влияния зон сельскохозяйственного производства на новую технологическую основу. Одним из краеугольных камней концепции вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран является стимулирование развития товарно-денежных отношений в стране-реципиенте, активизация роли рыночных сил как регуляторов хозяйственной деятельности на селе, т. е. переносу подлежат и западные социологические стереотипы организации производства, безотносительно их вклада в обострение проблем аграрного перенаселения, непролетарского обнищания. Достаточно отметить, что присущая рыночному механизму стихийность неизбежно ведет к убыстрению процесса раскрестьянивания, который до сих пор не сопровождался адекватным ростом капиталистических форм производства. Кроме того, усилению рыночных начал в регулировании сельской экономики противодействует (особенно в группе низших по экономическому потенциалу развивающихся стран) неразвитость инфраструктуры, маломощность индивидуальных хозяйств, которые не в состоянии адаптироваться к технологическим инновациям.

Следует подчеркнуть, что поддерживаемая агентствами «помощи» рыночная модель регулирования экономики выступает альтернативой усяления позиций государственного сектора.

Еще одним каналом усиления внутренних диспропорций хозяйственной жизни в деревне развивающихся стран является «вестернизация» потребительских вкусов и соответственно структуры потребления продовольственной продукции.

Обострение противоречий между центрами и периферией МКХ, к которому ведет политика «помощи» в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения, проявляется не только в скрытой форме, через внедрение определенной модели развития в сельском хозяйстве, но и в непосредственном столкновении интересов названных групп стран, в частности, как производителей, конкурирующих на мировом рынке продуктов.

К числу открытых форм противоречий между интересами правящих кругов империалистических стран и потребностями широких слоев населения развивающихся государств принадлежат противоречия в области распределения государственного капитала, в полной мере распространяющиеся и на сельскохозяйственное производство на периферии МКХ. Распределение происходит не в соответствии с тяжестью ситуации в аграрной сфере той или иной развивающейся страны, а ведется исходя из политических, торговых, военно-стратегических и иных приоритетов страны, предоставляющей «помощь». Это особенно характерно для двусторонних форм вывоза государственного капитала. Основная доля средств, поступающих по двусторонним каналам, направляется на поддержку прозападных режимов, служит обогащению коррумпированной верхушки и нередко позволяет ей продолжать игнорировать тяжесть положения деревенских низов, пренебрегать экономическими нуждами сельскохозяйственного производства.

Полное внутренних противоречий взаимодействие между развитыми капиталистическими и развивающимися странами по линии вывоза государственного капитала в сельское хозяйство последних не могло бы осуществляться достаточно долго, не доходя до открытой конфронтации, если бы не ряд факторов, которые обусловили определенное совпадение интересов правящих кругов этих двух групп стран. Прежде всего этому способствует, как уже отмечалось, неосознанность того факта, что существует тесная взаимосвязь между вовлечением развивающихся стран в капиталистические мирохозяйственные отношения (чему служит и аграрный неокOLONиализм) и неурядицами в аграрном развитии этих стран. Вызванное целым рядом негативных моментов в развитии сельского хозяйства недовольство деревенских жителей и городских низов не трансформируется пока в энергию борьбы за более жесткий национальный контроль за использованием субсидий и заемных средств, поступающих по каналам «помощи».

Правящим режимам в развивающихся странах, не стремящимся к реальным преобразованиям в сельском хозяйстве, обращение к западным ресурсам, поступающим по межгосударственным каналам, позволяет заявлять о приверженности задачам модернизации аграрной экономики. Нередки и случаи прямого использования поступающих в рамках «помощи» средств для обогащения высшего чиновничества.

Следует иметь в виду, что политика «помощи» затрагивает не только финансовые или материально-технические, но и мировоззренческие аспекты стратегии национального развития стран «третьего мира». Эта политика целенаправленно работает на создание климата, благоприятного для прихода к власти в развивающихся странах тех сил, деятельность которых совпадала бы с представлениями стратегов неокOLONиализма о путях дальнейшей эволюции периферии МКХ. Конечно, иностранная «помощь» в большинстве случаев не может предрешить приход к власти той или иной группировки, но при прочих равных условиях шансы политических кругов, которые заведомо пользуются благосклонностью империалистических держав, выглядят предпочтительнее. Во всяком случае, считать, что крупные политические решения, тем более затрагивающие сферу внешнеэкономических связей, могут приниматься правительствами развивающихся стран исходя только из внутренней ситуации (особенно в 80-е годы), на наш взгляд, было бы неверным.

Большинство правительств развивающихся стран испытывает острую нужду в финансовых ресурсах и готово принять любые минимально приемлемые условия, касающиеся направления и форм предоставления средств, тем более на льготных условиях. Кроме того, появление по мере расширения вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран определенной конкуренции между агентствами «помощи» позволяет, пусть в незначительных пределах, оговаривать и собственные условия получения материально-финансовых ресурсов из развитых капиталистических стран.

Важную роль при обращении за «помощью» играет и близость идеологических позиций ряда развивающихся стран, целенаправленно стремящихся заручиться поддержкой определенных групп стран или капиталистического мира в целом. Особенно заинтересованы во всех формах поддержки извне прозападные режимы в периоды социальных потрясений, когда стоит задача любой ценой удержаться у власти, сбить накал народного недовольства.

Следующая группа противоречий, присущих аграрному неокOLONиализму, проявляется в межимпериалистической конкуренции. Не прекращается постоянное империалистическое соперничество в «третьем мире». Аграрный неокOLONиализм выступает одним из инструментов такого соперничества. Инъекции «помощи» служат нередко средством укрепления влияния той или иной страны западного мира, получения уступок от правительства развивающейся страны. При этом элемент конкуренции смягчает в определенной мере жесткие рамки стратегических установок, которыми руководствуются создатели программ «помощи».

Совокупность объективных факторов, определяющих характер отношения ведущих империалистических государств или их группировок к развивающимся странам, позволяет говорить о

различных модификациях неокOLONиализма, в которых аграрные аспекты являются составной частью и одновременно обуславливаются общими контурами неокOLONиальной политики той или иной развитой капиталистической страны. В настоящей работе рассматриваются четыре варианта аграрного неокOLONиализма — США, Великобритании, ФРГ и Японии.

К этой же группе противоречий относится и противоречие между значимостью сельского хозяйства развивающихся стран для экономических и социально-политических процессов в развитом капиталистическом мире и ограниченной возможностью влиять на развитие этого хозяйства.

В следующем пласте противоречий, существующих внутри самих развитых капиталистических стран и оказывающих непосредственное воздействие на формирование политики вывоза государственного капитала в сельское хозяйство и сферу продовольственного обеспечения развивающихся государств, можно выделить ряд основных сталкивающихся интересов. Во-первых, противоречия, порождаемые разнородностью интересов многочисленных институтов капиталистического государства, стремящихся использовать «помощь» в качестве инструмента достижения ведомственных целей, и сопровождаемые постоянной борьбой за влияние на формирование политики этой «помощи». Государственному капиталу приходится решать не только экономические задачи, но и политические, военные, идеологические. При этом столкновение ведомственных интересов оказывает определенное влияние на характер «аграрного» неокOLONиализма. Так, во внешнеполитических ведомствах ряда развитых капиталистических стран существуют группировки, выступающие за консервацию зависимости развивающихся стран от поставок продовольствия с целью использовать «продовольственное оружие» как средство давления на эти страны. В то же время значительная часть политического истеблишмента и представителей делового мира считают нецелесообразным сохранение, по крайней мере в нынешних размерах, данной формы зависимости, чреватой нарушениями экономических взаимосвязей в рамках МКХ и социальными взрывами в самих развивающихся государствах.

Аналогичные столкновения интересов прослеживаются среди представителей частного бизнеса, стремящихся использовать потоки государственного капитала для обслуживания собственных интересов. С одной стороны, политические круги, отражающие интересы монополий несельскохозяйственного профиля, стремятся не допустить чрезмерного разрастания аграрного компонента в структуре «помощи» развивающемуся миру. С другой — ведется борьба за направления, формы и условия вывоза государственного капитала в аграрную сферу развивающихся стран со стороны компаний, действующих в области агробизнеса. Часть из этих компаний, ориентирующихся на производство в рамках национального сельскохозяйственного комплекса,

в основном заинтересована в развивающихся странах как в потребителе производимой этим комплексом продукции. Другая часть представлена прежде всего транснациональными корпорациями, выносящими производственную деятельность за национальные границы и рассматривающими развивающиеся страны и как потребителей сельскохозяйственной продукции и товаров инвестиционного назначения, и как производителей, причем не только традиционной для них продукции тропического пояса, но и культур, ранее возделывавшихся лишь в странах умеренного климата.

Именно расширение спектра интересов монополистического агробизнеса создало возможность, наряду с другими предпосылками, для нарастающего вмешательства империалистических государств в стимулирование сельскохозяйственного производства на периферии МКХ.

Последний круг противоречий, наиболее зримый и, пожалуй, наиболее полно отраженный в зарубежных публикациях, посвященных проблемам «помощи» сельскохозяйственному производству, связан с деятельностью организаций, на чьи плечи возложена задача перевода стратегических директив на язык конкретных решений. Характер противоречий, существующих в самой политике «помощи» сельскому хозяйству и продовольственному снабжению развивающихся стран, сложный. С одной стороны, на этом уровне прослеживаются рассматриваемые выше типы противоречий, а с другой — немало внутренних конфликтов несет в себе сама деятельность «агентств помощи». Эти конфликты — суть проблемы саморазвития бюрократических институтов капиталистического мира. Противоречивость внешнеэкономической политики империализма проявляется, наряду с прочим, в несоответствии исполнительного механизма целям, провозглашаемому творцами неокOLONиальных доктрин, когда нередко дальше риторики широковещательных деклараций на правительственном уровне дело не идет. Одной из причин этого может выступать то обстоятельство, что упомянутые декларации подчас противоречат устоявшимся методам работы и представлениям, укоренившимся в данных учреждениях. Благоприятной средой для проявления подобной автономии организаций, осуществляющих вывоз государственного капитала, в том числе и в аграрную сферу развивающихся стран, служит их многочисленность при отсутствии единого централизованного управления.

Трудности в работе механизма вывоза государственного капитала, которые в полной мере проявляются и при реализации программ сельскохозяйственной «помощи», стали традиционными и упоминаются специалистами на протяжении целого ряда лет. Еще в начале 70-х годов на одном из слушаний в Конгрессе США отмечалось, что при подготовке и осуществлении проектов «помощи» нечетко формулируются цели проектов, проектные решения зачастую недостаточно проработаны, в их

подготовке не участвуют специалисты принимающих стран, плохо координируются сроки поставок, местные организации слабо информируются о ходе и проблемах осуществления проектов, основное внимание уделяется техническим аспектам проектов в ущерб социальным и т. д.³⁰

Причины этих застарелых болезней «помощи» многообразны и отражают противоречия, возникающие на уровне оперативного управления вывозом государственного капитала. Так, задача развития сельскохозяйственного производства как цель стратегического характера, провозглашенная практически всеми международными и национальными организациями, связанными с вывозом государственного капитала, вызвала необходимость учета конкретных агроклиматических и хозяйственных условий той местности, где осуществляются сельскохозяйственные проекты. Это потребовало разработки проектов, сравнительно мелких по объему предоставляемых средств, вынужденных учитывать неразвитость производственной и социальной инфраструктуры в сельской местности. Новые требования вступили в острый конфликт с практикой и текущими задачами агентств «помощи», так как последние заинтересованы: во-первых, в разработке крупномасштабных проектов, которые легче проектировать и осуществлять; во-вторых, в проектах, легко тиражируемых и с незначительными вариациями применимых в любой части развивающегося мира; в-третьих, в проектах, обладающих значительной долей так называемого импортного компонента, т. е. материалов и оборудования, закупаемого в ходе открытых торгов преимущественно у монополий из развитых капиталистических стран. В этой связи интересна оценка, которую в свое время дал руководитель отдела ЕЭС по предоставлению «помощи» Э. Пизани, затрагивая вопросы сотрудничества этой организации со странами Африки. Представляется, что она справедлива и для отношений со всем развивающимся миром. Э. Пизани признал, что «тот тип крупномасштабных проектов, который был популярен у правительств африканских стран по соображениям престижа, а у европейских руководителей — из-за того, что они обеспечивали работой подрядчиков и снабженцев, оказался малопригодным для удовлетворения первостепенных нужд Африканского континента, и нет надежды на то, что он окажется способным на это в будущем»³¹.

Тормозом форсированного наращивания объемов кредитования сельской экономики выступает специфика аграрных проектов, требующая больших затрат времени и средств по сравнению, например, с сооружениями чисто инфраструктурного характера. При этом дилемма — количество или качество — нередко решается в ущерб качеству создаваемых для сельского хозяйства проектов.

Эволюция политики вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран в значительной мере

оказывается реакцией западных стран на развитие противоречий, существующих в системе центр — периферия МКХ. Эта эволюция направлена на поиски новых путей и форм эксплуатации развивающихся стран.

Как уже отмечалось, значительное число противоречий, характерных для отношений развитых и развивающихся стран, имманентно эксплуататорской структуре организации хозяйственных связей в рамках МКХ, и аграрная политика неокolonизма, которая в своей основе направлена на увековечение этой системы, не может не содействовать воспроизводству данных противоречий в новых формах и на новых участках. В этой ситуации буржуазным деятелям, прокладывающим курс политики «помощи», часто не остается ничего иного, как прибегать к единственному возможному способу «согласования» разнонаправленных интересов административных органов стран-доноров и общенациональных интересов стран-реципиентов — к фальсификации истинных целей, которые преследуют западные державы. Ярким примером может служить деятельность национальных и международных агентств «помощи» в 70-е годы, проходившая под лозунгом «борьбы с бедностью». Будучи не в состоянии игнорировать острые проблемы социально-экономического развития деревни развивающихся стран и стремясь замаскировать причастность к усугублению этих проблем, правящие круги западных держав подвергли общественное мнение своих и развивающихся стран интенсивной идеологической обработке, пытаясь выдать расширение деятельности по ускорению экономического развития сельского хозяйства за принципиально новый подход, якобы отражающий интересы беднейших слоев населения (подробнее см. главу III).

Наряду с противоречиями, устранение которых возможно лишь в результате радикальной перестройки МКХ и сгладить которые, естественно, никакие подновления неокolonизма курса не в состоянии, существуют и противоречия, острота которых в большей или меньшей степени поддается контролю в рамках существующего механизма взаимосвязей между центрами и периферией МКХ.

Так, само наращивание объема государственных ресурсов, направляемых в сельское хозяйство и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран (особенно бурно этот процесс шел на протяжении 70-х годов), явилось попыткой преодолеть противоречие между возросшим стремлением стран развитого капитализма контролировать упомянутые сферы жизнедеятельности и ограниченными возможностями Запада влиять на эволюцию данных подсистем развивающейся экономики.

Здесь уместно затронуть вопрос о том, почему задачу по трансформации аграрного сектора развивающихся стран не смог выполнить частный иностранный капитал.

Экспорт государственного капитала выступал наиболее динамичной частью совокупного вывоза капитала в период кру-

шения колониальной системы, когда частный капитал в развитых капиталистических странах крайне неохотно шел в развивающийся мир, отличаясь избирательностью в отношении стран и отраслей приложения. По мере обеспечения достаточно эффективных гарантий деятельности частного капитала в тех или иных районах развивающегося мира и определенных сферах экономической деятельности государственный капитал сосредоточивал усилия на тех отраслях и странах, которые не привлекали внимания частного капитала в данный момент, но были важны либо для решения неэкономических задач империализма, либо представляли только потенциальный экономический интерес.

Необходимость государственно-монополистического вмешательства в процесс развития аграрной экономики в развивающихся странах объясняется нежеланием частного иностранного капитала вкладывать свои средства. Одна из основных причин такого положения заключается в высокой степени риска, связанного с возможностью национализации земли. Принадлежность земельной собственности иностранному капиталу по праву воспринимается в освободившихся странах как одиозное наследие колониального прошлого. Кроме того, крупный иностранный капитал имеет опыт организации преимущественно крупномасштабных хозяйств плантационного типа. В условиях растущего демографического давления на имеющиеся земельные ресурсы организация крупномасштабного производства, характеризующегося, как правило, трудосберегающей техникой, сравнительно безболезненно может идти только в ряде стран Латинской Америки и Африки, а в большинстве развивающихся стран Азиатского континента имеет свои границы. Поэтому эксплуатация иностранным капиталом природных и трудовых ресурсов в аграрном секторе экономики осуществляется главным образом в сфере обращения. Частный капитал, представленный транснациональными корпорациями агробизнеса, контролирует поставки сельскохозяйственного оборудования, машин, семян, удобрений, обеспечивает предоставление консультационных услуг, переработку и сбыт собранного урожая.

В такой ситуации государственный капитал берет на себя функции стимулятора притока частного капитала в аграрную экономику (создание необходимой социальной и производственной инфраструктуры, создание соответствующего инвестиционного климата, совместное финансирование отдельных проектов) либо замещает этот капитал, непосредственно вторгаясь в сферу производства.

Вывоз государственного и частного капитала объединен не только целью, но и логикой саморазвития. Государственный капитал сначала прокладывает дорогу частному, а впоследствии, по мере все более интенсивного проникновения последнего в развивающийся мир, вынужден уделять возрастающее внимание ликвидации наиболее кризисных проявлений воздействия

частного иностранного капитала на социально-экономическое развитие стран, ввозящих этот капитал.

Важным моментом неоколониальной аграрной политики является соотношение многосторонних и двусторонних форм вывоза государственного капитала.

Стремление преодолеть противоречия между ограниченностью средств, используемых в области сельскохозяйственного развития и продовольственного обеспечения развивающихся стран отдельно взятыми империалистическими державами, и необходимостью проведения широкомасштабных скоординированных акций, которые как раз и могут принести ощутимые результаты, было одной из предпосылок увеличения удельного веса многосторонних каналов в вывозе государственного капитала в сельское хозяйство стран «третьего мира». Коллективный неоколониализм, по замыслу сторонников такого подхода, должен был помочь преодолеть те негативные моменты, которые были присущи двусторонним формам вывоза государственного капитала.

Как известно, двусторонняя форма предоставления финансовых ресурсов из развитых капиталистических в развивающиеся страны выступает во многом носителем традиционных преференциальных отношений колониального периода. Основная часть «помощи» в данной форме воспроизводит географическую структуру распределения ресурсов, характерную для колониальной эпохи. Бывшие метрополии продолжают поддерживать активные экономические и политические отношения прежде всего со своими бывшими колониями. Так, в 60-е годы 85% вывоза государственного капитала из Великобритании осуществлялось на двусторонней основе и лишь 10% этой суммы направлялось в страны, не входящие в Британское Содружество наций³². Для этой формы вывоза государственного капитала высока доля безвозмездных субсидий. Значительная часть «помощи» представляет собой пополнение бюджетных ресурсов получающей экономической «помощью» страны без оговорки относительно целей ее использования, т. е. в непроектной форме. Часто оговаривается, что полученные ресурсы должны использоваться для закупок в стране-доноре. Выступая своего рода платой за политическую лояльность, двусторонняя «помощь» в большей степени направлена на сохранение существующего статус-кво в отношениях центров и периферии МКХ, а не на их модификацию в рамках неоколониализма. Отсюда соответственно и меньшее внимание к производительному использованию получаемых средств, что в полной мере относится и к сельскому хозяйству. Для двусторонних форм вывоза государственного капитала характерна низкая доля ресурсов, поступающая в этот сектор экономики.

Неудивительно, что возрастание абсолютных объемов кредитования аграрной сферы на протяжении 60—70-х годов было в значительной мере обусловлено возрастанием роли государ-

ственного капитала, вывозимого на многосторонней основе. В «официальной помощи в целях развития» стран — членов КСР удельный вес этих средств на протяжении 70-х годов увеличился с 16,1% в 1970 г. до 27,8% в 1980 г.³³ Соответственно замедление темпов роста многосторонней «помощи» в 80-х годах тесно связано со снижением темпов роста государственного капитала, поступающего в аграрную сферу развивающихся стран.

В отношении двусторонней «помощи» можно сказать, что на ее объемы и структуру оказывают влияние прежде всего текущие политические и военно-стратегические моменты, в то время как соображения долгосрочного порядка играли, как правило, второстепенную роль. Хотя ситуация в 70-е годы характеризовалась возросшим учетом долгосрочных факторов стабильного функционирования МКХ в стратегии империализма, все же стержнем политики вывоза государственного капитала на двусторонней основе осталась ориентация на исторически сложившиеся отношения «партнерства» в развивающемся мире и доминирование текущих интересов правящей верхушки империалистических держав, которые она пытается выдать за общенациональные.

Международные формы аграрного неокOLONиализма позволяют более гибко и широко использовать имеющиеся в распоряжении западных стран средства для вмешательства в ход развития сельского хозяйства освободившихся стран. Ведущую роль в активизации вывоза государственного капитала в аграрную сферу развивающихся стран сыграли международные финансовые организации, прежде всего международные банки развития, возглавляемые группой МБРР. Предпосылками лидирующего положения этих институтов послужили следующие причины. Международный уровень решения проблем аграрной сферы, предлагаемый этими организациями, соответствует глобальности стоящих перед капиталистическим миром задач в данной области. Международные организации имеют возможность ориентироваться на более долгосрочные последствия при проведении в жизнь своей политики. Одним из важных достоинств этих организаций в глазах Запада является более скрытый по сравнению с двусторонними формами контактов характер их неокOLONиальной деятельности. Так, Мировой банк имеет статус специализированного агентства ООН, хотя абсолютно неподотчетен ей. Вместе с тем система распределения голосов, принятая в большинстве банков развития, отдает власть в руки стран, внесших наибольшие взносы при образовании уставного капитала. Это дает возможность развитым капиталистическим странам осуществлять полный контроль за деятельностью международных финансово-кредитных организаций.

Немаловажным обстоятельством, обеспечивающим поддержку международных форм воздействия на развивающийся мир в целом и его аграрные подразделения в частности, явились те

принципы, которыми эти международные финансовые организации руководствуются при предоставлении «помощи». Даже для филиалов, имеющих дело с наименее развитыми странами и предоставляющих кредиты на льготных условиях, требования к достижению высоких экономических показателей при осуществлении проектов остаются неизменно жесткими. При росте объемов «помощи» и заинтересованности западных стран в повышении ее отдачи для общеэкономического развития такие условия представляются гарантом эффективного использования кредитруемых средств.

Кроме того, значение международных организаций повышается и в силу необходимости для Запада консолидировать силы и усилить координацию действий перед лицом объединения развивающихся стран в борьбе за свои национальные и экономические интересы.

И еще. Международный флаг в условиях накаленной политической обстановки, сопровождавшей борьбу развивающихся стран за обретение политической независимости, а в последующем и экономической самостоятельности, был удобным прикрытием для проведения в жизнь политических решений, трудноосуществимых по обычным каналам межгосударственных отношений.

Организации данного типа представляют собой конкретные формы коллективного неокOLONиализма, призванного преодолеть ограниченность узкопрагматичного и сверхполитизированного подхода, присущего двусторонним формам вывоза государственного капитала, особенно в 50-е и 60-е годы. Стимулом развития многосторонней «помощи» стала объективная потребность рассматривать развивающийся мир не только в контексте межгосударственных отношений, но и с учетом глобальных тенденций мирового развития, во многом определяемых противоборством сил капитализма и социализма.

В целом деятельность международных экономических организаций капиталистического мира совпадает с общей тенденцией интернационализации экономической жизни. Так, эти организации выступают однопорядковым (по целому ряду параметров) партнером частного капитала, вышедшего на уровень транснационализации в ходе непрекращающейся концентрации производства. Вместе с тем капиталистические отношения накладывают свой отпечаток на любые объективные процессы, к числу которых несомненно относится использование международных инструментов воздействия на глобальную проблему отсталости сельского хозяйства развивающихся стран. Коллективные формы неокOLONиализма с самого начала их существования находились под контролем США, руководство которых выдавало и продолжает выдавать особые интересы правящих классов своей страны за интересы всей системы капитализма. И чем более очевидным становится несоответствие этих воззрений реальному положению дел, тем более жесткую внешнепо-

литическую линию проводит американская буржуазия в борьбе за сохранение влияния в международных отношениях, в том числе и в международных экономических организациях капиталистического мира. Агрессивная консервативная политика США во многом препятствует свойственной организациям коллективного неоколониализма линии на поиски более гибких и менее конфликтноопасных форм влияния на развивающийся мир (естественно, в рамках буржуазных представлений о характере возможных реформ), в частности, в отношении аграрного развития освободившихся стран.

Говоря о поисках выхода из ситуаций, связанных с организационными препятствиями на пути достижения целей неоколониализма в сельском хозяйстве развивающихся стран, следует отметить неоднократные перестройки исполнительных органов в области «помощи в целях развития», затрагивающие как международные, так и национальные агентства. Так, важной вехой в деятельности МБРР стало создание в 1960 г. филиала этой организации — Международной ассоциации развития (МАР). Тем самым в значительной мере была расширена сфера влияния МБРР/МАР, так как доступ к «мягким» кредитам МАР получили страны, которые в силу финансовых трудностей не могли рассчитывать на получение кредитов МБРР.

Однако в той или иной мере выполняя стоящие перед центрами МКХ задачи удержания развивающихся стран в состоянии зависимости от интересов правящих кругов ведущих империалистических держав, аграрный неоколониализм все же не в состоянии ослабить коренные противоречия между развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Политика вывоза государственного капитала различных развитых капиталистических стран на нужды сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран имеет много общих черт, однако существует целый ряд немаловажных различий в их неоколониалистских курсах. Эти различия обусловлены спецификой политического курса в отношении развивающихся стран со стороны того или иного государства развитого капитализма; особенностями в подходе отдельных стран-доноров к проблеме развития освободившихся стран и к оценке места аграрного сектора в этом процессе, что сказывается и на выборе приоритетных отраслей развития и соответствующем секторальном распределении предоставляемой «помощи»; большим или меньшим значением внешнеэкономических связей с развивающимися странами для отдельных развитых капиталистических стран; особенностями исторического наследия и т. д. Одним из наиболее важных факторов, определяющих многие параметры агропродовольственных направлений неоколониальной политики империализма, является общий экономический потенциал страны-донора.

Лидирующее положение США и как экспортера государственного капитала, и как идеолога, вырабатывающего общую неоколониальную стратегию капиталистического мира, базируется на экономической мощи этой страны. Несмотря на резкое уменьшение доли США в «официальной помощи в целях развития», предоставляемой странами — членами Комитета содействия развитию, она по-прежнему превышает участие любой другой страны, причем доля сельского хозяйства в ОПР США, предоставляемой на двусторонней основе, также высшая¹.

Начиная с 70-х годов вся внешняя политика США проводится под знаком борьбы за ускользящее экономическое господство в МКХ, упрочение позиций в развивающихся странах, обеспечение единства ведущих империалистических держав в условиях нарастающих межимпериалистических противоречий. Утрата позиций бесспорного лидера заставляет США все настойчивее требовать подключения других стран развитого капитализма к решению вопросов, возникающих в рамках отно-

шений стран Запада с развивающимся миром. Нарращивание объемов помощи западноевропейских стран и Японии произошло во многом под влиянием американских требований. Издержки, связанные с усилением позиций названных стран в развивающемся мире, должны быть компенсированы, по замыслу стратегов американской внешней политики, расширением и качественным совершенствованием «поля» эксплуатации, доступ к которому в МКХ обеспечивается в первую очередь сильнейшим.

Для США характерна ориентация на ограниченный круг стран — получателей «помощи», который в 80-е годы стал в еще большей мере определяться военно-стратегическими интересами этой страны. Стремление более эффективно использовать государственные ресурсы (все большая часть которых идет на наращивание военно-промышленного комплекса) привело США к гипертрофированному росту «принуждающей» функции «помощи» в ущерб стимулирующей экономической развитие. Очевидно, что размеры и направления вывоза государственного капитала будут все более определяться влиянием в политических сферах отдельных монополий и группировок. Они должны осуществить массированное наступление на развивающиеся страны под защитой карательных санкций американского правительства, в числе которых не последнее место занимают манипуляции с «помощью».

Ужесточение курса американского империализма в отношении развивающихся стран, одним из результатов которого стало определенное ослабление заинтересованности в сельском хозяйстве и социальных процессах, происходящих в деревне развивающихся стран, выступает побочным следствием воздействия научно-технической революции на капиталистическую экономику. Обострение межимпериалистической конкуренции заставляет США сосредоточить усилия в тех отраслях, где их преимущества наиболее ощутимы. Концентрация на отраслях, производство в которых базируется на «высоких технологиях», сокращает потенциальную заинтересованность в развивающихся странах как потребителей произведенной продукции (по крайней мере на начальных стадиях ее производства) в силу ограниченной возможности применения в них товаров, выпущенных наукоемким производством. Исключением является продукция земледелия, которая ныне также относится к наукоемким товарам, но здесь заинтересованность в сбыте продукции ведет к сокращению «помощи», предназначенной для наращивания сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, чтобы сохранить рынки сбыта для американского зерна.

Кроме того, ослаблению заинтересованности в «помощи» как инструменте влияния на страны «третьего мира» способствует определенный экономический прогресс в регионах, представляющих наибольший интерес для США, — Латинской Америке

и Юго-Восточной Азии, что позволяет американскому государственно-монополистическому капиталу больше заботиться об эксплуатации развивающихся стран, нежели о создании предпосылок для вывоза частного капитала и торговой экспансии.

Сокращая объемы своей «помощи», США не боятся потерять завоеванные в этой области позиции. Обладая мощной исследовательской базой, широкими возможностями подготовки специалистов, располагая значительным потенциалом в области производства сельскохозяйственной продукции и средств производства для этой отрасли, Соединенные Штаты надеются компенсировать ограниченность выделяемых по каналам «помощи» средств высокой эффективностью их применения.

Следует отметить, что сокращение доли США в ОПР практически не изменило удельный вес группы ведущих капиталистических держав, в которую помимо США входят Англия, ФРГ, Франция и Япония². Наиболее динамично рос вывоз государственного капитала на льготных условиях из Японии и ФРГ. Это объясняется стремительным наращиванием экономической мощи этих стран на протяжении послевоенного периода, а также спецификой их отношений с развивающимся миром. Агрессивная политика Германии и Японии до и во время второй мировой войны значительно осложнила их участие в постколониальной эксплуатации развивающегося мира. «Помощь» стала действенным орудием налаживания контактов с развивающимися странами. Несмотря на общность исходных позиций этих стран, здесь прослеживаются существенные отличия. ФРГ в свое время безуспешно пыталась ставить условием предоставления своей «помощи» дипломатическую изоляцию ГДР, что привело к кризису в отношениях с целым рядом освободившихся государств. Япония, напротив, всячески подчеркивала не политический, а экономический характер своих устремлений в развивающемся мире. Очевидно, не случайно Япония выдвигает и более жесткие условия предоставления своих кредитов по сравнению с другими странами, входящими в Комитет содействия развитию ОЭСР.

Федеративная Республика Германия представляет собой неокolonизатора «второго поколения». После второй мировой войны она начала строительство своих отношений с развивающимся миром практически заново. Программы ее «помощи» в меньшей мере отягощены реликтами традиционных связей между метрополиями и колониями. Подобный тип отношений характерен для ряда стран Северной Европы, Канады, в определенной мере для Австралии и Новой Зеландии. Как правило, все они имеют высокоразвитое сельское хозяйство и в ряде случаев являются крупными экспортерами аграрной продукции, что накладывает особый отпечаток на формы и содержание их программ «помощи» для развития сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран.

Особый характер отношений Японии с развивающимися

странами состоит, наряду с прочим, в высоком удельном весе последних во внешнеэкономических связях страны³. Стремление использовать развивающиеся страны как экспортные базы для удовлетворения растущего в Японии спроса на продукцию сельского хозяйства непосредственным образом влияет на содержание и формы оказываемой «помощи». К числу специфических особенностей Японии следует причислить и высокую концентрацию ресурсов «помощи» в одном регионе — Юго-Восточной Азии. Хотя удельный вес этого региона в японской «официальной помощи в целях развития» постепенно снижается, все же пока он продолжает оставаться высоким⁴.

Великобритания представляла собой одну из наиболее могущественных колониальных держав; она имела тесные связи, в том числе в сфере сельского хозяйства, с рядом стран и территорий, большинство которых и сейчас входит в Содружество наций, возглавляемое бывшей метрополией. При всей исключительности отношений Великобритании с развивающимся миром в ее политике «помощи» прослеживается нечто общее с политикой других бывших центров колониальных империй — прежде всего Франции, а также в определенной степени Нидерландов, Бельгии, Италии.

Основные задачи политики «помощи» Великобритании, Франции и некоторых других государств — это сохранение и усиление влияния на страны — получатели «помощи», использование преимуществ отлаженных десятилетиями торгово-экономических связей, общности языка, традиционной зависимости бывших колоний от бывших метрополий в подготовке кадров, проведении и внедрении результатов научных исследований и т. д. Немаловажное значение при воздействии на развивающиеся страны, в том числе посредством программ «помощи», имеет знание бывшей метрополией местных условий, большой опыт проведения мероприятий экономического характера в конкретной стране. Однако, с другой стороны, бывшие крупные колониальные державы обладают, как правило, меньшим единичным экономическим потенциалом по сравнению с представителями «новой волны» западных доноров — ФРГ и Японией — и испытывают серьезную конкуренцию в борьбе за рынки сбыта, сферы приложения капитала и выгодные источники сырья в развивающемся мире, в том числе и в своих бывших колониях.

Крупным донором среди стран развитого капитализма является Франция. В течение длительного времени она оставалась крупнейшим после США экспортером государственного капитала в развивающиеся страны по каналам «помощи». Для неокониальной политики Франции характерны многие черты, прослеживаемые в практике «помощи» Англии.

Сходство политики «помощи» Франции и Великобритании проявляется в том, что основные ресурсы «помощи» обеих стран поступают в бывшие колонии. Кроме того, для этих стран характерны: синхронизация изменений в политике вывоза госу-

дарственного капитала в страны «третьего мира» (нарастание усилий в первой половине 60-х годов, последующий спад и вновь оживление с середины 70-х годов); высокий удельный вес экспортных кредитов в структуре вывоза государственного капитала; неуклонное снижение доли «помощи» в ВВП, несмотря на обещания добиться перелома этой тенденции; ряд схожих черт в организационной деятельности учреждений, занятых оказанием «помощи».

Некоторые различия в политике «помощи» двух стран, вытекающие прежде всего из несхожести производственного и внешнеторгового потенциала Франции и Англии в области сельского хозяйства и проявляющиеся в формах и объемах предоставления продовольственных и финансовых ресурсов на льготной основе, не могут скрыть общность исходных позиций обеих империалистических держав. Отсюда — возможность причислить Францию и Англию к одной и той же модели неокониальной деятельности.

Соединенные Штаты Америки

Изменение политики американской «помощи в целях развития» в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран как части всей внешнеэкономической политики США можно правильно понять, принимая во внимание общие интересы американского империализма в современном мире и специфические цели, которые преследуют отдельные группы власти имущих в стране. Свой «параллелограмм сил» складывается практически везде: в высших эшелонах политической власти, в министерствах, в военных ведомствах, и его изменение непосредственно отражается на характере американской внешней экономической политики, на отношении США к проблемам аграрного сектора и продовольственного обеспечения развивающихся стран.

Рассматриваемые силы можно условно разделить на две группы. К первой — весьма неоднородной по составу — могут быть причислены предприниматели, чьи интересы тесно связаны с сельскохозяйственным производством. В нее входят как непосредственные производители — фермеры, представляющие в основном немонополизированный сектор сельского хозяйства, так и монополистические объединения агробизнеса.

К другой группе могут быть отнесены силы, которые, оказывая влияние на политику США в отношении сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран, сами не связаны с аграрной сферой производства и представляют монополии, действующие в несельскохозяйственных отраслях, в том числе в военно-промышленном комплексе.

Представители этих групп придерживаются зачастую несовпадающих взглядов на пути развития отношений США с ос-

вободившимися странами в сфере сельского хозяйства и торговли, на выбор объектов непосредственного воздействия американской продовольственной политики, на масштабы и условия предоставления материальных и финансовых ресурсов для сельского хозяйства развивающихся стран и т. д. Поскольку названные группы имеют своих представителей в различных законодательных и исполнительных органах власти США⁵, то существующие разногласия зачастую приводят к серьезным внутренним или межведомственным конфликтам в ходе разработки соответствующих направлений американской внешней экономической политики.

С конца 60-х годов принятие решений об общем характере и конкретных направлениях внешней продовольственной и аграрной политики США неизменно сопровождается борьбой вышеупомянутых сил, проявляющейся в постоянных конфликтах между влиятельными государственными учреждениями, в которых интересы той или иной группы преобладают: между министерством сельского хозяйства и Госдепартаментом, например, между министерством сельского хозяйства и министерством обороны, Управлением международного развития и Центральным разведывательным управлением и др. Как отмечал советский исследователь А. А. Кокوشي, только по вопросам, связанным с «обеспечением национальной безопасности», между различными организациями системы власти в США существовало множество противоречий, носивших более или менее устойчивый характер⁶.

В конечном счете продовольственная и аграрная политика США и, в частности, их политика «помощи в целях развития» в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения развивающихся стран ориентируется в первую очередь на достижение тех целей в развивающемся мире, которые особенно близки наиболее влиятельной на данном конкретном этапе группировке сил в системе политической и экономической власти США. Установить точное соотношение этих сил в отдельные периоды достаточно сложно, но в целом, очевидно, можно считать, что до начала 70-х годов одним из наиболее существенных факторов, определявших общий курс продовольственной политики Соединенных Штатов, было влияние фермерского лобби.

Длительное время в условиях хронического перепроизводства и депрессивных цен «фермерская проблема» виделась прежде всего как проблема реализации произведенной продукции. В результате проводимой правительством США политики поддержки цен на сельскохозяйственную продукцию образовались громадные излишки, прежде всего зерна. Администрация США при президентах Кеннеди и Джонсоне сокращала эти запасы двумя путями — ограничением производства с помощью политики искусственного сокращения посевных площадей с выплатой компенсации фермерам, участвующим в этой программе, и расширением сбыта за рубежом.

Необходимо отметить, что длительная ориентация внешнеэкономической политики преимущественно на американского сельскохозяйственного производителя не вызвала особых возражений и у других заинтересованных сторон. В 50-е годы, когда излишки зерна были особенно велики, Госдепартамент активно использовал ситуацию для усиления воздействия на развивающиеся страны с помощью льготных поставок продовольствия. В определенной степени были удовлетворены и крупные торговые монополии, осуществляющие поставки зерна по программам «помощи»: Схожая ситуация существовала и в 60-е годы — проводимый курс удовлетворял в целом внешнеполитическим интересам США, поскольку «в наличии оказывалось достаточно зерновых ресурсов для предоставления их в виде продовольственной помощи дружественным правительствам»⁷.

В результате этой политики на протяжении длительного периода рост цен не превышал аналогичный показатель для непродовольственных товаров и услуг, что удовлетворяло монополии, действующие в иных, помимо сферы агробизнеса, отраслях национальной экономики США.

К началу 70-х годов расстановка внутренних сил, определявших характер неокOLONиальной политики США, существенно изменилась. Происходившее в течение всех послевоенных лет сокращение сельского населения в стране привело к уменьшению его представительства в Конгрессе. Недовольство влиятельных сил американского общества ростом затрат на выплату фермерских субсидий, активизация внешнеполитических действий в специфических условиях мирового продовольственного и энергетического кризисов и т. д. заметно подорвали позиции фермерского лобби в главном законодательном органе страны. В конечном счете оппозиция государственному регулированию в сфере сельского хозяйства на какой-то период одержала верх — в 1973 г. был принят закон, отменявший субсидии за сокращение посевных площадей. Как отмечал советский исследователь Л. А. Баграмов, США стали максимально полагаться на внешние и внутренние рыночные силы и отказались от создания государственных зерновых запасов, резко расширили коммерческие продажи и свели к минимуму искусственное стимулирование экспорта в страны «третьего мира» посредством продовольственной «помощи»⁸.

Таким образом, если до начала 70-х годов политика вывоза государственного капитала в сельскую экономику и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран определялась прежде всего положением, складывающимся в американском сельском хозяйстве, и являлась, по существу, одним из инструментов регулирования фермерского производства, то в последующие годы она становится более самостоятельным и важным направлением в рамках всей политики США в отношении развивающихся стран. В число задач этой политики, наряду с обеспечением непосредственных интересов американ-

ских монополий агробизнеса, включается достижение все более обширного числа целей империализма США.

Следует отметить, что программы «помощи» в области сельского хозяйства и в сфере продовольственного обеспечения отвечали интересам фермеров и крупных торговых компаний, занимавшихся сбытом сельскохозяйственной продукции, лишь в той степени, в какой они способствовали созданию или расширению коммерческих рынков в развивающихся странах. И если программы продовольственной «помощи» поддерживались в Конгрессе фермерским лобби и представителями определенных кругов агробизнеса, то программы американской «помощи», направленные на подъем внутреннего сельскохозяйственного производства и прежде всего производства основных продовольственных культур в развивающихся странах, такой поддержки не получали. Существенное расширение масштабов вывоза американской сельскохозяйственной продукции, происходившее на протяжении 70-х годов, было, в частности, вызвано и широким использованием продовольственной «помощи» для расширения рынков сбыта в предшествующие годы⁹.

Как известно, несмотря на оппозицию упомянутых выше сил, в начале 70-х годов произошла корректировка внешнеэкономической политики США, которая подразумевала, помимо прочего, усиление внимания сфере сельского хозяйства (включая и отрасли производства продовольственных культур) в освободившихся странах. Принятие такого решения, кроме уже отмечавшихся факторов, содействовало упрочению позиций новой волны американских агропромышленных ТНК, интересы которых в отличие от забот «классических» плантационно-торговых корпораций лежат в сфере сбыта сельскохозяйственных машин и оборудования, нового гибридного семенного материала и комбикормов, пестицидов и химических удобрений, т. е. зависят от активизации и модернизации сельскохозяйственной деятельности развивающихся государств. Судя по результатам, интернационализм деятельности подобных ТНК «перевешивал» «экономический национализм», характерный для монополий, занятых преимущественно сбытом «излишков», выращенных на американской земле, до тех пор, пока позиции этой второй группы монополий не были упрочены поддержкой кругов, далеких от столь мирных видов деятельности.

На формулирование и проведение в жизнь современной политики американской «помощи» в указанных сферах оказывают влияние и другие силы. Необходимость учета самых различных интересов, считает крупный специалист по вопросам внешней продовольственной политики США Р. Хопкинс, делает «продовольственную дипломатию не менее сложной, чем дипломатия военная»¹⁰. При этом, по его мнению, вопросы, связанные с организацией и планированием конкретных действий в области внешней продовольственной политики, становятся прерогативой не отдельных подразделений администрации, таких, как

Госдепартамент или министерство сельского хозяйства, а требуют скоординированного общегосударственного подхода — «политика глобальной продовольственной взаимозависимости является слишком сложной для разработки ее одним министерством»¹¹.

Современная структура и механизм осуществления программ «помощи» в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в целом отражают ту роль, которую играет эта «помощь» в деле достижения политических и экономических целей США на мировой арене.

В настоящее время ведущей организацией в Соединенных Штатах Америки, предоставляющей развивающимся странам «помощь» на двусторонней основе, является Управление международного развития (УМР), созданное в ноябре 1961 г. Оно взяло на себя функции Управления международного сотрудничества, Фонда займов развитию и некоторых других организаций соответствующего профиля.

Американская двусторонняя «помощь», поступающая в агросферу, предоставляется в различных формах. Одной из них является финансирование программ, которые могут быть целиком или частично ориентированы на подъем сельскохозяйственного производства. Другим типом является техническая «помощь», которая, в частности, включает подготовку кадров для сельского хозяйства и связанных с ним отраслей в развивающихся странах, а также непосредственно в США, обеспечение консультаций специалистов, осуществление экспертных оценок в указанных отраслях и др. Через Управление международного развития оплачиваются услуги привлекаемых специалистов, а также финансируются материальные затраты для проведения соответствующих мероприятий.

Существуют еще два вида «помощи». Один служит источником предоставления средств ближайшим союзникам Вашингтона в «третьем мире», в том числе и на цели аграрного развития; другой используют в случае непредвиденных обстоятельств — стихийных бедствий, засух, наводнений и др.

В начале 80-х годов аппарат Управления международного развития, связанный с обслуживанием «сельскохозяйственных» программ «помощи», состоял из более чем 200 агрономов, 100 экономистов-аграрников и 30 экспертов по проблемам питания, работавших как в Вашингтоне, так и непосредственно в развивающихся странах. Кроме того, в программах УМР во многих случаях заняты ученые, эксперты, крупные специалисты американских университетов, частных филантропических организаций, торговых и промышленных фирм, министерства сельского хозяйства, различных государственных агентств, американского «Корпуса мира» и других учреждений. К работе над подготовкой и осуществлением отдельных проектов УМР может привлекать специалистов из развивающихся стран, ФАО, Всемирного производственного совета, Международного фонда

сельскохозяйственного развития, Всемирной продовольственной программы и др.¹².

Основными направлениями деятельности УМР в сфере сельского хозяйства и продовольственного обеспечения провозглашены следующие: «планирование и осуществление мероприятий по анализу аграрной политики и подготовке условий для расширения деятельности частного сектора, развитию сельской инфраструктуры, разработка „соответствующей“ технологии и распространение знаний о правильном питании, организация водообеспечения, развитие агролесоводства, создание сельских кооперативов и мелких сельских предприятий»¹³.

Осуществление указанных программ происходит преимущественно в двух формах. На основе «программной помощи» ведутся главным образом товарные поставки в кредит или безвозмездно «в условиях, когда США прежде всего заботит об общем объеме предоставляемых ресурсов, а не их конечное использование»¹⁴. «Проектная помощь» охватывает различные типы производственной деятельности в развивающихся странах, включая таковую и в сельском хозяйстве¹⁵.

Предоставление продовольственной «помощи» является одним из направлений деятельности Управления международного развития, хотя и осуществляется по особой программе. Основой этого вида «помощи» США служат поставки продовольственных товаров в рамках так называемого Закона 480, действующего с 1954 г. За долгий период своего существования эта программа претерпела ряд изменений, которые были подвергнуты детальному анализу в работах советских авторов¹⁶. Напомним лишь вкратце об основных положениях законодательства США в области предоставления развивающимся странам продовольствия на льготной основе.

С 1977 г. основная программа продовольственной «помощи» США носит название «Закон о сельскохозяйственном развитии и продовольственной помощи» и включает три раздела.

Согласно ст. I этого закона, правительство США может осуществлять финансирование льготных продаж американских сельскохозяйственных товаров «дружественным странам». Поставки осуществляются частными торговыми фирмами на основе долгосрочных кредитов и могут иметь одну из двух форм оплаты страной-покупателем — доллары или на конвертируемую валюту.

Согласно ст. II, продовольствие может предоставляться на безвозмездной основе и направляться на ликвидацию последствий неурожая, стихийных бедствий, на уменьшение масштабов голода среди определенных групп населения в развивающихся странах (детей, кормящих матерей и др.). По этой статье проходит финансирование двусторонних поставок продовольствия из США в страны развивающегося мира (главным образом через различные американские филантропические организации религиозного характера), а также передача продо-

вольствия международным учреждениям, занимающимся вопросами помощи, в частности Всемирной продовольственной программе.

Ст. III закона, которая называется «Продовольствие для развития», ориентирована на предоставление продовольственных ресурсов «беднейшим» (по критериям Мирового банка) странам с целью использования средств от его реализации на нужды экономического развития и прежде всего для расширения внутреннего сельскохозяйственного производства.

Как уже отмечалось, на протяжении послевоенного периода определяющими факторами всей внешнеэкономической политики Соединенных Штатов были глобальные политические интересы США в мире, а также задачи сбыта продукции американского сельского хозяйства. На отдельных этапах послевоенной истории эти цели в различной степени влияли на объем и направление товарных и финансовых потоков в сферу сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в развивающихся странах.

В начале 70-х годов в ряде официальных заявлений американского правительства было подчеркнуто намерение осуществить корректировку внешней продовольственной и аграрной политики США в отношении развивающихся стран. Речь шла об ориентации «помощи в целях развития» на удовлетворение «основных нужд» населения освободившихся стран.

Подверглись пересмотру не только цели, но и формы предоставления американской «помощи». Предполагалось, в частности, увеличить ее долю, направляемую развивающимся странам через международные организации, что позволило бы ослабить критику «помощи» как орудия неокOLONIALИЗМА. При этом надлежало укрепить влияние США в международных организациях, таких, например, как Мировой банк. Большое значение придавалось рекламе «филантропической» направленности «помощи», связанной с поддержкой беженцев, помощью детям, кормящим матерям и др. Вопрос о преимущественном предоставлении средств для развития сельского хозяйства в странах Азии, Африки и Латинской Америки первоначально не затрагивался.

Как всегда, перестройка механизма вывоза государственного капитала происходила с учетом текущих нужд частного бизнеса, который должен был в максимальной степени использовать преимущества нового курса в отношении развивающегося мира. Для активизации наступления США на освободившиеся страны под лозунгом «борьбы с бедностью» и расширения фронта этого наступления была создана Корпорация зарубежных частных инвестиций, которая должна была содействовать проникновению американского частного капитала в развивающиеся страны при поддержке государственных программ «помощи».

В Законе об иностранной помощи на 1973 г., утвержденном

Конгрессом в 1972 г., были зафиксированы «новые направления» политики США: «переориентация двусторонней помощи Соединенных Штатов с поддержки экономического роста путем содействия развитию промышленности и инфраструктуры к непосредственной помощи бедным»¹⁷. Однако в этом документе говорилось только об общем изменении курса без указания конкретных мероприятий, необходимых для удовлетворения основных нужд». Причины, о которых шла речь в первой главе, дали толчок к выдвиганию проблем аграрной сферы и продовольственного обеспечения освободившихся стран в число приоритетных. Уже в Законе об иностранной помощи на 1975 г. было определено, что главным направлением американской помощи освободившимся странам становится содействие подъему аграрного производства в целом, помощь в улучшении питания бедного населения. Эта «помощь» дополняется осуществлением программ планирования семьи, развития здравоохранения и образования.

В законе указывалось, что «в сфере производства продовольствия и улучшения питания помощь должна быть ориентирована на повышение производительности труда и рост доходов сельской бедноты, в особенности мелких крестьян, которые составляют большинство населения в развивающихся странах»¹⁸.

Для этого предполагалось осуществить поддержку «институциональных и инфраструктурных преобразований» в пользу мелких крестьян и безземельных сельскохозяйственных рабочих; содействовать укреплению местных организаций, связанных с экономическим развитием, для более широкого вовлечения в него беднейшего крестьянства; уделять особое внимание росту и диверсификации сельскохозяйственного производства, интеграции сельского хозяйства, промышленности и торговли, а также развитию аграрной инфраструктуры для того, чтобы «беднейшее большинство получило доступ к транспортной сети, лучшим землям, электроэнергии, воде и другим ресурсам, необходимым для развития»¹⁹.

В 1975 г. было впервые провозглашено намерение ограничить продажи продовольствия на льготных условиях странам, не относимым статистикой ООН к числу «наиболее нуждающихся» — они не должны были получать более 30% всего объема продовольственной «помощи» США.

В 1977 г. американское законодательство пополнилось еще одним актом в духе «новых направлений», который должен был способствовать более активному использованию продовольственной «помощи» для подъема сельскохозяйственного производства в странах-получателях.

Следует напомнить, что продовольственная «помощь» используется и для создания и расширения в развивающихся странах рынков сбыта коммерческой продукции, которая первоначально поступает по программам «помощи». В этом качестве продовольственная «помощь» противоречит целям развития

производства конкурирующих сельскохозяйственных культур на местах. По мнению американского экономиста Ч. Шумана, «зерновой демпинг в рамках Закона 480 повлиял на снижение цен на зерно и оказал негативное воздействие на производство в странах-получателях»²⁰.

Нацеленность американских программ «помощи» на повышение уровня самообеспеченности продуктами питания стран развивающегося мира базировалась на уверенности в том, что растущая «опора на собственные силы» в области производства продовольствия в ближайшей перспективе существенно затронет интересы США как ведущего экспортера сельскохозяйственной продукции, поскольку «население третьего мира растет такими темпами, что зависимость от продовольственного импорта будет увеличиваться»²¹.

К такому же заключению пришла специальная президентская комиссия, подготовившая в конце 70-х годов доклад по вопросу долгосрочной американской внешней продовольственной политики в отношении развивающегося мира. В докладе, в частности, было отмечено, что «США будут продолжать извлекать выгоду от экспорта сельскохозяйственной продукции и в том случае, если развивающиеся страны и поднимут уровень собственного продовольственного производства... Даже с учетом максимально высоких темпов роста внутреннего производства зерновых, жиров и масел потребности развивающихся стран в импорте продовольствия будут возрастать исключительно быстро»²².

Согласно действующему законодательству, часть средств, полученных от реализации продовольствия по ст. I Закона 480, можно использовать для осуществления проектов сельскохозяйственного развития. Кроме того, часть выручки от продаж по ст. II можно использовать на финансирование программ «работа за пищу». В середине 1977 г. в Законе 480 появилась новая статья III, получившая название «продовольствие для целей развития». В ее рамках разрешалось подписывать соглашения со странами — получателями продовольственной «помощи» на срок до пяти лет (ранее этот срок не превышал года). По утверждению американских официальных лиц, это нововведение могло бы облегчить интеграцию такой «помощи» в национальные программы сельскохозяйственного развития. Средства, вырученные от продаж на местных рынках продовольствия, поступившего по ст. III, предполагалось использовать для финансирования сельского хозяйства и аграрной инфраструктуры на местах. Следует отметить, что и в данном случае все было посвящено «ориентации на бедняка». По закону получателями «помощи» по ст. III могли быть только страны из числа «наиболее нуждающихся».

Таким образом, во второй половине 70-х годов в США законодательно оформили «новые направления» аграрного неоколониализма в целом и в сфере «помощи» развивающимся стра-

нам в частности. Следствием провозглашенных перемен стало определенное расширение объема средств, поступающих из США на цели сельскохозяйственного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. При этом, однако, существенного увеличения продовольственной «помощи» развивающимся странам не наблюдалось²³. Для обоих видов «помощи» провозглашался принцип преимущественной ориентации на «беднейшие» страны, а внутри них — прежде всего (в первую очередь) на «беднейшие» слои населения.

С конца 70-х годов, особенно с приходом к власти администрации Рейгана, внешнеэкономический курс США определяется целями консерватизма, затронувшими и политику «помощи» развивающимся странам в области сельского хозяйства и в сфере продовольственного обеспечения. Резко усилилось влияние военно-промышленного комплекса на процессы внутриэкономического развития и на принятие решений по вопросам внешней политики страны в высших эшелонах власти. Милитаризация экономики, в частности, проявилась в быстром и широком росте государственных расходов на военные нужды. Разбухание этой статьи бюджетных ассигнований, имеющих непроизводственную направленность, привело к существенному повышению государственного долга и росту бюджетного дефицита США, который в 1986 г. достиг 220 млрд. долл.²⁴.

В этих условиях была предпринята попытка ослабить остро кредитно-финансовых проблем в стране прежде всего за счет сокращения финансирования «гражданских» программ, в том числе программ американской «помощи». В 1985 г. в США был принят законопроект о сбалансировании к 1991 г. государственного бюджета, предусматривающий сокращение вывоза государственного капитала по программам «помощи» даже в страны южнее Сахары, где продовольственная ситуация продолжает оставаться критической²⁵.

Милитаризация внешнеполитического курса США непосредственно сказалась и на выборе получателей «помощи». Если ранее проамериканские режимы, тесно связанные с США по линии военного сотрудничества, не могли апеллировать к УМР, ссылаясь только на свои союзнические заслуги, то в 80-е годы официальный Вашингтон открыто объявил о том, что готовность развивающихся стран разместить на своей территории американские войска и оказывать иные подобные услуги Соединенным Штатам является одним из основных критериев отбора получателей американской «помощи»²⁶. Не случайно поэтому на страны, являющиеся ближайшими военно-политическими союзниками США в развивающемся мире, приходится основная часть не только военной, но и всей экономической «помощи», в том числе и направляемой в сферу сельского хозяйства. В то же время происходило дальнейшее сокращение средств, выделяемых тем развивающимся странам, которые выпадали из обоймы военно-политических интересов США, хотя

и были в тяжелом продовольственном и общеэкономическом положении²⁷.

Для 80-х годов характерно также усиление воздействия американских транснациональных корпораций на формирование внешней политики США, и в частности на политику «помощи» развивающемуся миру. На сегодняшний день эта политика в основном определяется интересами американских ТНК в развивающихся странах, в том числе монополий агробизнеса²⁸.

При этом программы «помощи», в том числе в сфере сельского хозяйства, используются (наряду с другими инструментами поддержки американского частного монополистического капитала) для создания благоприятного климата для операций ТНК в развивающемся мире, и прежде всего для ослабления роли государства в ключевых для частного сектора сферах экономики. Государственная деятельность и контроль должны быть замещены «магией свободного рынка».

Достижению этих целей служит политика стимулирования частного предпринимательства в развивающихся странах, в том числе широкое распространение свободных рыночных отношений в сфере сельскохозяйственного производства и торговли аграрной продукцией, которое Соединенные Штаты выставляют условием оказания «помощи».

Еще в Законе об иностранной помощи на 1977 г. было сказано, что «главная ответственность за технический прогресс и организацию производства в сфере сельского хозяйства ложится на частный сектор, поскольку именно частные сельскохозяйственные предприятия обладают уникальным аналитическим опытом и знаниями в области планирования; частный сектор способен производить продукцию и осуществлять ее поставки с максимальной экономией; частный сектор обладает уникальной возможностью проведения продукции по всей коммерческой цепи — от производителей продовольствия в деревне до его потребителей в городе»²⁹.

При этом отмечалось, что хотя главным субъектом организационного и технического опыта в развивающихся странах являются иностранные монополии, в частности агробизнес США, все же национальный частный сектор также обладает «имманентной способностью обеспечивать потребности населения своих стран в сельскохозяйственной продукции»³⁰.

Содействие внедрению новых форм американского агробизнеса в развивающиеся страны, а также усиление поддержки местного частного сектора в сельском хозяйстве этих стран должны были стать магистральными направлениями «помощи» США развивающемуся миру. Решению первой задачи должен был способствовать ряд мер, в том числе обеспечение иностранных предпринимателей необходимой информацией о состоянии сельского хозяйства принимающей страны, о финансовых, институциональных и прочих характеристиках данной отрасли сельского хозяйства; воздействие на страны-получатели с целью

выработки последними такого курса аграрного развития, который бы учитывал интересы частного иностранного капитала. Управление международного развития высказало намерение расширить привлечение крупного капитала США к участию в сельскохозяйственном развитии освободившихся стран путем активизации деятельности институтов типа американской Корпорации развития агробизнеса в Латинской Америке.

Предполагалось также расширять контакты между правительствами развивающихся стран и местными частными предпринимателями, с одной стороны, и американским агробизнесом — с другой, главным образом через проведение под эгидой УМР семинаров по различным технико-экономическим аспектам развития сельского хозяйства. Управление международного развития выступило также с инициативой предпринять «специфические меры» по расширению участия частного сектора США в подготовке и проведении мероприятий УМР на послеуборочной стадии сельскохозяйственного производства, а также в сфере реализации произведенной продукции³¹.

Эти положения получили развитие в Законах об иностранной помощи на 1978, 1979 и 1980 гг.

О национальном частном предпринимательстве в упомянутых документах говорилось как о важном факторе «укрепления мелкого крестьянского хозяйства и роста благосостояния населения в сельской местности», отмечалось, что мелкие торговые, ремонтные и промышленные предприятия могут осуществлять инвестиции, восстанавливать инвентарь и оборудование, перерабатывать сельскохозяйственную продукцию, способствуя повышению занятости и обеспечению продовольственными товарами сельских районов³².

С приходом к власти в начале 80-х годов новой администрации указанный подход США к роли частного сектора в аграрной трансформации освободившихся стран получил дальнейшее развитие³³.

В рамках Закона 480 в 1986 г. была учреждена новая программа — «продовольствие для прогресса», которая предполагает ежегодную передачу до 500 тыс. т сельскохозяйственных товаров (из резервов Товарно-кредитной корпорации США) тем развивающимся странам, которые принимают на себя обязательства поддерживать и расширять частный сектор в своем сельском хозяйстве³⁴. Предусматривается стимулирование местного частного предпринимательства и деятельности иностранного агробизнеса при одновременном ослаблении ограничений со стороны национального государства.

Официальные круги в Соединенных Штатах ныне считают, что расширение притока частного капитала в развивающиеся страны должно устранить невыгодную для них зависимость от «помощи», поэтому необходимо переходить от льготных поставок ресурсов к более широкому экспорту частного капитала в «третий мир». По мнению бывшего президента Р. Рейгана,

«массированный приток иностранной помощи оказался не только эффективным в стимулировании экономического развития в третьем мире, но во многих случаях даже способствовал снижению продуктивности производства»³⁵. В то же время частный иностранный капитал «в состоянии внести значительный вклад в экономическую стабильность и развитие, являясь передатчиком опыта и технологии»³⁶.

Однако «сбытовая» функция «помощи» не сдана в архив. Так, в первой половине 80-х годов вследствие ряда причин, и в частности из-за высокого курса доллара, заметно снизилась конкурентоспособность американской сельскохозяйственной продукции на мировых рынках и было решено вновь активизировать программы «помощи» для исправления создавшегося положения. По новому Закону о продовольствии и сельском хозяйстве на 1985 г., который направлен главным образом на повышение конкурентоспособности американских сельскохозяйственных товаров на мировом рынке, программы «помощи» вновь обрели былое значение инструмента сбыта в развивающихся странах. Предоставление продовольственной помощи было жестко увязано с возможностью закупок продовольствия на коммерческой основе. Только в случае отсутствия у данной развивающейся страны необходимых финансовых ресурсов — а это определяется экспертами УМР — она может претендовать на получение такой помощи.

Великобритания

Наряду с общими чертами, присущими политике «помощи» других бывших центров колониальных империй, вывоз государственного капитала из Англии в развивающиеся страны имеет свои особенности, отражающие прежде всего специфику развития британской экономики.

Особенности эти заключаются прежде всего в более низком общем экономическом потенциале по сравнению с другими крупнейшими странами развитого капитализма — США, Японией и ФРГ, что накладывает отпечаток на характер «помощи» Англии, приводя к дробности финансируемых проектов, преобладанию менее капиталоемкой «технической помощи». В то же время Англия имеет широкую географию связей с развивающимся миром, оставшихся от колониальных времен, стремится по крайней мере сохранить свое влияние в бывших колониях, что также сказывается на вывозе государственного капитала, воздействуя на направления и масштабы его вывоза. Более низкий, чем в других ведущих странах Запада, уровень научно-технического прогресса в промышленности выдвигает особые требования к гарантированным рынкам сбыта ее продукции в условиях острой конкуренции со стороны Японии, США, ФРГ, в то же время эта отрасль сильнее зависит от традиционных

видов сырья, чем аналогичные отрасли экономики главных конкурентов. Это также ставит особые задачи перед британскими программами «помощи» развивающемуся миру.

Особенности ситуации, в которой оказалась Англия в первые послевоенные годы (начало распада ее колониальной империи, необходимость быстрого восстановления народного хозяйства и ряд других факторов) повлияли и на подход метрополии к проблемам развития зависимых от нее государств. В 1948 г. была создана Британская Корпорация развития колоний (КРК), позже переименованная в Корпорацию развития стран Содружества. Главной задачей ее провозглашалось содействие «максимально быстрому развитию производственных ресурсов» в странах — получателях «помощи», предоставляемой через КРК. С самого начала деятельность этой организации приобрела достаточно широкий размах — количество финансируемых ею проектов к концу 1950 г. достигало 50, а число колоний и зависимых территорий, в которые поступала «помощь», превышало два десятка³⁷.

С первых лет своего существования КРК тесно сотрудничала с частным британским капиталом. Английские фирмы, изъявившие желание принять участие в осуществлении того или иного проекта развития в колониях, а позже и в освободившихся странах, всегда могли рассчитывать на получение крупных государственных кредитов на льготных условиях. Британское правительство объясняло такой подход тем, что «никакое развитие зависимых стран невозможно без участия частного капитала, без использования богатого организационного опыта крупных компаний»³⁸. Соответственно строилась и практическая деятельность Корпорации — займы частным компаниям, принимавшим участие в проектах развития за рубежом, составляли существенную часть всех расходов КРК³⁹.

На начальном этапе вывоз государственного капитала обеспечивал прежде всего потребности послевоенного развития британской экономики в минеральном и сельскохозяйственном сырье, способствовал расширению сбыта промышленной продукции английских предприятий. В первое десятилетие существования Корпорация развития колоний финансировала в основном строительство и оснащение гидротехнических станций в Кении, Родезии, на Доминике, шахт и рудников в Уганде, Кении, Танзании, фабрик первичной переработки минерального и сельскохозяйственного сырья в Сингапуре, Малайе, Кении, Танганьике, Северной Родезии, Нигерии, лесопильных заводов в Британской Гвиане, гостиниц в Британском Гондурасе, Кении, Сьерра-Леоне, прокладку дорог и строительство мостов в Гане и Нигерии и др.

Британская политика «помощи» в области сельского хозяйства в 50-е годы строго следовала традиционному колониальному курсу в отношении развивающихся стран. Она ориентировалась прежде всего на удовлетворение потребностей Англии

в сельскохозяйственном сырье и продовольственных продуктах тропической зоны.

Типичным примером такого курса была программа финансирования производства масличных, табака и некоторых других сельскохозяйственных товаров в Танганьике, названная английским исследователем Д. Морганом «проектом „квазиразвития“, осуществлявшимся исключительно в интересах Соединенного Королевства»⁴⁰. Колониальный характер британской «помощи» в данном случае проявился уже в том, что подавляющая часть средств была направлена на поддержку белых фермеров, прибыльность хозяйственной деятельности которых и без этого была в 15—20 раз выше, чем у местных производителей. Но и те незначительные ресурсы, которые предназначались последним, адресовались лишь узкому кругу наиболее зажиточных из них — одной из целей проекта было укрепление позиций «африканских предпринимателей капиталистического типа» в сфере сельскохозяйственного производства⁴¹.

До середины 50-х годов основным объектом финансирования в сельском хозяйстве колоний и освободившихся стран было производство цитрусовых, ананасов, бананов, какао, кофе, чая, каучука, табака, пальмового масла и некоторых других товаров. По данным Корпорации развития колоний за первые шесть лет ее деятельности были введены в сельскохозяйственный оборот до полумиллиона акров не использовавшихся ранее земель, главным образом для нужд экспортного производства. Средства КРК расходовались на расширение плантационного хозяйства в ряде островных государств Карибского бассейна, Восточной и Южной Африки, на создание животноводческих предприятий экспортной ориентации в ряде африканских стран и др.⁴².

По мере распада колониальной империи в 50—60-е годы все больше ресурсов в рамках «помощи» стало поступать непосредственно национальным организациям, занимающимся вопросами развития на местах. Это направление вывоза английского государственного капитала стало частью ответа на стремление развивающихся государств наряду с политической независимостью добиться и большей экономической самостоятельности в решении проблем внутреннего развития⁴³.

В британских источниках отсутствуют сопоставимые данные о размерах «помощи» в области сельского хозяйства до начала 60-х годов. Основываясь на отдельных публикациях, можно заключить, что это направление продолжало играть важную роль во внешнеэкономической политике Англии. В 1965 г., например, КРК участвовала в финансировании почти 50 проектов сельскохозяйственного развития, ориентированных главным образом на производство тропических продуктов для экспорта.

В условиях становления национальной государственности в развивающемся мире британский государственный капитал, поступающий в сферу сельского хозяйства на льготной основе, не

мог более ориентироваться исключительно на поддержку плантационного производства колониального типа с белым фермером в качестве его центральной фигуры. Большое внимание в программах «помощи» стало уделяться местным производителям, уже занятым и вовлекаемым вновь в возделывание экспортных сельскохозяйственных культур. При этом английский частный капитал был широко представлен и в переработке и в торговле сельскохозяйственной продукцией в афро-азиатских странах.

Так, в 1958 г. в Кении был развернут крупный проект развития производства чая. В финансировании участвовали: Корпорация развития колоний, Международный банк реконструкции и развития, частный английский капитал. Предполагалось построить пять фабрик по переработке чая, сырье для которых должно было производиться в мелких крестьянских хозяйствах. В начале 60-х годов КРК участвовала в финансировании освоения земель под посадки гебен в Нигерии; фабрику по производству каучука предполагалось построить с помощью частных британских фирм.

Согласно данным ежегодных отчетов Корпорации развития колоний, структура государственных средств, направляемых Англией в сельское хозяйство развивающихся стран в середине 60-х годов, существенно не отличалась от структуры их использования в первое послевоенное десятилетие, основная часть средств по-прежнему приходилась на проекты производства продуктов — тропических фруктов, сахара, пальмового масла и др. на экспорт⁴⁴.

Для второго этапа политики вывоза государственного капитала в агросферу и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран, начавшегося с середины 60-х годов, характерно заметное сокращение размеров британской «помощи». Завершение в целом распада британской колониальной империи привело к определенному снижению роли бывших колоний как торговых партнеров Англии при заметном укреплении ее экономических контактов, в том числе в области сельского хозяйства, со странами Западной Европы.

К концу 60-х годов, при некотором абсолютном росте британского экспорта в развивающиеся страны, его доля в общем объеме зарубежных продаж Англии по сравнению с началом десятилетия уменьшилась вдвое, составив 10%. В то же время активная ориентация на западноевропейские рынки привела к удвоению экспорта в страны ЕЭС — до 22% в 1970 г. Аналогичные тенденции наблюдались и в британском импорте — доля стран Содружества к 1970 г. уменьшилась до 10%, а закупки в ЕЭС возросли до 20% их общего объема⁴⁵.

Понижилось значение развивающихся стран как источника сельскохозяйственного сырья и продовольствия — к 1970 г. доля этой продукции в общем британском импорте сократилась до 21% по сравнению с 31% десятилетием ранее. По целому ряду

товаров традиционного ввоза, прежде всего продукции тропического сельского хозяйства, наблюдалось и абсолютное снижение импорта⁴⁶. Таким образом, объективно уменьшалась заинтересованность в расходовании средств в рамках британской «помощи» на дальнейшее развитие экспорториентированных производств в сельском хозяйстве освободившихся стран.

На протяжении 60-х годов произошло заметное уменьшение доли экспорта британского государственного капитала в валовом национальном продукте страны. Если в 1961 г. этот показатель составлял 0,59%, то в 1965 г. он был уже 0,48%, а в 1970 г. — 0,37%⁴⁷. В конце 60-х годов чистый приток средств по государственным каналам из Англии в развивающиеся страны был ниже, чем в начале десятилетия, даже в текущих ценах, поскольку при незначительном увеличении размеров предоставляемой «помощи» все большая ее часть расходовалась на выплату задолженности стран-получателей. Как писали английские исследователи Х. Липтон и Дж. Ферри, «черепаший рост масштабов британской помощи... чрезвычайно обострил проблему выплаты прошлых долгов для государств-заемщиков»⁴⁸.

В середине 60-х годов в официальной политике Англии по отношению к проблемам развития сельского хозяйства освободившихся стран наметились некоторые перемены. Кабинет министров обсудил предложения по увеличению вывоза государственного капитала в эту сферу народного хозяйства развивающихся стран, прежде всего Африканского континента, а также по переориентации использования выделяемых ресурсов — предлагалось направлять их «для финансирования производства и улучшения качества не только экспортной продукции, но и сельскохозяйственных товаров, поставляемых на внутренний рынок»⁴⁹. Предлагалось, в частности, уделять больше внимания проектам освоения земель под основные продовольственные культуры, агротехнического обслуживания мелких производителей, создания показательных ферм, расширения сельскохозяйственного кредитования, строительства хранилищ для зерна и др. Однако в условиях общего падения интереса официального Лондона к «помощи в целях развития» в тот период заметных перемен ни в масштабах, ни в направлении финансирования сельского хозяйства освободившихся стран не произошло.

Из общего объема средств в 373 млн. ф. ст., направленных на осуществление конкретных проектов в развивающихся странах («проектная помощь»), по статье «возобновление природных ресурсов» (включающей средства на финансирование проектов в области растениеводства, животноводства, рыболовства, лесоводства и освоения земель в сельской местности) в 1966—1970 гг. было предоставлено 44,7 млн. ф. ст. (12% всей «проектной помощи»), что было вдвое меньше, чем, например, объем средств, направленных на развитие экономической ин-

фраструктуры в этих странах⁵⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась и в начале следующего десятилетия⁵¹.

Заметные изменения в британской политике «помощи» в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в освободившихся странах произошли на третьем этапе, начиная с середины 70-х годов. Новый период ознаменовался выходом в свет Белой книги правительства под названием «Изменение акцентов в британской политике помощи». Широко рекламировались новые положения, и прежде всего провозглашение преимущественного использования ресурсов, предоставляемых развивающимся странам на решение их аграрных проблем, для «борьбы с бедностью».

Однако принятие Англией данного обязательства (неизбежного в условиях обострения экономической ситуации в беднейших странах — членах Содружества и усиления критики политики «помощи» бывшей метрополии) сопровождалось целым рядом оговорок, существенно ограничивающих возможность достижения провозглашенных целей. Во-первых, переход к новому курсу предполагал длительный, конкретно не определенный период, на протяжении которого программы британской «помощи» могли иметь традиционную ориентацию. Во-вторых, выбор конкретных направлений «борьбы с бедностью» в тех или иных странах тесно увязывался с задачей достижения политических и экономических целей Англии⁵².

В 70-е годы не ослабла «коммерческая» функция вывоза британского государственного капитала в развивающиеся страны. Правительство Англии приняло решение, начиная с 1978 г. направлять на осуществление проектов, имеющих непосредственную связь с расширением британского промышленного экспорта, по меньшей мере 5% средств в рамках двусторонней «помощи». В действительности же на финансирование таких проектов шла подавляющая часть предоставляемых ресурсов. Как писал английский исследователь Г. Арнольд, после всех перемен, официально провозглашенных и реально проведенных Англией в 70-е годы, «вряд ли кто-нибудь когда-либо поверит, что британская помощь была ориентирована на поддержку экономического развития стран-получателей»⁵³.

Еще более жесткий курс в вопросе о помощи развивающимся странам стал проводиться с приходом к власти в 1979 г. правительства М. Тэтчер. Это событие знаменует собой начало четвертого этапа во внешнеэкономической политике Англии в отношении развивающихся стран, для которого характерно укрепление консервативных тенденций в британском аграрном неокOLONIALИЗМЕ. Эти тенденции проявились прежде всего в сокращении объемов предоставляемых средств, поскольку вложение частного капитала в сельское хозяйство стран-получателей осталось рискованным предприятием, не гарантирующим высокие прибыли. Что же касается британского экспорта в развивающиеся страны, то доля промышленной продукции, нахо-

дящей конечное использование в аграрном секторе, сравнительно невелика.

В то же время правительство М. Тэтчер в вопросе предоставления «помощи» исходило из необходимости использовать ее для поддержки зарубежных инвестиций и дальнейшего расширения экспорта британских компаний. В частности, было принято решение о расширении «смешанного финансирования», при котором государственные средства, предоставляемые Англией, использовались совместно с ресурсами, поступающими по коммерческим каналам в виде экспортных кредитов развивающимся странам для закупки британских товаров.

Таким образом, объявленный в 1975 г. курс преимущественной ориентации «помощи» на «борьбу с бедностью» в странах Азии, Африки и Латинской Америки «все явственнее вступал в противоречие с концепцией первоочередного учета экономических и политических интересов Великобритании»⁵⁴.

Препятствием к проведению объявленных в Белой книге перемен в политике вывоза государственного капитала выступало сохранение и усиление «связанного» характера британской «помощи». Это ограничивало возможность стран-получателей использовать «помощь» для нужд аграрной экономики и систем продовольственного обеспечения, так как вынуждало расходовать все большую часть получаемых ресурсов в соответствии с отраслевыми приоритетами экспорта британского государственного капитала, в которых сельскому хозяйству стало уделяться меньше внимания. Даже британские официальные круги признали, что такое положение означает «дальнейшее сокращение объема средств, предоставляемых на осуществление проектов аграрного развития»⁵⁵.

Действительно, на протяжении 70-х годов и первой половины 80-х происходило заметное сокращение финансирования сельского хозяйства в рамках «помощи в целях развития». Если в 1973—1977 гг. доля ресурсов, вывозимых в аграрную сферу освободившихся стран, составляла 12% всего объема средств, выделенных им Англией на льготных условиях, то в следующие пять лет (1977—1982) она понизилась до 2,4%⁵⁶.

В то же время возрос удельный вес средств, предназначенных для подъема отраслей, предъявляющих повышенный спрос на британскую промышленную продукцию — прежде всего связанных со строительством и оборудованием объектов связи, водоснабжения, дорожных и транспортных предприятий, гостиниц и др. Данные направления стали ведущими в структуре «помощи для целей развития» во второй половине 70-х годов. Средства, направляемые в указанные сферы, наряду с ресурсами, выделявшимися в рамках «помощи» по статье «развитие предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности», а также с прямыми экспортными кредитами, способствовали заметному расширению британского промышленного экспорта в страны-получатели.

Правительство М. Тэтчер сократило вывоз британского государственного капитала в развивающиеся страны. Если на протяжении 70-х годов общий объем «помощи» Англии возрос более чем втрое (в текущих ценах), достигнув к концу десятилетия почти 1,5 млрд. долл. в год, то уже в первой половине 80-х годов этот уровень понизился до 0,7—0,9 млрд. долл.⁵⁷

Таким образом, на протяжении второй половины 70-х годов все явственней становился разрыв между декларациями о преимущественной ориентации британской «помощи» на «борьбу с бедностью» и ее реальным использованием в качестве инструмента создания и укрепления рынков сбыта для продукции английской промышленности. В 80-е годы программы «сельского развития», в рамках которых и должны были проводиться основные мероприятия по «борьбе с бедностью», не только не заняли главенствующего положения в структуре аграрной «помощи», но и утратили то значение, которое им придавалось в предшествующий период.

Рассмотрим теперь механизм вывоза британского государственного капитала в развивающиеся страны, в том числе в их агросферу. В 1964 г. взамен Корпорации развития колоний было образовано министерство по делам развития зарубежных стран, перед которым ставилась задача разработки и осуществления долгосрочных программ британской «помощи», координации деятельности всех учреждений и организаций, связанных с предоставлением ресурсов освободившимся государствам. Однако, как писали Х. Липтон и Дж. Ферн, министерство должно было обеспечивать «выполнение этих задач в условиях, когда острота экономических проблем, стоящих перед Англией, представлялась правительству достаточным основанием для сокращения программ британской помощи»⁵⁸.

Ограниченность ресурсов, находившихся в распоряжении министерства по делам развития зарубежных стран, существенно принижала его место в иерархии государственных учреждений. Министерство было отстранено от выработки решений по важнейшим внешнеэкономическим вопросам, глава министерства был выведен в 1966 г. из числа членов кабинета, а само оно было придано министерству иностранных дел и по делам сотрудничества. Позднее, в 1970 г., оно было преобразовано в Администрацию по делам развития зарубежных стран и лишилось министерского статуса, что многие исследователи расценивали, как дальнейшее падение заинтересованности правящих кругов в «помощи» развивающимся странам.

К середине 80-х годов в ведении Администрации было распределение госбюджетных ресурсов между международными организациями помощи, странами Британского Содружества и прочими государствами-получателями. Кроме того, в функции этого ведомства входит распределение средств между отдельными направлениями «помощи» — финансовой, технической и др.

Администрация состоит из подразделений, созданных по тер-

риториальному (выделение ресурсов конкретному региону или отдельной стране) или функциональному (распределение средств по видам «помощи», подбор персонала для проведения технических программ, согласование британских планов с направлениями деятельности международных организаций помощи и пр.) признакам.

За рубежом Администрация имеет пять региональных «отделов развития» — в Карибском бассейне, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Центральной и Южной Америке и в Восточной Африке. В них заняты советники, консультирующие по тем или иным аспектам развития правительственные органы стран обслуживаемых регионов. В то же время персонал этих отделов выдает рекомендации различным частным фирмам (представляющим в большинстве своем интересы крупных британских компаний) относительно возможных путей использования выделяемых ими средств.

Для осуществления всех видов деятельности, связанной с предоставлением «помощи», Администрация имеет штат консультантов и советников, работающих как непосредственно в Англии, так и за рубежом — в сфере сельского хозяйства, ветеринарии, лесоводства, ирригации, а также промышленности, образования, здравоохранения. Помимо штатных сотрудников привлекаются и специалисты других учреждений — в частности, Администрация имеет тесные связи с Советом сельскохозяйственных исследований Англии, Сельскохозяйственным бюро стран Британского Содружества, сельскохозяйственными школами при многих университетах Англии.

Одной из основных особенностей вывоза британского государственного капитала в агросферу развивающихся стран является исключительно важная роль, которая отводится технической «помощи» — научным изысканиям в области тропического сельского хозяйства, подготовке кадров, организации практических консультаций специалистов-аграрников и др.

Контроль за процессом развития научно-технического потенциала стран — получателей технической «помощи» позволяет, по мнению творцов внешнеэкономической политики Великобритании, с наименьшими затратами воздействовать на многие другие процессы, протекающие в экономической жизни этих стран — в области инвестиций, внешней торговли и др.

Усилению зависимости аграрного сектора освободившихся государств от научно-технического потенциала Англии способствует, в частности, наличие сложившихся за долгие годы британского колониального господства широкой сети учреждений и организаций, обслуживавших традиционное сельскохозяйственное производство в английских колониях. И после достижения независимости этими странами позиции Англии как «мозгового треста» по разработке идей в области тропического сельского хозяйства оставались достаточно прочными.

Сразу после получения государственной самостоятельности

ряд бывших британских колоний предпринял шаги для создания национальных либо региональных исследовательских организаций аграрного профиля. Англия постаралась не выпустить этот процесс из-под своего влияния, предоставив средства для создания таких институтов. Уже к началу 70-х годов финансирование их деятельности стало увязываться с участием этих организаций в проектах развития сельского хозяйства стран — получателей «помощи», поддерживаемых Англией. Поскольку выбор таких проектов диктовался прежде всего интересами донора, то национальные исследовательские институты, чтобы не лишаться средств, были вынуждены участвовать в разработке проектов, список которых составлялся при непосредственном участии британского агробизнеса.

Главную роль в обеспечении научно-технической экспансии Англии в сельское хозяйство развивающихся стран играют национальные британские научные и учебные центры, многие из которых были созданы уже после распада британской колониальной империи.

Крупнейший из них — Институт тропических культур, занимающийся выведением новых сортов, проблемами хранения продукции, контроля ее качества, разработкой стандартов, проведением различного рода анализов, чем в значительной мере содействует поставке на международные рынки продукции, которая удовлетворяла бы требованиям, предъявляемым к ней со стороны западных потребителей. Одновременно важнейшая задача — подготовить обслуживающий персонал среднего звена из числа национальных кадров для работы на современных предприятиях британского агробизнеса, действующего в сельском хозяйстве развивающихся стран.

Крупными организациями, выполняющими заказы Администрации по делам развития зарубежных стран и финансируемые из ее бюджета, являются созданный в 1971 г. Центр по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, а также формально входящий в состав Администрации, но функционально независимый Отдел земельных ресурсов. Последний обладает исключительными возможностями в оказании воздействия на политику землепользования, а через нее — и на производственную структуру сельского хозяйства развивающихся стран в интересах Англии. По запросу стран-получателей Отдел осуществляет оценку земельных угодий и выдает рекомендации по их освоению. Он же обеспечивает консультации по научным и организационным вопросам и подготовку кадров в своей области.

В целом в осуществлении «помощи» в области сельского хозяйства развивающихся стран принимают участие около 50 различных организаций и учреждений. Среди них ведущие университеты Лондона, Ньюкасла, Бирмингема, Манчестера и других городов. Сюда же относится значительное число специализированных организаций, занимающихся исследованиями в

области сельского хозяйства в рамках Содружества, — Институт лесоводства, Институт биологического контроля, Институт энтомологии, Институт микологии и некоторые другие. И наконец, большую группу составляют центры, обслуживающие национальное сельское хозяйство, но в той или иной степени занимающиеся проблемами тропической зоны, — Шотландский институт садоводства, Уэльская станция растениеводства и др.

Имеющиеся данные о работе такого рода учреждений свидетельствуют, что большая часть оказываемой ими научно-технической «помощи» тяготеет не к исследованиям, закладывающим основы для общего прогресса в развитии сельского хозяйства тропической зоны или отраслях производства основных продовольственных культур, а направляется на решение прикладных проблем в рамках экспортноориентированного производства.

Так, в первой половине 70-х годов британские специалисты участвовали в осуществлении 12 проектов в сфере почвоведения, 2 проектов по улучшению землепользования, 31 проекта по защите растений и борьбе с сельскохозяйственными вредителями, остальные 111 проектов были связаны с развитием отдельных производств — хлопка, сахара, табака, чая, кофе, какао, цитрусовых, бананов, ананасов и других экспортных культур в странах Восточной и Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Карибского бассейна⁵⁹.

Ситуация мало изменилась и в последующие годы: хотя размеры финансирования научных исследований в области сельского хозяйства развивающихся стран за счет британского государственного капитала несколько возросли, все же направленность «помощи» на обеспечение интересов британского агробизнеса осталась неизменной⁶⁰.

Федеративная Республика Германия

Существенными особенностями характеризуется западногерманская политика вывоза государственного капитала в развивающиеся страны. Длительное время (вплоть до начала третьего этапа) ее отличительными чертами были: незначительный объем предоставляемых ресурсов (особенно в рамках двусторонних отношений), ограниченное значение сельского хозяйства стран-получателей как сферы приложения государственного капитала ФРГ, ярко выраженная политическая направленность западногерманской «помощи». В стране долгие годы отсутствовала четко сформулированная программа развития взаимосвязей с развивающимися странами. Основная часть предоставляемых ресурсов распределялась главным образом через международные организации, а двусторонняя «помощь» ограничивалась незначительным по масштабу техническим сотрудничеством.

В конце 50-х — начале 60-х годов в связи с активизацией распада колониальных империй Англии и Франции в Азии и особенно в Африке у ФРГ заметно возрос интерес к укреплению контактов с развивающимся миром. Созданное в 1961 г. министерство по делам экономического сотрудничества предприняло попытку диверсифицировать международные связи, установив экономические контакты с новыми независимыми государствами Африки. При этом, как отмечалось в исследовании ученых ГДР, посвященном проблемам западногерманского неоколониалистского вмешательства в агросферу развивающихся стран, ФРГ использовала «тот факт, что Германия после первой мировой войны не имела собственных колоний, выступая перед народами развивающихся стран как менее обремененная „славой“ колонизаторов»⁶¹.

В активизации двусторонних связей ФРГ с развивающимися странами сыграло свою роль и давление со стороны США, стремившихся переложить часть расходов по сохранению статус-кво в мировом капиталистическом хозяйстве на своих союзников. В результате в этот период наблюдалось некоторое расширение «помощи» ФРГ развивающемуся миру.

Концептуальная основа предоставления финансовой и технической «помощи» ФРГ на протяжении 50-х и 60-х годов оставалась практически неизменной. В отличие от британской политики «помощи», на первых этапах отводившей исключительную роль британскому частному капиталу в финансировании проектов экономического развития в освободившихся странах, в основе подхода ФРГ лежала концепция «самопомощи», предполагавшая, в частности, обязательное участие стран-получателей в осуществлении проектов, выбор которых во многом определялся экономическими и политическими интересами донора.

На протяжении всего рассматриваемого периода западногерманская «помощь» имела ярко выраженную политическую направленность. Так, в частности, согласно официальной «доктрине Хальштейна» (отмененной только в 1969 г.), «важнейшим критерием выбора стран — получателей помощи было непризнание ими Восточной Германии»⁶². ФРГ имела широкие контакты с реакционными режимами в Латинской Америке, на долю которых приходилась существенная часть ресурсов, предоставляемых на льготной основе.

Следует отметить, что ФРГ, прикрывавшейся якобы «антиколониальным» прошлым, уже в 60-е годы удалось заметно укрепить свое политическое влияние на страны развивающегося мира. Как отмечалось в тот период исследователями ГДР: «Если учитывать исходные позиции после второй мировой войны, западногерманский империализм достиг... уже значительных успехов, в том числе в распространении своей идеологии и во вмешательстве, посредством навязывания доктрины Хальштейна, во внешнюю политику развивающихся стран»⁶³.

«Помощь» ФРГ сельскому хозяйству развивающихся стран до начала 70-х годов была незначительной, она составляла не более 6—8% всего объема выделяемых по этой статье средств, что было ниже аналогичных показателей других западных доноров. Невелика была и продовольственная «помощь» ФРГ странам Азии, Африки и Латинской Америки⁶⁴.

Кризисная ситуация, сложившаяся в мировом капиталистическом хозяйстве в первой половине 70-х годов, привела к переменам во внешнеэкономическом курсе Федеративной Республики Германии. Кабинетом министров ФРГ была одобрена «Концепция политики развития», оказавшая заметное воздействие на многие аспекты западногерманской «помощи». В этом документе изложена позиция боннского правительства по вопросам развития освободившихся стран, и в частности по проблемам расширения и диверсификации сельскохозяйственного производства и ликвидации голода. «Помощь» ФРГ, как это было указано в документе, должна была содействовать достижению этих целей.

За этим стояло намерение использовать обострение общеэкономической и продовольственной ситуации в развивающемся мире для дальнейшего укрепления политических и экономических позиций ФРГ в странах — получателях «помощи». Выступая за предоставление государственных средств развивающимся странам, министр по делам экономического сотрудничества ФРГ Э. Бар подчеркивал, что почти 80% финансовой «помощи», предоставленной получателям, возвращается в страну в виде заказов компаниям ФРГ, а 90% расходов на техническую «помощь» составляют заработная плата немецких специалистов и оплата за передаваемую технологию⁶⁵.

В 1975 г. кабинетом министров был утвержден документ под названием «25 тезисов», ставший существенным дополнением к принятой ранее «Концепции политики развития». В нем говорилось о том, что основными получателями западногерманской «помощи» должны быть «наиболее нуждающиеся» страны (тезис 15), а сама она, «насколько это возможно, должна концентрироваться... на проектах аграрного развития» (тезис 16), содействовать внедрению трудоинтенсивной технологии «для решения проблем занятости» (тезис 17).

В то же время указывалось, что в своей политике помощи ФРГ помимо «интересов развития» будет учитывать такие критерии, как степень «сотрудничества правительства принимающей страны с частным сектором в вопросах экономического и социального развития», а также наличие «необходимых гарантий и благоприятного инвестиционного климата для иностранных капиталовложений в странах-получателях» (тезис 19)⁶⁶.

В документе была особо оговорена связь между выделением средств на льготной основе для развивающихся стран и предоставлением ими доступа ФРГ к их сырьевым ресурсам. Было объявлено целесообразным направлять «помощь» преж-

де всего в те государства, которые проводят политику, способствующую превращению их в надежные источники сырья и продовольствия для доноров.

В 1977 г. основной целью программ «помощи» ФРГ была провозглашена «борьба с бедностью» в развивающихся странах. Эта же цель подтверждена в принятых двумя годами позже «17 тезисах» правительства, явившихся дальнейшей разработкой принятых ранее документов о стратегии ФРГ в отношении освободившихся стран. Отмечалась, в частности, необходимость дифференцированного подхода к получателям, обеспечения приоритета «наиболее пострадавшим» и «наименее развитым» странам. В отношении других групп развивающихся государств предлагалось шире использовать практику смешанного финансирования, сочетать льготные кредиты с коммерческими.

В 1980 г. кабинетом министров была утверждена новая «Концепция политики развития», в которой был обобщен опыт 70-х годов. Наиболее полно были учтены положения «17 тезисов» и вышедшего незадолго до этого доклада комиссии В. Брандта. Основой западногерманской политики «помощи» провозглашалось «содействие развивающимся странам в удовлетворении основных нужд их населения — в продовольствии, питьевой воде, медицинском обслуживании, одежде, жилище и образовании»⁶⁷.

На специальной сессии федерального парламента в марте 1982 г., рассматривавшей вопросы взаимодействия с развивающимися странами, «Концепция политики развития» была положена в основу выделения приоритетных направлений западногерманской «помощи» на 80-е годы; ими были признаны аграрная сфера, энергетика, защита природных ресурсов, образование и подготовка кадров.

Таким образом, на протяжении 70-х и в начале 80-х годов эволюция концепции «помощи» ФРГ развивающимся странам следовала в направлении, типичном для большинства развитых капиталистических стран в этот период. В условиях усиления кризисных явлений в мировом капиталистическом хозяйстве и активизации борьбы развивающихся стран за свои права концепция «борьбы с бедностью» стала удобным прикрытием экспансии западногерманского капитала в «третий мир» и одновременно альтернативой тенденции усиления борьбы развивающихся стран за перестройку господствующих в МКХ подходов.

Однако провозглашенные перемены носили преимущественно декларативный характер, чему в немалой мере способствовало противодействие мощных сил в ФРГ, имеющих особые взгляды на направления использования выделяемых средств. К ним относятся и промышленные компании, стремящиеся с государственной помощью расширить рынки сбыта в развивающихся странах, и внешнеполитические ведомства, требующие ресурсов для подкрепления «особых отношений» с Турцией,

Израилем и другими государствами, помощь которым определяется мотивами, далекими от забот об искоренении бедности в развивающемся мире.

Кроме того, объявленные изменения не сопровождались соответствующим ростом ассигнований, и, по мнению западных специалистов, «ожидание, что сколько-нибудь существенное увеличение помощи станет возможным в условиях финансовых трудностей, испытываемых Федеративной Республикой Германией, было маловероятным»⁶⁸.

Вопреки заявлениям о намерении увеличить выделение средств на нужды сельского хозяйства развивающихся стран на протяжении 70-х и в начале 80-х годов вывоз государственного капитала направлялся преимущественно в экономически наиболее привлекательные для ФРГ отрасли промышленности и энергетики⁶⁹.

В конце 1982 г. к власти в ФРГ пришло новое правительство во главе с канцлером Г. Колем и программы западногерманской «помощи» были изменены в соответствии с внешнеполитическим курсом правящего блока партий ХДС/ХСС. Принципы экономической и политической «целесообразности» стали практически основными критериями выделения средств развивающимся странам, ужесточились условия предоставления «помощи». Новое руководство сочло чрезмерным взятое предшествующим правительством обязательство о ежегодном увеличении «помощи» на 10% и приняло решение сократить ассигнования на эти цели «до разумного уровня». При этом особенно резко уменьшился приток средств «наименее развитым странам», в большинстве из которых сохраняется чрезвычайно тяжелое положение в сельском хозяйстве — Нигеру, Руанде, Гвинее и др.⁷⁰. ФРГ отказалась подтвердить взятые ранее в рамках Комитета содействия развитию ОЭСР обязательства об увеличении притока средств на льготной основе в развивающиеся страны до 0,7% ВВП⁷¹.

В 80-е годы политические мотивы стали доминирующими при подборе стран — получателей «помощи» ФРГ. Руководство министерства по делам сотрудничества прямо заявило о необходимости перераспределения средств в пользу «дружественных» государств развивающегося мира, которое должно сопровождаться полным прекращением «финансовой поддержки просоциалистических режимов»⁷².

По мнению западных исследователей «помощи» ФРГ, не вызывает сомнения тот факт, что «в рамках „особых отношений“ с такими странами, как Турция, Пакистан, Израиль... им будет оказываться широкая экономическая поддержка»⁷³. В то же время правительство ХДС/ХСС сохранило введенное предыдущей администрацией эмбарго на предоставление экономической помощи Анголе, отказалось расширить выделение средств Мозамбику и солидаризировалось с американской позицией в отношении развивающегося мира.

В начале 1983 г. министр по делам экономического сотрудничества Ю. Варнке заявил о выработке «всеобъемлющей западногерманско-американской договоренности об отношениях с развивающимися странами, которая показала примечательное единогласие партнеров в оценке ситуации в этих государствах»⁷⁴.

Политизация «помощи» ФРГ сыграла на руку западногерманскому капиталу, заинтересованному в использовании данной формы сотрудничества для укрепления внешнеэкономических позиций. В частности, с начала 80-х годов заметно увеличилась доля «связанной» помощи. Как писал журнал «Африкен Бизнес»: «Правительство ФРГ ясно дало понять, что при выборе проектов финансирования в развивающихся странах предпочтение будет отдаваться тем из них, которые в наибольшей степени смогут обеспечить заказами западногерманские фирмы»⁷⁵.

В целом можно заключить, что политика «помощи» ФРГ в 70-е — первой половине 80-х годов продолжала отличаться большим консерватизмом от соответствующих курсов других стран Западной Европы. В силу ряда обстоятельств — относительно меньшей зависимости от развивающихся стран как источников сырья и продовольствия, отсутствия исторически сложившихся обязательств особого рода перед отдельными получателями «помощи», более высокого экономического потенциала, чем у любого другого западноевропейского донора, ФРГ имела возможность более целенаправленно, чем, например, Англия или Франция, использовать вывоз государственного капитала для достижения своих экономических и политических целей.

Если в 70-е годы ФРГ формально следовала общему курсу стран Запада в выборе объектов льготного финансирования в развивающемся мире (хотя и в этот период распределение средств в рамках двусторонней помощи определялось прежде всего интересами национального капитала страны-донора), то с начала 80-х годов камуфлируемые до тех пор движущие мотивы предоставления «помощи» превратились в открыто провозглашаемые принципы внешнеэкономической политики Бонна.

Руководство деятельностью всех учреждений, участвующих в предоставлении «помощи» для сельского хозяйства развивающихся стран, осуществляет министерство по делам экономического сотрудничества ФРГ. Непосредственным выделением средств — в том числе для сельского хозяйства и связанных с ним отраслей — занимается «Кредитанштальт фюр видерафау» (КВ) — крупнейший банк, контролируемый государством.

Государственный комитет по техническому сотрудничеству с середины 70-х годов стал координационным центром организации всей технической «помощи» ФРГ, значительная часть которой направляется в сельское хозяйство развивающихся стран. Главными функциями комитета являются планирование и контроль за использованием ресурсов целевого назначения, подбор

и подготовка персонала для проведения работ на местах, а также обеспечение поставок необходимого оборудования для конкретных проектов в странах-получателях.

Следует отметить, что в потоках государственного капитала ФРГ в сферу сельского хозяйства афро-азиатских и латиноамериканских стран, как и ранее (еще в 60-е годы), техническая «помощь» преобладает над финансовой. В тех или иных программах технической «помощи» задействовано большое число западногерманских организаций и учреждений. Так, в частности, при сельскохозяйственном институте в Штутгарт-Хохенгейме в 1962 г. был создан Институт зарубежного сельского хозяйства. Его основной деятельностью стало проведение исследований в области растениеводства в тропиках и субтропиках, результаты которых широко использовались западногерманскими экспертами в развивающихся странах. В 1963 г. аналогичный институт был открыт при Геттингемском университете. Он готовит специалистов по тропическому сельскому хозяйству, компетентных и в организационно-хозяйственных вопросах.

Для подготовки кадров среднего звена в ФРГ существует Школа тропического и субтропического земледелия в Витценхаузене.

После теоретического обучения ее выпускники проходят годичную практику в одной из развивающихся стран — получателей «помощи» ФРГ, после чего выезжают на место постоянной работы, где в их официальные обязанности входит проведение консультаций, подготовка специалистов низшего звена и др. и, кроме того (что не афишируется), — сбор материалов по сельскому хозяйству развивающихся стран и составление соответствующих обзоров для правительственных органов и деловых кругов ФРГ.

Поэтому и создание, и содержание специальных учебных заведений по подготовке кадров для работы в сельском хозяйстве развивающихся стран прежде всего связано с тем, что, помимо обычных обязанностей агрономов, зоотехников и др. на выпускников возлагается задача непосредственно содействовать достижению экономических и политических целей ФРГ в развивающемся мире. «Наряду с профессиональным обучением большое внимание уделяется политической и психологической подготовке специалистов по оказанию „помощи“ развивающимся странам, направленной на то, чтобы их деятельность соответствовала замыслам западногерманских монополий».

Несколько меньшее распространение по сравнению с другими европейскими странами, а также США имеет подготовка в ФРГ кадров для сельского хозяйства из числа граждан развивающихся стран. Одной из причин является недостаточное распространение немецкого языка в афро-азиатских и латиноамериканских странах. Однако не менее важным фактором, препятствующим распространению этой формы «помощи», яв-

ляется сохранение расистских настроений в отношении обучения выходцев из стран Азии и Африки в западногерманских вузах, даже в среде официальных лиц, ответственных за проведение программ «помощи» развивающемуся миру. Представители развивающихся стран постоянно сталкиваются с проявлениями открытой враждебности по отношению к ним в высших и средних специальных учебных заведениях страны. Кроме того, если судить по высказываниям западногерманских официальных лиц, подготовка кадров на местах в ряде случаев предпочтительнее с точки зрения затрат на обучение.

Распространенной формой технической «помощи» ФРГ развивающимся странам стали опытные станции и показательные хозяйства. В них, как правило, работают западногерманские специалисты, обучающие местное население уходу за скотом, возделыванию нетрадиционных сельскохозяйственных культур, хранению и первичной переработке продукции. Первые такие хозяйства появились еще в 60-е годы в некоторых странах Африки⁷⁶. С самого начала, как отмечал советский исследователь С. И. Каландаров, осуществление этих проектов было связано с расширением экспорта сельскохозяйственных машин и оборудования, являющихся продукцией западногерманских фирм⁷⁷.

Позже ряд западногерманских сельскохозяйственных консультативных пунктов и опытных хозяйств был создан на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Индии.

Предоставление технической «помощи» сельскому хозяйству развивающихся стран при затрате относительно незначительного объема средств позволило существенно расширить экспорт аграрной продукции этих государств в ФРГ, обеспечить сбыт западногерманских промышленных товаров. Кроме того, проводимые программы обучения позволяли вести идеологическую обработку местного населения в интересах донора, насаждать «ценности свободного мира», представляемого в данном случае ФРГ, и посредством влияния на широкие слои развивающегося общества оказывать воздействие на решение важных политических и социальных проблем в развивающихся странах с учетом интересов западногерманского капитала.

С середины 70-х годов западногерманская техническая «помощь» стала шире использоваться не только для осуществления «очаговых» проектов типа демонстрационных хозяйств и опытных станций, но и для финансирования научно-исследовательских и организационных работ в рамках крупных проектов производства отдельных сельскохозяйственных культур, комплексных программ «интегрированного сельского развития». Главной целью при этом, в условиях усиления кризисных явлений в сельском хозяйстве развивающихся стран, являлось укрепление зависимости последних от научно-технического потенциала ФРГ и сохранение их роли как источника сельскохозяйственной продукции для западногерманских потребителей.

Япония

Японская «помощь» странам развивающегося мира ведет свой отсчет с середины 50-х годов, с выплаты ряду азиатских стран репараций за причиненный ущерб в период японской оккупации в годы второй мировой войны. Осуществление первых программ «помощи» стало основой для последующего широкого проникновения японского частного капитала в азиатские страны, возрождения и углубления по сравнению с предвоенным и военным временем торговых связей с этими странами.

До конца 60-х годов японская «помощь» занимала скромное место во внешнеэкономической политике страны. «Официальная помощь в целях развития», предоставляемая в этот период освобожденным странам, не превышала 300—400 млн. долл. в год.

Специфика японской «помощи» сельскому хозяйству развивающихся стран связана с тем, что в отличие от всех остальных стран развитого капитализма Япония в гораздо большей степени зависит от внешних источников сельскохозяйственного сырья и продовольствия, производимого не только в тропической зоне, но и в зоне умеренного климата. Вследствие этого ее «помощь» в гораздо большей степени, чем «помощь» других доноров, ориентировалась на создание в странах-получателях производственной базы для последующего экспорта в Японию разнообразных сельскохозяйственных товаров.

Уже на первом этапе послевоенного развития в условиях быстрого роста численности населения страны, повышения общего уровня доходов, начавшейся переориентации на потребительские продовольственные стандарты стран Запада в Японии встала проблема удовлетворения растущего спроса на продукты питания. В последующие годы, несмотря на определенные успехи в развитии национального сельского хозяйства вообще и животноводства в частности, зависимость страны от внешних источников в покрытии продовольственного дефицита продолжала возрастать. Для обеспечения стабильности поставок и снижения расходов на закупки сельскохозяйственных продуктов за рубежом Япония начала шире использовать программы «помощи» при создании базы производства продукции, ориентированной на японские рынки.

Уже к концу 60-х годов сказались первые результаты воздействия японского государственного капитала на агросферу развивающихся стран. «В числе государств, где наиболее заметно увеличение сельскохозяйственного экспорта в Японию в результате проведения соответствующей политики помощи со стороны последней, можно отметить... Бразилию, Камбоджу, Индонезию и Таиланд», — писали эксперты министерства сельского хозяйства США в начале 70-х годов⁷⁸.

Однако как круг стран-получателей, так и объем предоставляемых материальных и финансовых ресурсов в тот период

оставались ограниченными. Подавляющая часть «помощи» поступала не в сферу сельского хозяйства развивающихся стран, а шла на строительство текстильных предприятий, энергетических станций, металлургических заводов, верфей и т. д.

Неблагоприятная ситуация в мировом капиталистическом хозяйстве в 70-е годы оказала серьезное воздействие на всю внешнеэкономическую политику Японии, вызвав определенные перемены и в японской политике «помощи». События начала десятилетия, как отмечалось выше, привели к росту цен на большинство продовольственных товаров, в том числе товаров традиционного японского импорта. В то же время резкое повышение цен на нефть, от ввоза которой Япония зависит гораздо сильнее других стран развитого капитализма, серьезно сказалось на состоянии ее платежного баланса и объективно ограничило возможности широких закупок продовольствия за границей. Энергетический кризис привел к повышению издержек производства в сельском хозяйстве в самой стране, вызвав повышение внутренних цен на аграрную продукцию в первой половине 70-х годов.

В то же время наряду с экономическими проблемами обеспечения внутреннего продовольственного спроса за счет импорта возникли и политические проблемы, в частности в области сельскохозяйственной торговли между Японией и США — последние в 1972—1973 гг. объявили о фактическом эмбарго на поставки соевых бобов в ряд стран, в том числе и в Японию, серьезно зависящую от США в кормовых ресурсах для своего животноводства. В результате, «кроме доверия к США, была подорвана и убежденность в том, что даже гарантированная платежеспособность может обеспечить надежность поставок»⁷⁹.

В связи с этими обстоятельствами перед японским правительством особенно остро встал вопрос об обеспечении «продовольственной безопасности» страны. Решить же его на основе самообеспеченности продуктами питания для Японии не представляется возможным. По мнению известного японского экономиста П. Ниджми, вместо крупных расходов на достижение «недостижимой» продовольственной самообеспеченности «гораздо предпочтительнее выглядел бы широкий импорт продовольственных товаров из-за рубежа, при условии, что удалось избавиться от риска неопределенности поставок»⁸⁰.

В таких условиях на повестку дня вновь встал вопрос об обеспечении Японии доступа к надежным источникам дешевого сырья и продовольствия. Одним из наиболее реальных путей решения этой проблемы было дальнейшее наращивание существующих и создание новых мощностей для производства сельскохозяйственной продукции за рубежом. Контроль за таким производством обеспечивается в рамках программ японской «помощи», ориентируемых прежде всего на поставки производимой продукции в Японию.

В начале 70-х годов была принята долгосрочная программа

«помощи» отдельным развивающимся странам, нацеленная на содействие в выпуске тех сельскохозяйственных товаров, которые являются предметом японского импорта.

Появление этой программы, в частности, вызвало серьезное беспокойство в США, которые усмотрели в этом посягательство на свою позицию как главного поставщика аграрной продукции на японский рынок. Как отмечалось в исследовании министерства сельского хозяйства США, «программы японской помощи и частных инвестиций приведут к дополнительным поставкам на мировой рынок миллионов тонн кормового зерна и масличных, сотен тысяч тонн хлопка, а поскольку большинство этой дополнительно произведенной продукции будет поступать в Японию, Соединенные Штаты могут столкнуться с серьезной конкуренцией в попытках увеличить свою долю продаж на японском рынке»⁸¹.

Среди товаров, производство которых намечалось увеличить с помощью Японии, были зерновые, в частности пшеница и кукуруза, масличные — прежде всего соя, тропические фрукты, чай, мясо и многие другие. В этот период значительные средства в рамках «помощи» были дополнительно направлены на финансирование проектов развития производства соевых бобов в Мексике и Бразилии, кукурузы в Таиланде, Индонезии, Мексике, Аргентине и на Филиппинах, производства мяса на Мадагаскаре и т. д. В Таиланде программа расширения производства кукурузы проводилась под девизом «развивай и импортируй» — 80% произведенной в ее рамках продукции вывозилось в Японию на корм скоту. По программе «экспортный коридор» в Бразилии строились зернохранилища и холодильники для обслуживания продовольственного экспорта в Японию и др.

Во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов японская «помощь» стала шире использоваться и для производства продовольствия на местные рынки стран-получателей. Этому способствовали относительная стабилизация цен на мировых рынках сельскохозяйственной продукции, а также интересы укрепления позиций Японии в «третьем мире» в условиях сохраняющегося и даже ухудшающегося продовольственного положения во многих развивающихся странах. По мнению некоторых японских исследователей, решение продовольственной проблемы в развивающихся странах в определенной степени выгодно и самой Японии, «поскольку это может привести к сбалансированию спроса и предложения на мировых рынках продовольствия и облегчить положение Японии как крупнейшего импортера сельскохозяйственных товаров»⁸².

В целом «помощь» Японии развивающимся странам в конце 70-х и особенно в 80-е годы заметно возросла, хотя и не достигла запланированных объемов⁸³. Отраслевая структура распределения двусторонней «помощи» складывалась явно не в пользу сельского хозяйства⁸⁴.

В Японии существует более сложная организационная струк-

тура принятия решений в сфере предоставления «помощи» и непосредственного распределения ресурсов, чем в других рассматриваемых странах развитого капитализма. Главными действующими лицами здесь являются министерство иностранных дел, министерство финансов, министерство внешней торговли и Управление экономического планирования. Политика «помощи», в том числе сельскому хозяйству развивающихся стран, вырабатывается главным образом путем консультаций между этими четырьмя ведущими ведомствами.

Указанные организации разрабатывают стратегию аграрно-неоколониализма, а ее непосредственное воплощение в жизнь осуществляют три основных исполнительных органа — Экспортно-импортный банк, Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами и Управление технического сотрудничества с зарубежными странами. Эти организации, как правило, имеют своих представителей в странах-получателях.

Фонд экономического сотрудничества предоставляет займы на льготной основе как непосредственно развивающимся странам, так и тем японским частным компаниям, которые осуществляют инвестиции в развитие производств, ориентируемых на экспорт производимой сырьевой продукции в Японию. Большинство проектов «помощи» сельскому хозяйству развивающихся стран финансируется из этого фонда. Непосредственный контроль над его деятельностью осуществляет Управление экономического планирования.

Управление технического сотрудничества с зарубежными странами находится в ведении министерства иностранных дел и осуществляет большинство государственных программ технического сотрудничества в сфере сельского хозяйства.

Следует упомянуть значительное число полугосударственных и частных организаций и учреждений, реализующих собственные программы «помощи» агросфере развивающихся стран и ориентирующихся на создание условий эффективного приложения японского частного капитала в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях экономики государств «третьего мира».

Так, в 1971 г. было создано Управление международного развития для подготовки специалистов сельского хозяйства, изучения производственного потенциала земельных ресурсов в странах-получателях, для анализа инфраструктуры и выдачи необходимых рекомендаций заинтересованным японским компаниям. Международная организация сельскохозяйственного развития, финансируемая 30 частными фирмами, использует «помощь» для проникновения в сферу сельского хозяйства ряда «наименее развитых стран». Около десятка компаний, ассоциированных с «Фудзи банком», объединены в консультативную группу для совместного участия в сельскохозяйственных проектах за рубежом, прежде всего в развивающихся странах.

В конце 60-х годов была создана частная компания по

совместным инвестициям в Азии, которая действует под контролем японского министерства иностранных дел и обеспечивает направление финансовой и технической «помощи», предоставляемой частными компаниями, в сельское хозяйство «наименее развитых стран». Главным объектом внимания этой компании, в деятельности которой участвуют 25 японских фирм, является расширение производства аграрной продукции на местах для ее последующего вывоза в Японию, расширение сбыта производимой японскими компаниями сельскохозяйственной техники, оборудования, удобрений, ядохимикатов и др. Среди вырабатываемой продукции — соевые бобы, кукуруза, сорго, кассава, шелковые коконы, сизаль.

В сельское хозяйство развивающихся стран направляется как финансовая, так и техническая «помощь», однако последняя имеет гораздо большее распространение. Первым проектом технического сотрудничества Японии в сфере сельского хозяйства со странами развивающегося мира было финансирование создания и оснащения Центра растениеводства и животноводства в Камбодже в 1959 г. Заметное расширение технической «помощи» произошло с созданием в 1962 г. Управления технического сотрудничества с зарубежными странами.

Основными направлениями деятельности Управления являются подготовка специалистов, создание центров технического сотрудничества на местах и др. В 70-е годы более четверти всех подготовленных для развивающихся стран технических специалистов были специалистами в области сельского хозяйства и связанных с ним отраслей.

Особую форму технической «помощи» представляет направление в развивающиеся страны добровольцев японского корпуса мира, которые, как правило, работают консультантами в отдельных отраслях сельского хозяйства — животноводстве, рыбоводстве, пчеловодстве и др. Обычно это молодые люди, выпускники сельскохозяйственных средних или высших учебных заведений, владеющие языком принимающей страны.

К началу 80-х годов Японией было осуществлено более тридцати крупных программ технической «помощи» развивающимся странам в сельском хозяйстве. Среди завершенных к 1983 г. проектов были: сельскохозяйственный технический центр в Камбодже (1959—1971), центр подготовки специалистов в области сельского хозяйства в Восточном Пакистане (1960—1965), показательные хозяйства на территории четырех штатов Индии (1962—1970), животноводческие предприятия в Сирии, Индонезии и др. Было завершено 15 проектов производства отдельных сельскохозяйственных культур, проектов механизации сельского хозяйства в Таиланде, на Филиппинах, на Шри-Ланке, в Малайзии, Лаосе, Бангладеш, Иране и Афганистане. В середине 80-х годов Япония участвовала в осуществлении 40 крупных проектов «технической помощи» сельскому хозяйству, главным образом в развивающихся странах Азии⁸¹.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ И АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН

* * *

В заключение хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. Политика аграрного неокOLONиализма, проводимая отдельно взятым империалистическим государством, формируется не только под влиянием общих для всего капиталистического мира тенденций во взаимоотношениях с развивающимися странами (тенденций, которые находят конкретное преломление в исторически обусловленной внешнеполитической линии этих государств в отношении той или иной страны «третьего мира»). Немаловажным фактором, влияющим на политику аграрного неокOLONиализма, выступает характер взаимоотношений между самими развитыми капиталистическими странами.

Как известно, межимпериалистические отношения складываются в поле взаимодействия центростремительной и центробежной тенденций. В отношении «помощи» центростремительная тенденция видна в согласовании позиций, координации деятельности на различных уровнях, т. е. является проявлением общей заинтересованности в сохранении системы эксплуатации, приносящей немалую долю доходов ведущим империалистическим державам. Центробежная тенденция реализуется в использовании «помощи» для недопущения или вытеснения конкурентов из наиболее важных отраслей и стран, приобретения исключительных прав на эксплуатацию природных ресурсов и т. п. Причем степень использования «помощи» как инструмента межимпериалистической конкуренции тем выше, чем «плотнее» экономическая деятельность иностранного капитала и чем острее межимпериалистическое соперничество в целом.

Следует учитывать, что доминирующим по-прежнему остается влияние Соединенных Штатов, которые во многом определяют ситуацию в МКХ. Как отмечено в Отчетном докладе XXVII съезду КПСС: «В той мере, в какой достигается согласование позиций трех центров империализма, оно чаще всего оказывается следствием американского давления или открытого диктата, преследующего интересы и цели прежде всего самих США»⁴⁶.

Место Мирового банка в системе воздействия центров мирового капиталистического хозяйства на развивающийся мир

Активное участие межгосударственных институтов в системе отношений Запада с «третьим миром» стало одним из феноменов неокOLONиализма, попыткой противопоставить объединенные усилия развитых капиталистических стран национально-освободительному движению в странах «третьего мира». В обширном арсенале организационных форм, в рамках которых империалистические державы координируют свои внешнеполитические курсы, в том числе и в отношении развивающихся стран, Мировой банк занимает особое место. Прежде всего это связано с той финансовой мощью, которая находится в его распоряжении. Мировой банк и региональные банки развития не только обсуждают те или иные аспекты неокOLONиалистских стратегий, но и воплощают намеченные решения в жизнь.

В отличие от международных организаций системы ООН, в которых действует принцип «одна страна — один голос», в МБРР/МАР каждая страна обладает количеством голосов, пропорциональным участию в уставном капитале. На практике это означает, что группа ведущих капиталистических государств может принимать важнейшие решения, а США могут единолично накладывать вето.

Финансовые ресурсы МБРР формируются главным образом из заимствований на рынках ссудного капитала. Но они гарантируются уставным капиталом, и их размер не должен превышать размера этого капитала.

Ресурсы МАР складываются из взносов стран-доноров. Целенаправленный и формируемый на основе продуманной стратегии характер распределения кредитуемых Мировым банком ресурсов, а также способ мобилизации финансовых средств дают основания рассматривать деятельность банка (как и родственных ему региональных банков развития) как экспорт государственного капитала на многосторонней основе.

Как уже отмечалось в главе I, особо важная роль принадлежит Мировому банку в организации и финансировании проек-

тов в сельском хозяйстве развивающихся стран. Достаточно отметить, что на протяжении 70-х годов доля Мирового банка в кредитах сельскому хозяйству, предоставляемых через международные финансовые организации неосоциалистического мира, колебалась в пределах 60—70%¹.

Важной стороной деятельности Мирового банка стали усилия, предпринимаемые им в нефинансовой сфере. В своей первоначальной деятельности он опирался на теоретические и методические разработки, созданные вне стен организации. На протяжении 60-х годов в Мировом банке шел процесс обобщения опыта собственной деятельности. Активизация научно-исследовательской работы с начала 70-х годов ознаменовала качественно новую ступень в диверсификации деятельности Мирового банка в нефинансовой сфере. Значительно возросла численность персонала, занятого научной работой, связанной с общими и конкретными проблемами развития. К сотрудничеству с банком были привлечены известные ученые в области проблем развития: Х. Ченери, Махбуб уль Хак, И. Эдельман, П. Стритен и многие другие. В серии «Рабочие документы сотрудников Мирового банка» ежегодно стало появляться несколько десятков разработок, затрагивающих обширный спектр проблем развития, немалая часть которых посвящена тематике аграрного сектора. Многие на Западе рассматривают эти разработки как последнее слово в исследовании проблем «третьего мира». К середине 80-х годов общее число их перевалило за 600. С 1978 г. издаются ежегодные обзоры экономической ситуации в мире, которые стали настольной книгой для всех, занимающихся проблемами развития освободившихся стран.

Региональные банки и национальные организации, связанные с предоставлением «помощи», но имеющие ограниченные возможности для самостоятельной разработки теоретических проблем и практических методик, являются активными потребителями научной и прикладной исследовательской продукции Мирового банка.

Будучи не в состоянии объять необъятное, Мировой банк активно подключает к работе на себя персонал других, в первую очередь международных, организаций, в которых трудятся видные специалисты в той или иной области знаний и практической деятельности. Примером такого заимствования интеллектуального потенциала стала так называемая Кооперативная программа Мирового банка и ФАО. В соответствии с ней специалисты ФАО, предварительно ознакомленные с требованиями Мирового банка к сельскохозяйственным проектам, участвуют в начальных стадиях подготовки таких проектов в составе миссий, направляемых в развивающиеся страны. Только за 1974—1979 гг. было организовано свыше 250 подобных миссий². К середине 80-х годов более четверти всех финансируемых Мировым банком проектов в области сельского хозяйства было подготовлено с участием специалистов ФАО³.

С 1978 г. действует соглашение о кооперации между Мировым банком и Международным фондом сельскохозяйственного развития, согласно которому Мировой банк участвует в оценке и надзоре за осуществлением проектов, реализуемых на средства фонда.

Значительную роль в подготовке проектных решений играют разрабатываемые Программой развития ООН (ПРООН) исследования экономической целесообразности намеченных инвестиций. Использование Мировым банком специалистов и целых учреждений системы ООН (так, он выступает потребителем значительной доли исследований ПРООН) позволяет ему ускорять подготовку финансируемых проектов, что было особенно важно в 70-е годы, когда число проектов стремительно росло. Кроме того, это удешевляет стоимость проектных работ. Например, Мировой банк оплачивает только 75% заработной платы полностью работающих на него специалистов ФАО, а каждое из обследований ПРООН, результатами которых он бесплатно пользуется как специализированное агентство ООН, обходилось в конце 60-х годов в сумму около 1 млн. долл.

Мировой банк, являясь «клубом богатых держав», как его иногда называют в печати, приспособлен к обслуживанию потребностей последних намного лучше, чем любое другое агентство ООН. Проводимая Мировым банком политика превратила его, по существу, в альтернативный ООН международный центр, который действует в соответствии с представлениями империалистических держав о послушном их воле инструменте поддержания выгодного им международного экономического порядка. Особенно актуальной деятельностью Мирового банка стала в условиях превращения ООН в арену борьбы за новый мировой экономический порядок. Банк стремится заблокировать эту борьбу, не только вырабатывая теории, призванные убедить развивающийся мир в возможности достичь значительных перемен в их положении в рамках существующих в МКХ порядков. Мировой банк воздействует на работу ООН изнутри, подчиняя своим целям деятельность ее органов, не идя на сотрудничество, которое могло бы содействовать усилению влияния ООН в современном мире. Сила позиции Мирового банка заключается в том, что он практически единственная в системе ООН организация, прямо влияющая на процесс инвестирования в развивающемся мире. Все остальные заняты, по существу, техническим содействием. Как отмечает голландский исследователь банка Ван де Лаар: «В конфликтах между агентствами (ООН.— С. И) мнение, отстаиваемое Банком, имеет больший вес, так как именно от этого мнения зависит, предоставлять ресурсы или нет, вне зависимости от достоинств альтернативных взглядов»⁴.

Постоянно нарастающая диверсификация операций Мирового банка подорвала изначально сложившуюся систему разделения сфер компетенции в рамках ООН, при которой МБРР «от-

вечал» за экономическую инфраструктуру, ФАО — за сельское хозяйство, ЮНИДО — за промышленное развитие, ЮНЕСКО — за образование и т. д.

Каковы же возможности Мирового банка для того, чтобы воздействовать на аграрный сектор развивающихся стран? Для простоты анализа выделим два уровня влияния: влияние на принятие решений стратегического характера и влияние на деятельность, связанную с конкретными проектными решениями.

Воздействие Мирового банка на основные направления аграрной политики той или иной страны, входящей в сферу его влияния, весьма глубоко.

Для осуществления своей линии решения проблем, стоящих перед аграрным сектором развивающихся стран, Мировой банк обладает обширным арсеналом средств. К наиболее «мягким» из них относятся информация о позиции банка в решении того или иного вопроса. Удобным поводом для этого служат различные международные форумы, а также ежегодные сессии Совета управляющих.

Существенная роль в пропаганде рекомендуемых Мировым банком подходов отводится Институту экономического развития, основанному в 1955 г. Здесь проходят обучение главным образом должностные лица среднего и высшего управленческого звена и преподаватели из развивающихся стран. Курсы длятся от шести до восьми недель, семинары — от одной недели до трех. В 1985 финансовом году в институте на 17 курсах и семинарах, проводимых в США, и 65 курсах и семинарах в других странах прошли обучение 2800 человек⁵. Кроме того, институт имеет связи с учебными центрами в самих развивающихся странах.

На курсах, связанных с аграрной проблематикой, основными темами являются: анализ нормы прибыли на капиталовложения в сельское хозяйство; анализ определенных типов проектов, включая проекты сельского развития; выбор и подготовка проектов, подходящих для рассмотрения национальными исполнительными органами и международными кредитными учреждениями; процесс развития сельского хозяйства и его место в национальной экономике⁶.

Мировой банк, как уже упоминалось, издает обширную литературу, касающуюся проблем развития, привлекая в качестве авторов как специалистов, работающих в его стенах, так и ученых из других организаций.

Наиболее интенсивное давление испытывает страна, непосредственно обратившаяся за помощью. Одним из условий предоставления займа Мировой банк выдвигает получение исчерпывающей информации о состоянии экономики страны, претендующей на получение кредита. С этой целью банк с первых лет своего существования организует миссии экспертов, собирающих необходимые ему данные. Отчеты о деятельности миссий, предоставляемые в распоряжение правительств обследовавших-

ся стран, публикуются при их согласии. Еще в 1956 г. руководство банка признало, что одним из наиболее важных результатов его миссий оказывается влияние на формирование долгосрочного подхода к проблемам развития в принимающих странах. В первые годы работы Мирового банка отчеты миссий рассматривались как «инструмент для действий»⁷, т. е. практически являлись директивами по важнейшим аспектам стратегии развития. Часто отчет банковской миссии представлял собой первую попытку предпринять анализ экономики страны в целом и предопределить ход ее дальнейшей эволюции. Рекомендации, содержащиеся в отчетах миссий, зачастую без изменений входили в состав национальных планов развития и давали основание специалисту в области планирования С. А. Бесонову в середине 70-х годов прийти к выводу, что «свыше трех четвертей всех планов в Азии, Африке и Латинской Америке было разработано миссиями МБРР»⁸.

Внедрение западных идей облегчается отсутствием или слабостью национальных научных и планирующих подразделений в развивающихся странах, вынужденных ориентироваться на предлагаемые Западом решения. Как отметили французские исследователи концепции сельского развития: «Несмотря на несходство стран по поставленным целям и политике, проводимой их правительствами, большинство (развивающихся.— С. И.) стран приняло определение, предложенное международными агентствами»⁹.

Важным фактором постоянного влияния на формирование политики развивающихся стран в экономической сфере служат учреждаемые Мировым банком страновые или региональные представительства, число которых в 1986 г. достигло 38. Они нередко «расположены в помещениях министерств национального планирования и центральных банков»¹⁰; что облегчает повседневные контакты с местными чиновниками. Как заявляют представители Мирового банка, «страны, получающие льготные кредиты Международной ассоциации развития, вряд ли пренебрегут советом, который может быть дан миссиями МБРР/МАР»¹¹.

Действенными орудиями давления являются организуемые и руководимые Мировым банком консорциумы и консультативные группы, служащие для координации усилий многосторонних организаций и стран, предоставляющих «помощь» развивающимся государствам¹². К концу 1985 г. банк возглавлял 23 консорциума и консультативные группы, и шли переговоры о создании по крайней мере еще трех групп для стран африканского региона.

В 80-е годы влияние на отраслевую и общеэкономическую политику развивающихся стран становится узаконенной целью деятельности Мирового банка, резко усилившего, подобно МВФ, обусловленность предоставления своих средств соответствующими мерами со стороны правительств принимающих стран.

То, что ранее было предметом закулисных переговоров, стало объектом официальных «торгов». Появились и специально предназначенные для этого инструменты — прежде всего так называемые займы «структурной и отраслевой перестройки», которые получают страны, согласившиеся на продиктованные им извне перемены в общехозяйственной либо отраслевой политике. Правда, удельный вес займов сравнительно невелик: в 1986 г. кредиты на «отраслевую перестройку» составили 14% суммарных обязательств Мирового банка, но они воздействуют на принятие решений на высших уровнях политической и экономической иерархии и тем самым вызывают больший резонанс по сравнению с любым единичным проектом.

Масштабы воздействия Мирового банка трудно оценить, если ориентироваться только на объемы финансовых средств, предоставляемых им непосредственно. Хотя он и является крупнейшим кредитором в системе западной «помощи в целях развития», на его долю приходится сравнительно небольшая часть внешних ресурсов, доступных развивающимся странам. Возможности Мирового банка навязывать развивающимся странам «экономически обоснованную», т. е. приемлемую с точки зрения капиталистических государств, политику заключаются прежде всего в ключевом положении, которое он занимает во взаимоотношениях этих государств с развивающимся миром. Являясь организацией, держащей руку на «экономическом пульсе» подавляющего большинства развивающихся стран, Мировой банк в условиях сложной международной экономической обстановки выступает лоцманом для многих государственных и частнокапиталистических организаций в центрах МКХ. От оценки экономического положения, данной Мировым банком, в незначительной мере зависит инвестиционная стратегия частного капитала в той или иной развивающейся стране.

Мировой банк стремится сохранить за собой функции координатора деятельности международных агентств, правительственных организаций и частных корпораций в проведении единой линии, выработке основных направлений стратегии Запада. Координирующая деятельность реализуется и в разработке теоретических основ такой стратегии, и в тесных контактах с развитыми капиталистическими странами в процессе функционирования возглавляемых им консорциумов и консультативных групп, и в патерналистских отношениях с региональными банками развития, и в крепнущем сотрудничестве с частным бизнесом, который все более активно привлекается для совместного финансирования различных проектов банка, и в деятельности Мирового банка как громадного информационного центра, поставляющего данные, необходимые для практической работы всех перечисленных заинтересованных сторон.

В 80-е годы формирование единого подхода для действующих в странах развитого капитализма государственных и неправительственных организаций по оказанию «помощи», а так-

же многочисленных международных организаций капиталистического мира стало особенно важным, и не только в связи с ухудшившейся международной экономической ситуацией и ограниченностью внешнего финансирования. Проблема заключается в необходимости выработать теоретическую базу, которая определяла бы общие направления взаимодействия развитых капиталистических и развивающихся стран, подобно тому как это делала концепция экономического роста в 60-х годах или концепция «борьбы с бедностью» в 70-х годах. Ныне эти функции пытается выполнить концепция «структурной перестройки».

Помимо уже отмеченных контактов с ФАО и ПРООН Мировой банк имеет тесные деловые отношения с другими специализированными агентствами ООН, участвует в переговорах в рамках диалога «Север-Юг», в работе ОЭСР, регулярно консультируется с региональными банками развития и т. д. Под эгидой Мирового банка действует комитет, призванный координировать деятельность этого банка и неправительственных организаций в области «помощи в целях развития». Мировой банк выступает одним из учредителей созданной в 1971 г. Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям, объединяющей 13 научных центров, расположенных в развивающихся странах и занятых разработкой теоретических и прикладных проблем, связанных с увеличением производства продукции земледелия и животноводства.

Все более тесной становится координация деятельности Мирового банка с МВФ в рамках совместного Комитета по развитию, который был учрежден в 1974 г. и состоит из 20 членов, входящих в Советы исполнительных директоров того и другого учреждения. Этому форуму поручено выработать предложения по реформе международной капиталистической валютно-финансовой системы.

Как видим, не только заинтересованность в получении займов побуждает многие развивающиеся страны следовать предписаниям, исходящим от представителей Мирового банка, и вносить платежи по полученным от этой организации займам в первую очередь (характерно, что за всю историю Мирового банка не было ни одного случая отказа от уплаты платежей по его кредитам). Развивающиеся страны считают Мировой банк представителем всего капиталистического мира, и потому он оказывает влияние, намного превышающее его возможности как кредитного учреждения.

Но это не означает, что позиции банка неколебимы. Тенденция к единству действий капиталистических стран в отношении развивающегося мира, практическое воплощение которой все более четко проступает в деятельности Мирового банка, отнюдь не снимает вопросов межимпериалистической конкуренции, равно как и конкуренции, борьбы за влияние, которая существует и между международными организациями капита-

листического мира. Примером такой конкуренции может служить полное внутренних противоречий сближение Мирового банка и МВФ в 80-е годы, за которым стоит возвышение последней организации и отход первой от ряда положений концепции 70-х годов. Освободившиеся страны могут использовать эти противоречия в своих интересах. Правда, стремление к большей координации действий всех актеров на сцене капиталистической «помощи», которое мы наблюдаем в 80-е годы, осложняет возможность отдельных развивающихся стран противиться этому собирающемуся в единый кулак и ужесточающемуся давлению. В наиболее явной форме влияние Мирового банка на принимающую страну оказывается в ходе подготовки проектных решений, в том числе связанных со сферой сельскохозяйственного производства.

Подготовка проекта начинается со стадии его отбора. Значительная помощь на этой и последующей стадии оказывается специалистами ФАО. Группа экспертов в составе двух-трех человек направляется в страну для рассмотрения проектных предложений, которые появились на свет в результате государственных или отраслевых обследований, проведенных специальными миссиями Мирового банка, либо были подготовлены в его постоянных представительствах, или же были представлены экспертами ПРООН (с проектным предложением может выступить и сама развивающаяся страна, но это случается крайне редко, так как требуются специальные исследования и оформление). Основными вопросами, на которые должна дать ответ эта стадия подготовки проекта, являются: 1) насколько проект соответствует общим направлениям развития страны; 2) приемлемость проекта с финансовой точки зрения; 3) приемлемость технических решений, предлагаемых в проекте. Около двух недель специалисты проводят полевые исследования и обсуждают организационные стороны проекта с представителями правительства принимающей страны.

Многие развивающиеся страны, не обладающие квалифицированными специалистами для подготовки подобных проектов и не имеющие четких планов развития секторов экономики, как правило, с готовностью принимают любую возможность получить дополнительные ресурсы, поэтому в таких случаях определенное приоритетное развитие при выборе проектов в значительной степени зависит от представлений специалистов Мирового банка о целесообразности и возможности осуществить данный проект (конечно, важна и позиция кредитополучателя, от нее зависит характер окончательного решения). Основное внимание уделяется совпадению содержащихся в нем решений со стратегическими установками банка и обеспечению достаточной нормы прибыли на вложенный капитал.

Будет ли кредитование идти по линии МБРР или МАР, решают исходя из экономической ситуации в стране и типа проекта, который предполагается финансировать.

Следующей стадией является разработка проекта. Это весьма детальная работа по подготовке необходимой информации с целью последующей оценки проекта. Формально за подготовку проекта отвечает страна-заемщик, но чаще она обращается к соответствующей консультативной форме. До конца 70-х годов Мировой банк сравнительно редко финансировал данный этап подготовки проекта, это, как правило, осуществлялось по линии ПРООН.

С начала 80-х годов Мировой банк наращивает предоставление технической «помощи», предназначенной прежде всего на проведение предынвестиционных исследований. Затраты по этой статье достигли 9% общего объема кредитования Мирового банка в 1985 г., составив свыше 1,1 млрд. долл.¹³. Внедрение Мирового банка в область предынвестиционных исследований осложнило положение развивающихся стран, поскольку если аналогичные услуги ПРООН предоставлялись в форме даров, то банк действует на условиях возвратности. Кроме того, ограничилось участие развивающихся стран в выборе консультантов и тем самым заключительного решения¹⁴.

Завершающим предынвестиционным этапом является оценка проекта. Эта стадия работы полностью находится в ведении персонала банка. Здесь происходит окончательный учет всех аспектов, связанных с осуществлением проекта, с технической, экономической, коммерческой, финансовой, управленческой и организационной точек зрения.

Таким образом, весь проектный цикл осуществляется при полном контроле либо непосредственном участии экспертов банка.

После одобрения проекта представители банка проводят переговоры с предполагаемыми заемщиками, причем в ходе переговоров поднимаются вопросы, не только связанные с конкретным проектом, но и затрагивающие более общие проблемы хозяйственной деятельности в стране.

Мировой банк оговаривает право надзора за ходом выполнения проекта, требуя регулярных письменных отчетов от правительства страны, реализующей проект, и посылая свои собственные миссии для оценки положения дел на местах. В случае невыполнения требований Мирового банка финансирование проекта может быть приостановлено либо прекращено.

Каково же реальное влияние Мирового банка на те или иные стороны экономической политики освободившихся стран? Сложно говорить об общих результатах политики, направленной на «структурную перестройку» стран «третьего мира». Эта политика начата Мировым банком на пороге 80-х годов под значительным нажимом правительства США и на начальном этапе представляла собой наспех проведенную коррекцию практиковавшихся ранее подходов. Потребуется время, чтобы прояснить ее результаты в полной мере. Так, 80-е годы во многом несут отпечаток идей предшествовавшего десятилетия. Одной

из областей, где воздействие Мирового банка на развивающиеся страны было наиболее заметно (по мнению сотрудников самого банка), являлась торговая политика. Ведущими темами, которым уделяли внимание эксперты Мирового банка, были стимулирование экспорта и либерализация торговых правил. Как свидетельствуют документы Мирового банка, его сотрудники ставят себе в заслугу усиление экспортной ориентации производства в двух ведущих получателях финансовой «помощи» МБРР/МАР — Индии и Мексике¹⁵.

Значительное влияние, по тем же оценкам, оказал Мировой банк и на политику в отношении сельского хозяйства. В качестве примера приводится решение мексиканского правительства начать освоение зоны влажных тропиков, а также развивать малую ирригацию. В Индии влияние банка, по утверждению его сотрудников, затронуло решения правительства о производстве и использовании удобрений. В Сенегале — о прекращении субсидирования средств производства, применяющихся в сельском хозяйстве¹⁶.

Вместе с тем специалисты Мирового банка достаточно критически оценивали результаты воздействия на макроэкономические решения. Они признали, что экономические исследования проблем Индии были слишком поверхностны, чтобы иметь вес у индийского правительства. «Слишком много усилий было затрачено на ежегодные экономические отчеты и недостаточно ресурсов было направлено на глубинное изучение долгосрочных структурных проблем»¹⁷.

Представляется, что ограниченные возможности оперативно и избирательно влиять на политику развивающихся стран (при всем том значении, которое имело прямое и косвенное воздействие Мирового банка на страны — получатели кредитов) побудили к поискам более сильнодействующих средств принуждения развивающихся стран. Их смог обеспечить МВФ, в результате чего деятельность Мирового банка стала все в большей мере ориентироваться на дополнение усилий, которые предпринимает фонд.

Концепция «борьбы с бедностью»: формирование, содержание и место в неокOLONиалистской стратегии трансформации аграрного строя в развивающихся странах

Ведущая роль Мирового банка в системе международных финансовых организаций, главенствующих в проведении целенаправленной политики мирового капитализма в отношении трансформации аграрной периферии МКХ, и сами масштабы проблем, возникших в этой связи перед странами Запада, вынудили руководство Мирового банка изменить в начале 70-х годов систему взглядов на процессы, происходящие в разви-

вающихся странах в целом и в их аграрной сфере в частности.

Начиная с первой половины 70-х годов официальные документы Мирового банка начинают исследовать развитие освободившихся стран с позиций сокращения масштабов бедности. Этот подход, уделивший основное внимание функционированию аграрного сектора развивающихся стран как сферы наибольшей концентрации нищеты, в настоящей работе именуется концепцией «борьбы с бедностью» («борьба с бедностью» в городах в работе не рассматривается).

Кризис неокOLONиализма на рубеже 60—70-х годов нашел свое отражение в буржуазной экономической теории. Господствовавшие на протяжении послевоенных десятилетий теории экономического роста, некритически перенесенные на почву развивающихся государств, привели к значительным негативным последствиям «побочного» характера, сопровождавшимся ускорением темпов экономического развития в большинстве стран «третьего мира». Особенно ощутимо издержки увлечения ориентацией на количественные показатели прогресса проявились в сельском хозяйстве, ставшем наглядным примером «роста без развития». Поиски альтернативных путей развития стали настоятельной необходимостью, и в этом движении выявился целый спектр разнородных теоретических направлений, объединяемых не столько единством подходов к решению проблем, стоящих перед развивающимися странами, сколько отрицанием ортодоксии, доминировавшей ранее¹⁸.

В этих условиях Мировой банк, тяготеющий к либеральному направлению буржуазной экономической мысли, предложил собственный вариант преодоления «кризисной ситуации» в развивающемся мире. Концепция «борьбы с бедностью» широко использует терминологию, принятую сторонниками теорий альтернативного развития, активно оперирует цифрами и фактами, свидетельствующими о тяжелом положении обездоленных масс населения, делает все возможное, чтобы представить свои рекомендации как реальную основу для действий, могущих привести к радикальным переменам к лучшему в экономической жизни развивающихся стран. Подобное заимствование популярной фразеологии стало весьма характерным явлением современного неокOLONиализма (особенно ярко проявляясь в периоды вынужденного отступления под натиском прогрессивных сил), который стремится не только поддержать превосходство развитых капиталистических стран в военной и экономической областях, но и овладеть умами эксплуатируемых народов, заставить их смотреть на происходящие события сквозь призму теорий, порожденных Западом. Несмотря на сопротивление со стороны освободившихся стран этому идеологическому натиску, последний не ослабевает, выступая составной частью идеологического противоборства Запада с некапиталистическим миром.

Если идеологические соображения определили форму концепции «борьбы с бедностью», то ее содержание продиктовано

объективными сдвигами в положении аграрного сектора развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве, рассмотренными нами в главе I. Именно эти сдвиги породили необходимость определенной переориентации потоков государственного капитала как одного из ведущих факторов внешнего воздействия на данную сферу.

На выбор конкретной политики Мирового банка в отношении аграрного развития освободившихся государств повлиял и его собственный богатый опыт, накопленный за предшествующие годы. Как известно, банк длительное время придерживался стратегии так называемых фундаментальных предпосылок роста, отдававшей предпочтение строительству инфраструктурных объектов.

Позиция банка стала существенно меняться с середины 60-х годов, когда оказалось, что надежды на развитие производительных сил в сельском хозяйстве за счет роста капиталистической прослойки в массиве местных производителей либо интенсивного притока иностранного капитала в аграрную сферу не оправдались. Вместе с тем стали очевидными структурные разрывы между сравнительно быстро развивающейся промышленностью и стагнирующим сельским хозяйством, обострилась продовольственная проблема, усугубленная демографическими процессами, происходящими в развивающихся странах.

Вовлечение Мирового банка в сферу непосредственного производства в сельском хозяйстве шло медленно, во многом стимулируясь возможностями, открываемыми внедрением новой системы производительных сил, базирующейся на достижениях современной научной мысли и получившей название «зеленая революция». Перспективы прибыльного приложения капиталов несколько изменили отраслевое распределение средств, предоставляемых Мировым банком, но выгода от направляемых в сельское хозяйство капиталов доставалась в подавляющем большинстве случаев зажиточным крестьянам, располагавшим необходимыми условиями для адаптации к новой технологии.

Социальная ограниченность внедрения новой системы производительных сил в сельском хозяйстве развивающихся стран ставила серьезные препятствия намерениям руководства Мирового банка интегрировать аграрный сектор в МКХ и тем самым получить возможность влиять на происходящие в нем процессы, создать необходимые предпосылки как для неокolonialной эксплуатации самого сельского хозяйства, так и для экспансии иностранного капитала в другие отрасли национальной экономики освободившихся государств. На ежегодной сессии Совета управляющих в 1971 г. тогдашний президент Мирового банка Р. Макнамара выразил озабоченность концентрацией предоставляемых при участии банка средств в руках весьма узкого контингента получателей помощи в аграрной сфере развивающихся стран, отметив, что «социальная и экономическая проблема состоит в том, чтобы не допустить монопо-

лизации выгод „зеленой революции“ богатыми крестьянами»¹⁹. Происходившая с использованием ресурсов банка переориентация хозяйств на значительно более высокую степень товаризации производства за счет использования высокоурожайных и коммерческих культур резко усилила социальные антагонизмы в деревне. Как отмечалось в том же выступлении Р. Макнамары: «Находящиеся в более благоприятном положении крупные крестьяне расширяют землепользование за счет издольщиков и мелких крестьян. В Индии и Пакистане... крупные крестьяне используют свои огромные прибыли, чтобы увеличить принадлежащие им наделы»²⁰. Таким образом, предпринятые руководством Мирового банка во второй половине 60-х и начале 70-х годов попытки активизировать процесс внедрения современных производительных сил и приемов агротехники в сельскохозяйственное производство развивающихся стран (что, по мнению этого руководства, должно было привести к ускорению общего прогресса в данной отрасли) выявили ограниченность и противоречивость подхода, игнорирующего социально-классовую ситуацию в деревне.

Новая система производительных сил оказалась в конфликте с существующей в аграрной сфере системой производственных отношений, определяемой консервативной формой капиталистической эволюции деревни²¹. Процесс пауперизации огромных масс населения, связанный с «полуфеодальным» капитализмом, получает на современном этапе дополнительный импульс, накладывающий на старые противоречия новые, порожденные качественно иной ступенью развития капитализма в сельском хозяйстве развивающихся стран.

Господство данного типа развития капитализма на аграрной периферии МКХ в решающей мере объяснялось поддержкой, которую оказывал докапиталистическим эксплуататорским группам капитал метрополий в колониальный период. Преобладание внеэкономических методов принуждения позволяло идти по пути принудительной товаризации продукта, создаваемого мелкими производителями, не заботясь о последствиях систематического изъятия дани из аграрного сектора. В этом варианте опора на феодально-помещичьи круги в процессе эксплуатации непосредственного производителя противопоставлялась преобразованиям, направленным на усовершенствование материально-технической базы и формирование новых общественных отношений в данной сфере. В этих условиях господство стран с развитым капиталистическим способом производства не сопровождалось усилиями по становлению адекватных форм капитализма в их колониях.

В новых исторических условиях общие долгосрочные интересы развитых капиталистических стран стали вступать в определенное противоречие с существованием на аграрной периферии МКХ капиталистического производства, находящегося на первичных стадиях своего развития, неспособного в разумные

сроки обеспечить требуемый подъем сельскохозяйственного производства и показавшего весьма ограниченную способность приспособляться к новым производительным силам, вырвавшимся в центрах мирового технического прогресса.

Негативные последствия господства «худших» и «низших» форм капитала в аграрной сфере развивающихся стран, тесно переплетающихся с докапиталистическими отношениями, отмечаются многими советскими исследователями проблем аграрного развития освободившихся стран. Ю. Г. Александров приводит в качестве примера Филиппины, где кризис помещичье-издольной системы был вызван, «с одной стороны, ярко выраженным консерватизмом крупных земельных собственников в отношении перехода к капиталистическому накоплению в самом земледельческом производстве, а с другой — массовой пауперизацией арендаторов при практической невозможности по политическим причинам капиталистической „чистки“ земли путем их сгона»²².

Столь же регрессивна роль помещичьей верхушки и в странах Латинской Америки. По мнению Е. В. Ковалева, «именно монополия земельной собственности, которой обладают лати-фундисты, ставит предел росту производства в мини-фундиях, замедляет и затрудняет массовое развитие товарного производства и капитализма на основе крестьянского хозяйства»²³.

Однако позиции крупных землевладельцев как в масштабе всей структуры политической власти, так и на местах настолько сильны, что позволяют успешно противодействовать попыткам лишить их возможности в решающей степени влиять на ситуацию, складывающуюся в сельском хозяйстве развивающихся стран. Примеры последовательной аграрной реформы на капиталистической основе, подорвавшей основы помещичьего землевладения (Южная Корея, Тайвань, Япония), свидетельствуют о важности внешнего фактора (влияние американской военной администрации, стремившейся создать прочную базу для экономического роста в стратегически важных странах и территориях) и являются скорее исключениями из общего правила.

Учитывая силу слоев, олицетворяющих консервативный тип капиталистического развития в деревне развивающихся стран, и стремясь обеспечить реформистский путь разрешения кризисной ситуации, руководство Мирового банка в своей концепции «борьбы с бедностью» предложило паллиативный вариант трансформации аграрной сферы, по существу, сводящийся к организованному «сверху» некоторому расширению социальной базы процесса внедрения современных производительных сил. Задача руководства Мирового банка — без радикальных перемен внести свежую струю «демократического» капитализма, переведя с помощью системы экономических стимулов на товарные рельсы средние по размерам землепользования и экономическому потенциалу и тяготеющие к ним мелкие крестьянские хозяйства. При этом должны были решаться две взаимосвязан-

ные задачи: увеличение производства сельскохозяйственной продукции и становление более прогрессивных форм общественной организации производства.

Вопрос о необходимости выработки целенаправленной политики по отношению к 40% населения с наименьшими доходами на душу населения впервые был поставлен Р. Макнамарой на сессии Совета управляющих банка в 1972 г. Развернутое изложение постулатов концепции «борьбы с бедностью» и решаемых ею задач в аграрной сфере освободившихся стран прозвучало в его обращении к тому же форуму на следующий год.

Само понятие «бедность», как и многие другие категории, активно эксплуатируемые в западной экономической литературе, не имеет общепринятых дефиниций, весьма аморфно, и содержание, в него вкладываемое, зависит от субъективных оценок лиц, употребляющих этот термин. Первоначальным критерием причисления к беднякам Р. Макнамара назвал доход в 30 американских центов в день²⁴. На основании этого критерия в развивающемся мире около 800 млн. жителей, или около 40% населения, было отнесено к так называемым абсолютно бедным²⁵.

В исследовании, опубликованном под эгидой Мирового банка в 1974 г.²⁶, была предпринята попытка оценить распространенность «абсолютной бедности» в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, исходя из уровня дохода в 50 ам. долл. на душу населения в год. Данные, приведенные в работе, свидетельствуют о том, что 43,6% населения азиатских и 56,4% населения африканских стран жили ниже установленной черты бедности.

Для латиноамериканских стран на основании выбранного критерия в разряд «абсолютно бедных» попало только 10,8% населения. Причем в Чили, Венесуэле и Аргентине расчеты продемонстрировали нулевой показатель «абсолютной бедности». Однако, как справедливо заметил один из ученых-латиноамериканцев, «даже самое поверхностное посещение трущоб или сельской местности в Чили, Венесуэле или Аргентине напомнит путешественнику, что не существует „нулевой бедности“, как бы она ни оценивалась»²⁷. Впоследствии критерий «бедности» был усложнен. В него было введено понятие «относительная бедность». К этой категории были причислены те жители развивающихся стран, чьи доходы составляли менее трети средненациональных.

Авторы коллективной монографии «Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки» подчеркивают, что «деятельность международных финансовых организаций и частных иностранных банков расширяет плацдарм для наступления международных монополий, усиливает степень их воздействия на сельскохозяйственную политику латиноамериканских стран. Курс на капиталистическую модернизацию сельского хозяйства, проводимый правящими кругами Латин-

ской Америки по рекомендациям МВФ, МБРР и других под непосредственным контролем международных монополий, способствует более глубокому проникновению иностранного капитала в хозяйственную ткань национальной экономики»²⁸.

Понятие «бедность» тесно связывается в документах банка с сельским хозяйством: по подсчетам банка, около 80% всех бедных, или около 600 млн. человек, живут в сельской местности. Именно этот факт дал основание Р. Макнамаре заявить в 1974 г., что центр проблемы бедности находится там²⁹. Проблемы сельской бедности, по мнению руководства банка, «вращаются вокруг низкой продуктивности миллионов мелких натуральных хозяйств»³⁰. Неудивительно, что предлагаемые решения проблемы бедности сводились к росту продуктивности сельскохозяйственного производства за счет увеличения притока средств в эту сферу и ряда организационно-технических мероприятий.

Подход к проблемам обнищания на уровне поверхностного оперирования показателями денежных доходов, не говоря уже о сомнительности предлагаемых «порогов бедности», грешит методологическими пороками, характерными для буржуазной экономической науки в целом. Прежде всего подчеркивается прагматический характер предлагаемых решений, что якобы исключает их из сферы идеологической борьбы. На деле «денежный» подход к проблеме снижения жизненного уровня населения снимает проблему причин отсталости развивающихся стран и той роли, которую развитые капиталистические страны сыграли и продолжают играть в процессе обнищания народных масс. Акцент лишь на размеры денежных поступлений исключает из поля зрения вопрос о причинах неравенства доходов, как такой вопрос, который неизбежно приводит к рассмотрению проблем неравномерного распределения собственности на средства производства и тем самым ясно демонстрирует бесплодность всех попыток радикального искоренения бедности до тех пор, пока не будет решена проблема перераспределения этих средств в интересах большинства населения.

В аграрной сфере развивающихся стран проблема перераспределения собственности на средства производства в первую очередь связана с земельной собственностью. Позиция руководства Мирового банка в отношении необходимости земельной реформы весьма двойственна. С одной стороны, в Мировом банке заявляют о желательности ее проведения, с другой — относят ее к разряду мероприятий, непосредственно не связанных с поставленной целью поднятия продуктивности сельскохозяйственного производства. Говоря о неизбежных трудностях осуществления земельной реформы, Р. Макнамара ограничился риторическим приемом, заявив, что «реальная проблема заключается не в том, легко ли осуществить земельную реформу с политической точки зрения. Реальная проблема состоит в том, является ли политически благоразумным отсрочить ее на неоп-

ределенный период»³¹. Исходя из убеждения, что все проблемы развивающегося мира возможно решить на пути технико-экономической модернизации, деятели Мирового банка не заинтересованы в применении политически столь сильнодействующего средства, каковым выступает последовательно проводимая земельная реформа, т. е., решая задачу достижения минимально необходимого уровня стабильности в аграрной сфере за счет расширения социальной опоры «в низах», они отнюдь не хотят сталкиваться с решительной оппозицией «верхов». По сути дела, призывы к проведению земельных реформ остаются декларациями, маскирующими тот факт, что Мировой банк настойчиво предлагает заменители реформы. Характерно, что и в 80-е годы, когда Мировой банк совместно с МВФ стал на путь открытого навязывания развивающимся странам изменений в их хозяйственной и социальной политике, проведение земельной реформы по-прежнему не вошло в «пакет» условий, сопровождающих предоставление целого ряда кредитов.

Как известно, земельная реформа, ставящая своей целью более равномерное распределение земли, находящейся в частной собственности, является актом, не выходящим за рамки общедемократического аграрного переворота, и ведет к ускоренному развитию капиталистических производственных отношений в деревне. Именно поэтому проведение земельной реформы не противоречит долгосрочным интересам мирового капитала и оценивается экспертами Мирового банка как «согласующееся» с целями роста производства.

Вплоть до начала 70-х годов в среде международных организаций существовало отрицательное отношение к проведению земельной реформы. Основные аргументы противников реформы сводились к тому, что она принесет снижение продуктивности сельского хозяйства, проистекающее от организационных трудностей пореформенного периода и блокирования процессов модернизации сельского хозяйства в результате парцелляции земли. Однако обследования, выполненные различными организациями, опровергли эту точку зрения. Например, американский специалист по проблемам аграрного развития стран «третьего мира» Д. Адамс в своей статье приводит результаты обзора, опубликованного в 1970 г. Управлением международного развития США, в котором оцениваются последствия проведения земельных реформ в 30 развивающихся странах. Данные обзора свидетельствуют о том, что она почти никогда не приводила к снижению производства, иногда имела нейтральный эффект, а чаще всего оказывала положительное воздействие³². Но от признания возможности земельной реформы до ее поддержки лежит дистанция значительного размера. Мировой банк никогда не ставил аграрные преобразования условием предоставления своих займов. Обсуждая степень своего участия, банк намеренно ограничивает возможности своего воздействия на проведение земельной реформы, сводя его к финан-

сированию компенсации бывшим землевладельцам. Ссылаясь на то, что компенсация не ведет автоматически к увеличению производственного потенциала в стране³³, авторы официального документа Мирового банка отказывают в значимости перераспределению земельной собственности как узловому вопросу, определяющему ситуацию в аграрной сфере.

Если земельная реформа с выкупом отчуждаемых земель не вызывает теперь у банковских деятелей принципиальных возражений, то перераспределение земельной собственности без компенсации явно идет вразрез с основополагающими принципами деятельности банка. В отношении иностранной земельной собственности он выступает в роли гаранта «справедливой» компенсации в случае ее национализации, прямо связывая предоставление своих займов той или иной стране с ее готовностью идти на удовлетворение требований, диктуемых «потерпевшей» стороной. Как справедливо подчеркивал голландский экономист Ван де Лаара, «на практике это означает, что условия принудительной продажи земли должны удовлетворять не желающих этой продажи продавцов»³⁴.

Двойственное отношение руководства Мирового банка к земельной реформе, затрагивающей коренные интересы крупных землевладельцев, базируется на понимании того, что издержки этого процесса (с точки зрения целей, которых стремится достичь данная организация в развивающемся мире) превосходят получаемые преимущества. Как уже отмечалось, слишком высок политический риск проведения такой реформы, так как в ходе неизбежной политической борьбы могут быть подорваны позиции сил прозападной ориентации.

С экономической точки зрения руководство Мирового банка не заинтересовано в дроблении земельной собственности — неизбежном, например, при проведении всеобъемлющей реформы в азиатском регионе, — так как ведение хозяйства на мелких и мельчайших участках требует расширения участия государства в регулировании воспроизводственного процесса в деревне (один из типов такого государственного вмешательства проанализирован В. В. Крыловым на примере производителя монопродуктов, который превращается в рабочего расcеянной государственной мануфактуры³⁵). Усиление вовлеченности государства в непосредственно производственную деятельность, как уже упоминалось, противоречит представлениям специалистов Мирового банка о роли и месте государственного предпринимательства. Вместе с тем без такого вмешательства неизбежна тенденция к превращению значительной части мелкокрестьянских хозяйств в «прокормительские» по своей сути, т. е. не представляющие интереса для Мирового банка, который стремится активизировать включение сельского хозяйства развивающихся стран в товарный обмен как в масштабе отдельного государства, так и всего МКХ. Кроме того, аграрная реформа лишит иностранный капитал удобных контрагентов

в лице крупных земельных собственников, все большая часть которых вынуждена, приспосабливаясь к изменяющейся ситуации, переходить на рельсы капиталистического производства.

Нежелание выяснять социальные корни нищеты в аграрной сфере и ограниченность усилий по смягчению ее наиболее жестких внешних проявлений приводят к выводу, что основным содержанием концепции «борьбы с бедностью» отнюдь не является уничтожение данного феномена.

Всю концепцию пронизывает проблема перераспределения национального дохода. Акцент на перераспределительную сторону процесса развития явно противопоставляется господствовавшему в предыдущий период представлению о том, что результаты роста будут постепенно диффундировать, просачиваться из одних секторов экономики в другие, из верхних социальных слоев в низшие. Долговременная практика абсолютизации параметров экономического роста показала несостоятельность надежд на существование некоего механизма автоматического перераспределения «выгод роста». В основе перераспределительного подхода лежит объективная потребность направления большей, чем прежде, части национального дохода на стадии конечного использования в сельское хозяйство. Будучи в 50—60-е годы в большинстве развивающихся стран основным источником произведенного национального дохода, аграрный сектор получал в свое распоряжение значительно меньшую его долю на стадии конечного использования. Средства, изымаемые из аграрной сферы, шли на ускоренное развитие промышленности, закупки вооружения и покрытие иных статей государственного бюджета. Как отмечает В. Г. Растянников: «Выкачка из сельского хозяйства огромной дани, присваиваемой докапиталистическими эксплуататорскими группами общества, а также государством при господстве допромышленных производительных сил и соответственно чрезмерно низкой производительности труда, крайне задерживала основной эволюционный процесс в аграрной экономике — общественное разделение труда и вызревание на этой основе товарного производства»³⁶. Поэтому заинтересованность Мирового банка в укреплении аграрного сектора, как слабейшего звена экономики развивающихся стран, от которого в конечном счете зависит стабильный рост всего хозяйственного организма, требовала перераспределения национального дохода в пользу данного сектора.

Другим поводом для нового подхода к политике перераспределения послужила проблема накопления капитала. Нехватка капитала как основное узкое место в процессе развития освободившихся стран была краеугольным камнем многих буржуазных теорий, объясняющих слаборазвитость этих стран. Капитал был тем недостающим импульсом, которым смог бы разорвать порочный круг низкой производительности, незначительных сбережений и инвестиций. Интерпретаторы теорий эконо-

мического роста для развивающихся стран связывали их выход на стадию «самоподдерживающегося» роста с достижением определенной доли накоплений. При этом одним из постулатов буржуазной экономики было признание прямой связи между размером дохода, получаемым данной группой населения, и размером накопления, осуществляемым той же группой, т. е. признание того, что наибольшее накопление капитала происходит в группах с наивысшими доходами. Это служило обоснованием неизбежности значительного неравенства в доходах, особенно на ранних стадиях развития. Практика показала, что для условий развивающегося мира данный механизм накоплений не является основным. Верхушечные по размерам доходов слои населения, в том числе и крупные земельные собственники, продемонстрировали низкую склонность к превращению аккумулируемых средств в реальные инвестиции, предпочитая спекулятивные операции, покупку предметов роскоши и т. д. Перед государством встала проблема изъятия части доходов сельской элиты, расходуемых на непроизводительное потребление, и перераспределения потока инвестиций в пользу менее крупных хозяйств, которые ныне западная экономическая мысль также склонна относить к «капиталообразующему» слою.

Немаловажным моментом, побудившим лидеров Мирового банка признать необходимость учета распределения результатов экономического роста, явилось накопление социального недовольства наиболее обездоленными массами населения, которые, по заявлениям администрации Мирового банка, находятся в фокусе его деятельности в развивающейся деревне. Эти массы, олицетворяющие все негативные черты отсталости аграрной сферы, обладают, будучи доведенными до отчаянного положения, огромной силой протеста, которая может вылиться в отрицание существующей в стране власти, что чревато революционными сдвигами во внутреннем и внешнем курсе в нежелательном для сил международного империализма направлении.

Следует отметить, что предлагаемые Мировым банком меры снижения социальной напряженности за счет реализации отдельных сельскохозяйственных проектов, направленных на рост доходов мелких производителей (даже при допущении повсеместного тиражирования данных схем и их благоприятном исходе), могут изменить положение лишь тех из сельских жителей, которые проживают в районе, охваченном проектом, и при этом удовлетворяют цензу наличия земельного участка.

Следуя логике рассуждений, в которой необходимость перераспределения доходов в пользу бедных рассматривается в отрыве от вопроса о предоставлении им реальных предпосылок для участия в создании дохода и получении за это соответствующей его части, деятели Мирового банка невольно приходят к идее благотворительности, подкармливания той части сельского населения, которая на данном этапе не представ-

ляет интереса для мирового капиталистического хозяйства с экономической точки зрения, но опасна с политической.

Среди буржуазных экономистов все более широко распространяется убеждение, что поддерживаемая Мировым банком модель экономического развития, выдаваемая за качественно новую ступень по сравнению с парадигмой «чистого» роста и получившая название «рост и перераспределение» (т. е. стремящаяся обеспечить большее равенство в распределении результатов экономического роста), не оказалась жизнеспособной. Проблема перераспределения оказывается тесно связанной с первоначальным распределением дохода и средств производства. Марксистам давно известно положение о том, что «структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства — не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особые формы распределения, те формы, в которых люди принимают участие в распределении»³⁷. Теперь этот постулат в иной интерпретации получает гражданство и в буржуазной научной литературе. Западные специалисты по проблемам развивающихся стран К. Гриффин и М. Хан, проанализировав взаимосвязь процессов распределения национального дохода и роста на примере семи азиатских стран, пришли к выводу, что «начальное распределение производственных активов и доходов оказывает решающее влияние на структуру роста и темпы обогащения или обнищания низших групп населения: неравномерное распределение доходов представляет собой функцию неравномерного распределения производственных активов и подкрепляется действием ценового механизма»³⁸.

Акцент на технико-экономические аспекты развития, пронизывающий планы Мирового банка по контролируемому сверху переустройству аграрной сферы развивающихся стран, наложил отчетливый отпечаток на все основные положения концепции «борьбы с бедностью»; это нашло отражение, например, в признании того факта, что «политика, направленная прежде всего на ускорение экономического роста, в большинстве развивающихся стран приносит выгоды главным образом высшим 40% населения»³⁹.

В речи перед Советом управляющих в 1972 г. (которая в западной печати оценивается как начало поворота в деятельности Мирового банка в отношении развивающегося мира) Р. Макнамара особое место уделил обоснованию намечаемых перемен с точки зрения совместимости достижения быстрого экономического роста с перераспределением национального дохода в пользу низших 40% населения. Фактически перераспределение доходов означало изменение приоритетов в развитии секторов экономики и приобщение части крестьянских масс к производству высокоурожайных и товарных культур.

Риторика руководителей Мирового банка оказалась неприемлемой для ряда западных деятелей. По свидетельству мексиканского экономиста Э. Федера: «Таковыми часто оказываются западные консервативные финансисты, враждебно настроенные к „вышвыриванию денег на бедных“»⁴⁰. Это побудило Р. Макнамару впоследствии более четко изложить банковское кредо, чтобы окончательно избежать кривотолков, компрометирующих добропорядочное буржуазное учреждение. «Подход, ориентированный на бедных,— поставил он точки над *i* в 1979 г.,— не заменитель экономического роста, а альтернативный путь достижения этого роста через подъем производительности бедных»⁴¹.

Это заявление — выражение пронизывающего всю концепцию подхода. Подтверждением тому служит выбор групп сельского населения, на которых банк сконцентрировал свое внимание. В первую очередь это сельские жители, имеющие доступ к земле. Первоначально в документах Мирового банка даже не упоминалось о существовании в деревне развивающихся стран значительных людских континентов, практически лишенных возможности самостоятельно заниматься сельским хозяйством. Стратегия Мирового банка фактически исходит из предпосылки, что проблемы бедности в аграрной сфере сосредоточены исключительно в среде мелких сельских производителей. Таковых, по расчетам Мирового банка, на более чем 100 млн. хозяйств размером менее 5 га насчитывается свыше 700 млн. человек⁴². Банк выделяет три группы сельских жителей: 1) мелкие крестьяне, чьи земельные угодья по размеру и качеству позволяют производить товарный излишек, но которые этим не пользуются; 2) мелкие крестьяне, которые не могут обеспечить свои семьи без дополнительной земельной площади и дополнительных доходов вне сельского хозяйства; 3) безземельные, мигрирующие в крупные города в поисках временной работы в период межсезонья⁴³. Именно люди, объединенные в последнюю из упомянутых групп, в наибольшей степени испытывают все тяготы нужды, но с точки зрения их вклада в экономический рост, они не расцениваются банковской администрацией как значительная производительная сила и остаются вне сферы основного внимания Мирового банка. Соединение в одном массиве хозяйств, относящихся и к мельчайшим, и к мелким, и к средним по площади земельным угодьям, — все это открывает простор для произвольного отбора объектов воздействия среди производителей деревни, объединенных в концепции понятием «мелкие крестьяне».

Сводя бедность к недостатку денежных доходов и ставя знак равенства между деревенскими бедняками и мелкими земледельцами, банковские деятели определили ликвидацию бедности в аграрной сфере как задачу повышения доходов данной группой хозяйств. Повышение доходов, в свою очередь, прямо связано с ростом производства сельскохозяйственной продук-

ции, разумеется товарной. Именно такую цель и поставил президент Мирового банка в 1973 г.: обеспечить рост производства в мелких хозяйствах таким образом, чтобы к 1985 г. достичь 50%-ных темпов прироста их продукции⁴⁴. Таким образом, и в определении целей четко прослеживается приверженность Мирового банка курсу «рост превыше всего».

Переориентация деятельности МБРР/МАР в сторону более широкого охвата хозяйств в аграрной сфере базируется на предпосылке, что «при обеспечении соответствующих условий мелкие крестьянские хозяйства могут быть столь же продуктивными, как и крупные»⁴⁵. На протяжении 50-х и большей части 60-х годов традиционная техническая база была характерна для основной массы как крупных, так и мелких по земельной площади хозяйств, а хозяйства, использовавшие современную технику, составляли лишь незначительную прослойку. В таких условиях огромный избыток рабочей силы в мелких и средних хозяйствах позволял за счет чрезмерных затрат труда превосходить показатели продуктивности в крупных хозяйствах в расчете на единицу земельных площадей. Кроме того, «в рамках доминирующей традиционной системы отношений крупное по площади хозяйство, использующее чужой труд на кабальных условиях, обычно ведется гораздо хуже и получает валовой продукт с единицы площади значительно меньший, чем более мелкое самостоятельное хозяйство, семейные работники которого собственным трудом участвуют в процессе производства»⁴⁶. Исходя из того что процесс внедрения современных производительных сил в форме «зеленой революции» увеличивает возможность производительного применения рабочей силы, в избытке имеющейся в крестьянских хозяйствах, руководство Мирового банка считает, что этот процесс даст возможность мелким крестьянам достичь значительных успехов в росте производства на своих участках.

Даже если предположить, что эта деятельность МБРР/МАР, идущая вразрез с существовавшим ранее в буржуазной экономической теории отношением к мелкому производителю, вступающая в противоречие со сложившейся в деревне социальной иерархией и наталкивающаяся на многочисленные препятствия, неизбежно вытекающие из принципов функционирования финансовой организации, ориентирующейся на кредитование только прибыльных проектов, окажется успешной, то контингент, охваченный ею, неизбежно ограничен группой хозяйств, уже обладающих необходимыми предпосылками для внедрения новой технологии: землей и водой. Само наличие этих ресурсов в крестьянских хозяйствах в развивающихся странах является, по мнению американского экономиста Р. Грабовски, основанием для того, чтобы причислить их к категории зажиточных⁴⁷. Оспаривая утверждение близкого к банковским «коридорам власти» японского ученого Ю. Хэйями о «нейтральном» отношении современной технологии возделыва-

ния высокоурожайных сортов к размеру участка⁴⁸ (что переключается с утверждением о «делимости» современных сельскохозяйственных технологий, отстаиваемым банком⁴⁹), Р. Грабовски отмечает, что, поскольку «это нововведение (внедрение высокоурожайных сортов.— С. И.) ограничено зоной орошаемого земледелия, зажиточные крестьяне, как мелкие, так и крупные, будут продолжать получать основную часть выгод. Поскольку развитие ирригации определяется крупными хозяйствами, то внутри самой группы зажиточных крестьян крупные хозяйства будут присваивать наибольшую часть прироста»⁵⁰. Неравенство наблюдается и при использовании других средств производства. Советский исследователь Л. Баграмов приводит данные о выращивании гибридной кукурузы в индийском штате Бихар, когда «на фермах площадью более 6 га количество вносимых на каждый гектар минеральных удобрений полностью отвечало научно обоснованной норме, в то время как среди хозяйств площадью до 2 га только 32% применяли рекомендованную дозу азотных и только 22% — рекомендованную дозу калийных удобрений»⁵¹, что соответственно отразилось на урожайности в данных группах хозяйств.

Жизнь показывает, что внедрение современных высокоурожайных культур не является панацеей при лечении болезней аграрной сферы, напротив, внедрение в сельское хозяйство современных средств производства в условиях господствующего типа общественных отношений ведет к усилению бесправия и нищеты трудящихся деревни, увеличению числа лишних людей. Содействие развитию товарного производства на основе внедрения высокоурожайных сортов и коммерческих культур в ограниченной группе хозяйств, находящихся в сравнительно выгодных условиях по сравнению с другими контингентами сельских жителей, ведет к дальнейшему ухудшению в положении беднейших слоев населения. Здесь можно отметить сгон арендаторов с земли, как следствие роста ее цены из-за возможности более прибыльного использования на основе новой технологии, замену ручного труда машинным в стремлении избежать трудовых конфликтов в атмосфере обостряющейся напряженности, вызванной дальнейшей социальной дифференциацией сельского населения.

Поддержка государства, регламентация условий землевладения и землепользования, осуществляемая в ходе ограниченных аграрных реформ, не могут оставить процесс вымывания нежизнеспособных хозяйств, прежде всего мельчайших по размеру земельной площади.

Руководство Мирового банка, делая ставку на решение волнующих его проблем сельскохозяйственного производства в развивающихся странах за счет внедрения на крестьянские поля высокодоходных культур, обеспокоено не только расширением социальной базы хозяйств, втягивающихся путем приобретения

к достижениям современной научно-технической мысли в кругооборот международного капитала, но и пространственной экспансией производства данных культур. Поэтому среди основных сфер деятельности, наряду с улучшением кредитного обеспечения, облегчением доступа к разнообразным правительственным службам, ускорением темпов земельной и арендаторской реформ, поиском новых организационных форм воздействия на сельских производителей, важное место отводится проблемам водного снабжения и интенсификации сельскохозяйственных исследований. Заинтересованность руководителей Мирового банка понятна. Одним из решающих условий расширения «зеленой революции» в развивающихся странах является орошение. Учитывая свой печальный опыт увлечения финансированием крупномасштабных ирригационных сооружений, заключающийся в том, что нередко «проходило десять и более лет после завершения строительства плотины, прежде чем вода действительно поступала к крестьянину»⁵², руководство Мирового банка предложило большее внимание уделять так называемой малой ирригации, которая в сжатые сроки может принести ощутимые результаты. Сюда входит рытье колодцев, установка насосов, устройство запруд на реках и т. п. Расширение орошаемых земель является одним из ключевых условий для достижения выдвинутой Мировым банком в 1979 г. цели увеличения доли земель под высокоурожайными сортами с 25 до 50%⁵³. Вместе с тем затраты на проведение ирригационных работ постоянно возрастают по мере освоения неудобей и земель, лежащих на значительном расстоянии от источников водоснабжения. Кроме того, большая часть территории развивающихся стран расположена в районах непригодных для орошения. Выходом может стать создание сортов, которые, обладая характеристиками уже известных высокоурожайных культур, могли бы возделываться в условиях богарного земледелия. В этом направлении ведутся работы в рамках Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям, которая включает несколько центров, специально ориентированных на проблемы создания высокоурожайных сортов для засушливых зон.

Объем и детальность рассуждений о проблемах мелкого крестьянского хозяйства в выступлениях и публикациях банковского руководства в 70-е годы могли вызвать у потребителя информации представление, что провозглашаемые цели условно реализуются в потоках финансовых средств, выделяемых Мировым банком на осуществление декларируемых целей. Однако это не так. Даже поданная à la Мировой банк проблема сельской бедности не стоит в центре внимания этой организации. За внушительными цифрами финансовых средств, направляемых в аграрную сферу (по плану на 1974—1978 гг. предусматривалось вложить 4,4 млрд. долл. по сравнению с 3,1 млрд. в предыдущем пятилетии⁵⁴), не сразу бросалось в

глаза замечание о том, что только «около 70% наших займов, поступающих в сельское хозяйство, будут содержать компонент для мелких земледельцев»⁵⁵. Даже если не менее половины выделяемых на определенный проект средств было тем или иным образом связано с мелкими крестьянами, то и тогда на долю сельской верхушки, которая, по подсчетам самого банка, не превышает 20% хозяйств⁵⁶, поступит не менее 50% финансовых ресурсов. Сопоставив эти цифры с данными самого Мирового банка, свидетельствующими о том, что «обладание землей и, следовательно, политической и экономической властью в сельской местности сконцентрировано в руках небольшого меньшинства... богатейшие 20% земельных собственников в большинстве развивающихся стран обладают от 50 до 60% земельных угодий»⁵⁷, мы обнаружим, что предлагаемое концепцией «борьбы с бедностью» распределение средств между крупными и мелкими землевладельцами является не функцией от «масштабов бедности» (т. е. количества обездоленных и нуждающихся в деревне развивающихся стран), а прямо пропорционально размерам земельной собственности, сосредоточенной, с одной стороны, в руках группы богатейших землевладельцев, и находящейся у всех остальных землевладельцев — с другой.

Концепция «борьбы с бедностью» превратилась в пропагандистскую ширму, за которой скрывалась приверженность Мирового банка сохранению статус-кво в развивающихся странах капиталистической ориентации. При этом возлагались надежды на то, что экономический рост в сельском хозяйстве послужит основой для бескризисной, постепенной, направляемой невраждебными международному капиталу структурами власти трансформации общественных отношений в деревне до более высокого уровня развития капиталистических отношений. В свою очередь, подобная трансформация призвана заложить основы для более активного использования природных и трудовых ресурсов стран «третьего мира» в рамках международного капиталистического разделения труда. Концепция «борьбы с бедностью» послужила обоснованием для определенной модификации неокOLONиалистского курса ведущих держав капиталистического мира. Империализм, который в начале 70-х годов столкнулся с нарастанием национально-освободительного движения, был вынужден лавировать, стремясь активизировать деятельность в развивающихся странах и найти основу для сплочения позиций ведущих империалистических держав в борьбе против требований развивающегося мира о пересмотре основ экономических отношений в рамках МКХ.

Мировой банк: структура и формы вывоза капитала в сельское хозяйство развивающихся стран

Практической реализацией концепции «борьбы с бедностью» в аграрной сфере развивающихся стран стала политика так

называемого «сельского развития», основные положения которой были изложены в ряде документов Мирового банка в середине 70-х годов⁵⁸. Следует отметить, что хотя термин сельское развитие широко употребляется в западной литературе, посвященной деревне развивающихся стран, однако единодушия в определении его смысловой нагрузки не существует до сих пор. Подразумевая необходимость принятия мер по поднятию продуктивности сельскохозяйственного производства, более тесному включению аграрного сектора в русло общеэкономического развития и повышению уровня жизни сельского населения, различные авторы и организации по-своему толкуют приоритеты сельского развития и пути достижения намеченных целей. Зачастую, как отмечает западногерманский исследователь Г. Рутенберг, сельское развитие означает не более чем простое направление ресурсов в сельскую местность, в других случаях оно трактуется как совокупность действий, требующих административной координации⁵⁹. Проведенное группой экспертов ООН в начале 70-х годов исследование показало, что в 5 из 10 ведущих международных учреждений, занятых различными сторонами экономического и социального развития освободившихся стран, отсутствовало рабочее определение сельского развития и только два из них выработали критерии, которые позволили бы отнести ту или иную деятельность к сельскому развитию⁶⁰.

Вот, например, определение, предложенное американскими учеными из университета штата Колорадо: «Сельское развитие является постоянным процессом планируемых социальных, политических и экономических перемен в сельских и городских социальных структурах и организациях, обеспечивающих необходимые стимулы, производственные возможности и службы для того, чтобы помочь сельским жителям достичь более высокого уровня жизни, знаний и мастерства. Сельское развитие помогает модифицировать их материальное и социальное окружение и поддерживать постоянный прогресс в направлении желаемых целей, которые сельские жители помогают определить и достигнуть»⁶¹.

Деятели Мирового банка в своей трактовке сельского развития предпочли не останавливаться на вопросах предпосылок и путей реализации данного процесса, сконцентрировав основное внимание на тех группах населения, на которые направлено данное развитие. Банковский вариант определяет сельское развитие как стратегию, выработанную «для улучшения экономического и социального положения определенной группы людей — сельских бедняков»⁶². Пренебрежение проблемой трансформации социально-политической среды, в которой обитают сельские бедняки, связано не только со стремлением к краткости формулировок, но и, по нашему мнению, зиждется на базисной посылке, состоящей в том, что достижение намеченных руководством Мирового банка целей вполне осуще-

ствимо в условиях существующих социально-экономических структур, а изменения, которые в них должны произойти, явятся не предпосылкой, а следствием технической модернизации сельского хозяйства развивающихся стран. Расплывчатая формулировка новой аграрной политики, вкуче с уже отмечавшейся произвольностью толкования категории бедности, открывала широкий простор для словесных манипуляций, цель которых — доказать, что значительная часть проектов, финансируемых при участии Мирового банка, направлена на сельское развитие.

По существу, выделение данного направления в аграрной стратегии Мирового банка закрепляет наличие различных подходов к трем основным группам сельского населения: 1) к помещичьей верхушке и примыкающим к ней верхним слоям зажиточного крестьянства; 2) к средним и мелким земледельцам; 3) к безземельным и малоземельным (маргинальным) крестьянам. Причем для последней категории не представляется практически никакого пути для выхода из нищенского существования, кроме глухих упоминаний о необходимости организации общественных работ и неявно высказываемых надежд на «просачивание» доходов от более зажиточных односельчан. Политика в отношении первых двух из названных групп имеет определенную связь с предлагаемым специалистами Мирового банка разделением проектов в аграрной сфере на сельскохозяйственные и проекты сельского развития⁶⁵. К числу последних отнесены проекты, в отношении которых предполагается, что не менее 50% «выгод» от их реализации попадает в руки сельской бедноты.

Основными получателями выгод от сельскохозяйственных, по терминологии Мирового банка, проектов являются верхушечные деревенские слои, хотя подразумевается, что среди них могут быть и представители низших социальных групп. Проекты сельского развития теоретически в большей мере должны ориентироваться на интересы сельских низов. Однако для безземельных и малоземельных жителей непосредственную пользу могут дать только проекты, связанные с социальной инфраструктурой либо строительством дорог. Такого рода проекты сельского развития, т. е. не связанные непосредственно с производственной сферой, в 1968—1974 финансовых годах составили 4,3% общего числа проектов и 2,3% общего объема обязательств в кредитовании Мировым банком всей аграрной сферы⁶⁴. Львиная доля результатов осуществления проектов сельского развития достается сельским жителям, входящим в состав первых двух из названных групп земледельцев. Необходимо помнить, что численность первой группы намного меньше, чем второй, а на долю ее приходится 40—50% «выгод». Если при этом учесть, что проекты сельского развития за период 1974—1978 финансовых годов составляли в среднем 34% числа проектов и на них приходилось 31% средств, выделенных Мировым

банком для финансирования аграрной сферы развивающихся стран⁶⁵, то станет очевидным, что неравномерное распределение средств в проектах, связанных с аграрным сектором, заложено с самого начала.

Проведение руководством Мирового банка политики сельского развития означает только корректировку, в соответствии с накопленным в результате практической деятельности опытом, генеральной линии на технологическую модернизацию сельскохозяйственного производства в освободившихся странах, начатой им со второй половины 60-х годов. Официальным обоснованием такой линии служит довод о том, что «новая технология возделывания пшеницы, риса и кукурузы, составными элементами которой являются семена и удобрения, представляет собой первую реальную возможность увеличить урожайность традиционных культур, возделываемых мелкими производителями с низкими доходами»⁶⁶.

Столкнувшись с необходимостью обеспечить широкий охват хозяйств, которые могут быть приобщены к выращиванию высокоурожайных сортов зерновых или иных товарных культур (основная масса владельцев таких хозяйств проходит в документах Мирового банка под рубрикой «бедные»), руководство этого учреждения использовало для этих целей уже апробированный арсенал проектных решений. При этом были приняты попытки «встроить» в механизм уже известных типов проектов некоторые элементы, которые дали бы возможность расширить социальную базу получателей «помощи».

Попытаемся на примере рассмотрения основных типов проектов, получающих финансовую поддержку Мирового банка, определить возможность их использования для оказания помощи бедным в банковской трактовке данного понятия, а также неимущим слоям сельского населения в широком смысле этого слова.

Следует отметить, что предоставление средств в форме проектной «помощи» вытекает из общей установки руководства Мирового банка на производительное использование кредитующих им финансовых ресурсов. Этому же служит и ориентация на достижение экономической эффективности реализуемых хозяйственных объектов. Как уже отмечалось, осуществление тех или иных проектов происходит под строгим контролем чиновников Мирового банка, закупка необходимых компонентов ведется с помощью международных торгов, что сужает возможность растративания полученных средств и «прилипания» денег к рукам местной государственной бюрократии. Производительное использование получаемых сельскохозяйственных кредитов достигается при помощи коллективной ответственности крестьян в создаваемых для получения кредита кооперативах, а также выдачей займов в форме производственных активов. Эти меры ограничивают возможность перевода ссужаемых ресурсов в фонд личного потребления.

В официальных банковских документах не дается обоснования применяемой классификации проектов и их группировки. Наряду с отраслевым подходом (животноводство, рыболовство и т. п.) применяется и территориальный (региональное развитие), и функциональный (сельскохозяйственное кредитование) принципы классификации, что существенно затрудняет составление ясной картины распределения средств Мирового банка в аграрной сфере освободившихся стран.

На протяжении 70-х годов ведущим направлением в финансировании Мировым банком проектов, связанных с сельским хозяйством развивающихся стран, продолжало оставаться сооружение ирригационных систем. Несмотря на неуклонное снижение доли данных проектов в общем объеме средств, кредитруемых на нужды аграрной сферы (в 1961—1965 финансовых годах на них приходилось 79% кредитования, в 1966—1970—43%⁶⁷, а в 1974—1979—уже 32,5%), они прочно удерживают лидерство по объему финансирования. Привлекательность данного типа проектов для «помощи» связана с рядом присущих им особенностей. Это крупномасштабность сооружений, позволяющих в единичном проекте сосредоточить значительные финансовые и материальные ресурсы, что повышает эффективность его осуществления. Относительно меньшие средства и объем экспертизы затрачиваются в подобных, как правило, крупных проектах на стадиях подготовки по сравнению с привлекающими ту же сумму средств более мелкими проектами других типов. Ирригационные проекты требуют значительной доли «импортного» компонента, т. е. материалов, оборудования, строительной техники и т. п., которые не производятся обычно в самих развивающихся странах и, нуждаясь во ввозе из-за границы, должны финансироваться Мировым банком. Западные фирмы имеют значительный опыт в сооружении подобных объектов, и их строительство требует сравнительно меньшей привязки к местным социально-экономическим особенностям, чем другие типы проектов, применяемых в аграрной сфере. Сооружение крупных проектов, объединяемых статистикой Мирового банка в графе «ирригация и борьба с наводнением», является весьма выигрышным с точки зрения пропагандистского эффекта. Материализованные в них вложения выглядят гораздо более убедительно, чем скромные прибавки в урожаях на крестьянских полях.

Весьма знаменательно, что эти проекты не упоминались на страницах уже цитированного пространного документа Мирового банка, посвященного сельскому развитию, что, очевидно, выступает косвенным признанием их непричастности к искоренению бедности, даже в ее «узком» банковском определении.

Вода является таким же важнейшим условием производственного процесса, что и земля; контроль над ними сосредоточивается, как правило, в одних руках. Позиция Мирового бан-

ка в отношении водных ресурсов аналогична подходу к земельной реформе: за благими пожеланиями о равном доступе скрывается прямая поддержка водно-землевладельческой элиты в развивающихся странах. Именно представители этой элиты получают первоочередной доступ к водным ресурсам, включаемым в хозяйственный оборот после завершения ирригационных проектов, финансируемых при содействии Мирового банка. Его деятелям остается лишь недоумевать о причинах неравенства в этом мире и сетовать на то, что «проблемы возникают из-за отсутствия законодательных постановлений о размерах участков или же игнорирования существующего законодательства»⁶⁸.

Важнейшим направлением деятельности Мирового банка, получившим развитие с середины 60-х годов, стали проекты сельскохозяйственного кредитования. Чтобы не возникло смешение понятий, необходимо определить эту сферу деятельности Мирового банка более четко. В документах Мирового банка сельскохозяйственным кредитом нередко называют взаимосвязанные, но отличающиеся друг от друга понятия. Среди всей деятельности Мирового банка по предоставлению кредитов и займов, направляемых в аграрную сферу (agricultural lending), выделяется область сельскохозяйственных проектов, связанных с кредитованием непосредственных сельскохозяйственных производителей, которое в отличие от ростовщического кредита мы обозначим как институциональное сельскохозяйственное кредитование (ИСК). Составной частью ИСК являются проекты, предусматривающие кредитование деятельности производителей продукции земледелия (КПЗ). Недоразумения могут возникнуть из-за того, что в разных документах Мирового банка ИСК и КПЗ обозначаются одним и тем же термином «agricultural credit». Поэтому под этой рубрикой мы можем встретить резко отличающиеся друг от друга цифры. Например, в одной из таблиц, показывающих разбивку финансовых обязательств Мирового банка в аграрной сфере развивающихся стран, показано, что доля сельскохозяйственных кредитов за 1948—1960 финансовые годы составляла 11%, в 1961—1965—9% и в 1973/74 г.—13%⁶⁹. Под тем же заголовком в аналогичной таблице другого документа указаны следующие данные: 1948—1963 финансовые годы—19,1%, 1964—1968—44,8% и 54,9% за 1969—1973⁷⁰. Несмотря на некоторое несовпадение временных границ, ясно, что цифры относятся к двум различным категориям кредитования. В первом случае речь, очевидно, идет о финансировании проектов, предусматривающих институциональное кредитование производителей в сфере земледельческого производства—КПЗ, во втором—о доле финансовых средств, выделенных на проекты, связанные с предоставлением институционального кредита производителям, занятым во всех отраслях сельского хозяйства.

Если ирригационные проекты представляют собой пример классификации по объекту приложения средств, то проекты

Таблица 2

Займы, предоставленные Мировым банком для институционального сельскохозяйственного кредитования (ИСК) *

Целевое назначение кредитов	1964—1968 фин. гг.		1969—1973 фин. гг.	
	сумма млн. долл.	доля во всем ИСК, %	сумма млн. долл.	доля во всем ИСК, %
Растениеводство	39,6	14,2	240,1	16,9
Животноводство	145,8	52,4	506,6	35,6
Улучшение культуры	3,4	1,2	105,1	7,4
Ирригация	8,2	2,9	141,0	9,9
Закупки сельскохозяйственных машин	42,0	15,1	108,8	7,7
Рыболовство	13,7	4,9	27,2	1,9
Агропромышленность	—	—	184,9	13,0
Интегрированное сельскохозяйственное развитие	25,7	9,3	88,5	6,2
Лесоводство	—	—	20,0	1,4
Всего	278,4	100,0	1422,2	100,0

* Источник: Assault on World Poverty. Problems of Rural Development, Education and Health. Baltimore, 1975, Ann. 10, с. 180—181.

ИСК объединены по схожести принципа реализации кредитующих средств. ИСК включает в себя практически все отрасли сельскохозяйственного производства и «является в настоящее время (в начале 70-х годов.—С. И.) крупнейшим компонентом в банковском кредитовании аграрной сферы»⁷¹.

Если учесть, что в ИСК включаются и расходы на «технические службы, обучение, проведение технико-экономических обследований, подготовку проектов и другую институциональную помощь»⁷², то для передачи кредитов по «организованным» каналам непосредственным производителям в начале 70-х годов предназначалось около 70% средств, выделяемых по данной статье⁷³.

Основная часть средств на ИСК в период 1969—1973 финансовых годов приходилась на животноводческие проекты и среди них около 70% средств было направлено в Латинскую Америку⁷⁴, главным образом для организации крупных коммерческих ранчо.

Такая приверженность животноводству становится понятной в контексте активности иностранного капитала, проявляющего с начала 60-х годов особое внимание к данной отрасли сельского хозяйства в связи с благоприятной конъюнктурой мирового рынка.

Советский исследователь И. М. Булычев подчеркивает, что «на протяжении многих лет МБРР и МАРБ осуществляли широкую программу капиталовложений в животноводство, строительство предприятий по переработке, расфасовке и упаковке

Таблица 3

Распределение институциональных сельскохозяйственных кредитов, финансируемых Мировым банком, по категориям земледельцев в 1969—1973 фин. гг. *

Площадь участков, га	Размер полученных кредитов		Число получателей кредитов	
	млн. долл.	%	человек	%
0—5	241,6	24,1	916 170	62,6
5,1—10	54,2	5,4	108 610	7,4
10,1—100	372,1	37,1	401 860	27,5
Свыше 100	335,7	33,4	36 116	2,5
Всего	1003,6	100,0	11 462 756	100,0

* Источник: Assault on World Poverty, Ann. 6, с. 174.

мясных продуктов в Аргентине, Бразилии, Уругвае, на севере Мексики. Однако выгоду от такой политики получили главным образом американские монополии, такие, как „Кинг Ранч“, „Беатрис Фудс“, „Борден“, крупнейший американско-западногерманский концерн „Дельтек Интернэшнл“ и другие, прочно обосновавшиеся в этой сфере и удерживающие и по сей день господствующее положение»⁷⁵.

Если учесть, что в Латинской Америке «животноводство — монополия скотоводов-латифундистов, владеющих обширными пастбищными угодьями»⁷⁶, то возникают обоснованные сомнения в успешности «намерений Мирового банка способствовать развитию менее крупномасштабной животноводческой деятельности»⁷⁷.

Следующее место по объему полученных средств занимали проекты, связанные с кредитованием отраслей растениеводства (general agriculture), которые в предлагаемой схеме распределения проектов включают, очевидно, основную часть КПЗ. Хотя не существует статистики, отражающей распределение средств ИСК по категориям заемщиков для отдельных отраслей сельскохозяйственной деятельности, все же суммарные цифры свидетельствуют о крайне неравномерном распределении ИСК. Так, на долю владельцев земельных участков размером более 100 га пришлось примерно столько же средств, сколько и на владельцев участков площадью до 5 га, хотя по числу сельских жителей, получающих выгоды от вложений в эти участки, первая группа в 26 раз меньше, чем вторая (табл. 3).

Третье место занимали проекты, связанные с агропромышленным комплексом. Сюда входят строительство перерабатывающих предприятий, складских и торговых помещений, использование авиации для сельскохозяйственных работ и т. п. Позволить себе такие кредиты могут лишь самые состоятельные сельские жители.

На четвертом месте стоит кредитование проектов «малой»

иригации. Это одно из наиболее динамично развивающихся направлений ИСК. Как свидетельствуют данные табл. 2, объемом финансовых ресурсов, выделенных для этих целей в 1969—1973 финансовых годах, вырос более чем в 17 раз по сравнению с предшествовавшими пятилетиями.

Еще двумя важными сферами приложения институционального кредитования, финансируемого Мировым банком, были интегрированное сельскохозяйственное развитие и проекты, связанные с улучшением возделываемых культур (crop development), отражающие специализацию на производстве товарных культур преимущественно экспортного направления и необходимость увязывания кредита со строительством дорог, организацией служб по распространению сельскохозяйственных знаний и т. п. Таким образом, сам характер проектов, поддерживаемых Мировым банком, и результаты их осуществления на практике показывают, что их основными бенефициарами были верхушечные слои сельского населения, на которых делалась основная ставка в политике модернизации сельского хозяйства развивающихся стран, осуществляемой Западом при активной поддержке международных финансовых организаций, и в первую очередь Мирового банка.

Администрация Мирового банка настойчиво пыталась убедить общественное мнение в том, что после 1973 г. произошел решительный поворот в деятельности Мирового банка в отношении мелкого крестьянства по всем ее направлениям, в частности, в том, что прошло то время, когда институциональный кредит не расценивался как практическое средство для решения проблем крестьянства, вовлеченного в натуральное сельское хозяйство, и сельскохозяйственных рабочих⁷⁸.

Вместе с тем нельзя отрицать наличия некоторых перемен, вернее, изменения акцентов в политике Мирового банка, связанных с попытками устранить наиболее ощутимые разрывы между практикой и официальной риторикой. В области ИСК это относится к кредитованию закупок сельскохозяйственной техники, удельный вес которого снижается. В документах Мирового банка зафиксирована его осведомленность в том, «что слишком быстрая механизация сельского хозяйства может иметь негативный социальный эффект»⁷⁹.

При наличии громадных трудовых ресурсов в деревне развивающихся стран капиталоемкая механизация является прямым наступлением на условия существования мелкого и мельчайшего крестьянства. Об этом свидетельствует опыт Мирового банка по содействию механизации сельского хозяйства Пакистана. Мировой банк предоставил этой стране в 1966—1970 гг. три кредита на закупку тракторов. Экономические результаты подтвердили эффективность тракторизации, но одновременно выяснилось, что использование живого труда на каждом акре земли, обрабатываемой с помощью тракторов, понизилось примерно на 40%. С каждой фермы, на которой была проведена

механизация, было согнано в среднем по 4,2 арендатора. Несмотря на некоторое увеличение занятости на сезонных работах, общим итогом было уничтожение каждым внедренным трактором 5 рабочих мест. Мировой банк не стал продвигать финансирование столь опасного, в условиях страны, ощущающей значительное аграрное перенаселение, эксперимента, но правительство Пакистана обратилось к коммерческим источникам ссудного капитала и продолжало эту программу⁸⁰. Естественно, что данное направление кредитования содействовало обогащению самых зажиточных слоев сельского населения. А. Е. Грановский приводит данные соглашения между Международной ассоциацией развития и правительством индийского штата Гуджарат, в соответствии с которым кредит для закупки трактора мог быть предоставлен крестьянину или группе крестьян, обрабатывающих не менее 40 га, а при условии сдачи трактора в аренду — не менее 15 га. И это в условиях Индии, где размеры 80% хозяйств не превышали 3 га⁸¹. Интересно отметить, что с 1971 г. из ежегодных отчетов Мирового банка, где указывалось распределение средств для аграрного сектора, исчезла статья «механизация хозяйств». Однако само кредитование не прекратилось. Просто оно теперь проводится под другими, более нейтральными рубриками.

Мотивы попыток вовлечения более широкого круга хозяйств в сферу действия ИСК очевидны. Экспансия иностранного капитала прямо связана с размерами внутреннего рынка развивающихся стран. Как отмечается в обследовании ЮНИДО, посвященном деятельности ТНК в пищевой промышленности развивающихся стран, размер рынка был наиболее важным фактором, оказывающим положительное влияние на их внедрение в данную сферу производства⁸². Один из основных путей увеличения емкости рынка — втягивание в сферу товарно-денежных отношений крестьянства, ранее занятого ведением натурального хозяйства. Кредитование крестьян и есть тот механизм, который должен сделать из них «полноценных» потребителей продукции, значительная доля которой производится при прямом или косвенном участии иностранного капитала.

Ориентация на менее состоятельного производителя сельскохозяйственной продукции требует от Мирового банка отказа от некоторых устоявшихся представлений. Ранее Мировой банк при кредитовании непосредственных производителей, как правило, оговаривал свое участие в предоставлении ИСК финансированием вложений лишь в основной капитал. Финансирование оборотного капитала допускалось только в том случае, если он составлял значительную долю всей суммы, предназначенной для данного проекта, и такое финансирование невозможно было осуществить из других источников⁸³. Для мелких хозяйств, которые не в состоянии осуществлять капиталоемкие инвестиции, гораздо важнее помощь в приобретении элементов оборотного капитала. Одна из причин, по которой Миро-

вой банк согласился пересмотреть свой подход к кредитованию оборотного капитала, заключается в том, что большую их часть составляют теперь гибридные семена, химические удобрения и средства борьбы с вредителями сельского хозяйства, имеющие во многих развивающихся странах высокий «импортный» компонент.

В сфере ИСК специалисты Мирового банка выделяют три основные проблемы: обеспечение, под которое предоставляются кредиты, уровень процентной ставки и погашение долгов.

Кредитование сельскохозяйственной сферы традиционно предполагало в качестве гарантии погашения заемных средств наличие земельной собственности. Это исключало доступ к нему арендаторов и большого числа мелких собственников, часто не имеющих на руках документов, удостоверяющих титул собственности на землю.

Стремление распространить свое влияние на эти, ранее не охваченные контингенты сельского населения побудило Мировой банк предложить двоякий подход к проблеме гарантирования предоставляемых кредитов. Земельная собственность должна по-прежнему оставаться залогом погашения займов при долгосрочном кредитовании и для крупных крестьянских хозяйств. В качестве критерия платежеспособности малоземельных крестьян, берущих кратко- и среднесрочные займы, Мировой банк предложил использовать закладные на движимое имущество и право удержания урожая⁸⁴. Наиболее легко выдавать кредит, гарантированный будущим урожаем, в случае с культурами, предназначенными на экспорт или требующими дальнейшей промышленной переработки. Такой подход к гарантированию, по сути дела, препятствует возделыванию продовольственных, особенно традиционных, культур, которые, как правило, не имеют никакой технологически обусловленной связи с перерабатывающими предприятиями и сбыт которых труднее контролировать. Это всегда было одной из основных причин нежелания Мирового банка участвовать в кредитовании крестьян, занятых возделыванием продовольственных культур нетоварного назначения.

Существующий механизм ИСК не приспособлен к учету нужд мелких заемщиков. Как отмечают американские исследователи из университета штата Огайо, «общие затраты на получение займа, особенно для заемщика небольших сумм, могут быть в два или три раза больше суммы номинальных процентных платежей. Эти затраты включают ожидание своей очереди, транспортные расходы, взятки, уплаты пошлин, оплату заполнения документов и время, потерянное для работы»⁸⁵. Серьезной проблемой является и величина административных расходов при предоставлении кредитов. Зачастую по вине раздутого и неэффективного бюрократического аппарата, связанного с предоставлением займов в деревне развивающихся стран, цена институционального кредита оказывается выше, чем

цена ростовщического кредита, который, как предполагается, он призван вытеснить.

Реальность попытки Мирового банка повлиять в значительной мере на ситуацию в сфере сельскохозяйственного кредитования и изменить ее в пользу менее имущих слоев, чем традиционные получатели этих кредитов, представляется весьма сомнительной. Оценить производственный потенциал хозяйства, которое обращается за финансовой помощью и вряд ли обладает высокими хозяйственными показателями, чрезвычайно сложно. Единственным объективным критерием здесь выступает размер земли, которым располагает данное хозяйство, т. е. тот самый критерий, от которого Мировой банк предложил в некоторых случаях отказаться. В этой ситуации оценка неизбежно субъективна.

Применение нового критерия гарантирования кредитов предполагает значительную децентрализацию принятия решений, так как оценить платежеспособность хозяйства, исходя из иных, чем факт обладания земельной собственностью, критериев, можно только на местах. Это означает увеличение власти местных деятелей, связанных с кредитом. Как отмечает западногерманский исследователь Г. Рутенберг, административно-политическая прослойка на местах обычно тесно связана (на почве совместного обучения, семейных и деловых связей и т. п.) с местными крупными земледельцами. Поэтому решения, которые принимаются на местах, соответствуют той реальной структуре власти, которая в настоящее время направлена против интересов бедных⁸⁶. Большие затраты, которые потребуются при этом, только увеличат административные расходы.

Проблема уровня процентной ставки, взимаемой за сельскохозяйственный кредит, также обсуждалась в западной экономической литературе. Специалисты Мирового банка пытались объяснить сохранение на протяжении длительного периода времени низких процентных ставок (причем темпы инфляции зачастую опережали этот показатель) «намерениями защитить мелких крестьян от эксплуатации со стороны ростовщиков»⁸⁷. Однако это утверждение противоречит цифрам другого официального документа Мирового банка: «Крупные фермеры были главными получателями институционального кредита... от 60 до 80% мелкого крестьянства в каждой стране имело ограниченный доступ к кредиту или не имело его вовсе»⁸⁸. В этой связи гораздо более реалистичным выглядит вывод Д. Адамса и Д. Грэхема о том, что «политические силы в стране могут быть более чем удовлетворены результатами перекосов, базирующихся на отрицательных значениях реальных процентных ставок на сельских финансовых рынках, так как это привело к покровительству, осуществляемому в форме косвенного увеличения доходов, тем влиятельным в экономике людям, которым достается основная часть дешевых кредитов»⁸⁹.

Мировой банк стал выступать за увеличение номинальной

процентной ставки до уровня, обеспечивающего положительные значения ее реальной величины. В вопросах, затрагивающих основные принципы деятельности Мирового банка как финансового учреждения, он демонстрирует гораздо меньшую склонность к компромиссам с земельной олигархией, чем, скажем, в вопросе о земельной реформе. Здесь Мировой банк пытается наступать на права крупных земельных собственников, узурпировавших получение ИСК по низким ставкам процента. Мировой банк строго следит за соблюдением правил игры капиталистического предпринимательства. Он весьма заинтересован в финансовой жизнеспособности кредитных организаций в развивающихся странах, которым он отводит значительное место в осуществлении влияния на ход перемен в деревне освободившихся стран. Увеличение процентных ставок даст им, по мнению руководства Мирового банка, возможность пользоваться большей автономией, чем теперь, когда они «зависят от ежегодных правительственных ассигнований для покрытия издержек и поэтому подвержены политическому влиянию»⁹⁰.

Специалисты Мирового банка пытались предложить общие рекомендации и по столь актуальной проблеме, как погашение полученного ИСК. Задержки с погашением задолженности в некоторых проектах Мирового банка затрагивали до 50% кредитной суммы⁹¹. При этом, как отмечалось в исследовании банка, «существуют доказательства того, что более крупные крестьяне фактически имеют худшие показатели выплат... Просрочка платежей крупными крестьянами происходит преднамеренно, потому что они используют свое политическое влияние для защиты от санкций»⁹². Это объясняется и тем, что крупные земледельцы, особенно в зонах с низким уровнем развития товарно-денежных отношений, расценивают институциональный кредит как подрыв собственных позиций в сфере ростовщичества и используют свое влияние для дискредитации самой идеи, побуждая односельчан не выплачивать взятые ссуды. Для уменьшения доли несвоевременных выплат ссуд крупными земледельцами Мировой банк предлагает более строго применять уже имеющиеся средства воздействия, предоставляемые залогом земли, а для мелких производителей его предложения сводятся «к кредитованию только тех, чьи инвестиционные возможности достаточны для производства значительных товарных излишков»⁹³.

Подводя итоги обзора взглядов администрации Мирового банка на проблемы совершенствования ИСК в свете ориентации Мирового банка на «борьбу с бедностью», можно сделать заключение, что предложенные изменения не внесли ничего принципиально нового в проекты, предусматривавшие сельскохозяйственным кредитованием, и не смогли послужить основой для существенного повышения доли мелких производителей в потоке средств, поступающих по данным каналам, о чем догадывались и сотрудники банка, предрекая, что «основная

доля будущих институциональных кредитов по-прежнему пойдет к сравнительно зажиточным крестьянам, торговцам и посредникам»⁹⁴.

Завершив обзор проблем, связанных с проектами ИСК, обратимся к следующему типу проектов, активно поддерживаемых Мировым банком. Это так называемые переселенческие проекты (settlement schemes). Суть их сводится к созданию новых сельскохозяйственных поселений на принадлежащих государству и обычно не обрабатывавшихся ранее землях, которые обеспечиваются необходимыми инфраструктурными сооружениями и службами для ведения сельскохозяйственного производства. За период 1961—1975 гг. на 28 переселенческих проектов было выделено 429 млн. долл.⁹⁵. Предполагается, что эти проекты улучшили положение 134 тыс. семей. Оценивая результаты их функционирования, специалисты Мирового банка перечислили целый ряд существенных проблем, включая недостаточную квалификацию управленческого персонала, плохую координацию действующих в проекте организаций, высокий уровень централизации принятия решений, «сверхамбициозные» цели и т. п.⁹⁶. В данных, приведенных о 10 переселенческих проектах, осуществленных при участии Мирового банка в семи развивающихся странах во второй половине 60-х — начале 70-х годов, расчетные затраты на одну переселенческую семью колебались от 1,3 тыс. до 13 тыс. долл.⁹⁷. О том, что эти проекты предназначены не только для создания мелких хозяйств, свидетельствует, например, тот факт, что в переселенческом проекте в Замбии на каждую из 300 семей было в среднем израсходовано по 68 тыс. долл., а выделенные участки варьировались от 70 до 700 га, причем предусматривалось использование труда около 4 тыс. постоянных сельскохозяйственных рабочих⁹⁸. Учитывая, что использование переселенческих проектов ограничено наличием свободных земель и высокими затратами, приходящимися на каждого участника, эксперты Мирового банка считают, что «меры по улучшению сельскохозяйственного производства в уже обжитых районах будут по-прежнему главным средством достижения целей сельского развития»⁹⁹. Однако там же отмечается, что поддержка переселенческих проектов продолжается, частью из-за «политической привлекательности», частью из-за «поисков экономически обоснованных проектов»¹⁰⁰. Такую приверженность можно объяснить лишь тем, что в глазах руководства Мирового банка они являются действенной альтернативой, которую можно предложить проведению аграрных реформ.

Еще одним популярным у администрации Мирового банка типом проектов являются проекты контрактного типа (out-growers projects). Производство определенного типа культур ведется в частных хозяйствах, расположенных неподалеку от плантации или перерабатывающего завода. Это «ядро» проекта предоставляет земледельцам требующиеся средства произ-

водства, обеспечивает необходимой технической консультацией и приобретает произведенную продукцию. К середине 70-х годов Мировой банк принял участие в финансировании девяти такого рода проектов общей стоимостью 125 млн. долл., из которых он предоставил 68 млн. Численность вовлеченных в данный тип производства семей в этих проектах достигла 125 тыс.¹⁰¹. Такие проекты весьма привлекательны для кредитующих организаций. Погашение задолженности происходит в процессе приема продукции, выращенной на крестьянских полях. Таким образом достигается надежное гарантирование выплаты денежных средств (или денежного эквивалента материальных ресурсов), что позволяет более смело идти на привлечение хозяйств небольших размеров.

Крестьяне при данной форме организации производства находятся в полной зависимости от управляющих проектом, которые, как правило, диктуют более низкие, чем на свободном рынке, цены на принимаемое сырье.

Организация контрактных проектов имеет не только экономические предпосылки (стремление к более полному использованию мощностей перерабатывающих предприятий), но и социально-политические. Особенно охотно на создание подобных проектов предприниматели идут в тех случаях, когда борьба сельскохозяйственных рабочих на плантациях достигает большого накала и невозможно понизить издержки производства за счет уменьшения их заработной платы. Известны случаи раздела плантаций сизала на parcelльные участки в Танзании и Кении в середине 60-х годов в попытке их владельцев приспособиться к неблагоприятной конъюнктуре мировых цен. «Рабочие с наделом», в которых превращаются крестьяне, вовлеченные в данный тип сельскохозяйственного производства, становятся еще более дешевой рабочей силой, чем получающие невысокую плату за свой труд сельскохозяйственные рабочие.

Банковские стратеги утверждали, что необходимость осуществления целей сельского развития вызвала к жизни появление проектов «нового стиля». Их отличительными чертами, по мнению специалистов Мирового банка, являются 1) ориентация на поступление результатов их осуществления в распоряжение сельских бедняков при одновременном поддержании определенного уровня рентабельности; 2) всесторонний подход к мелкому сельскохозяйственному производству и обеспечение баланса между непосредственно производственными и другими компонентами; 3) низкие затраты на участника, дающие возможность повторять эти проекты в других районах¹⁰². В качестве примеров приводились проекты, финансировавшиеся Мировым банком еще до формулирования его новых приоритетов в аграрной сфере. Как мы видели, основные типы проектов, осуществляемые в деревне развивающихся стран при финансовой поддержке Мирового банка, не были инструментами улучшения положения неимущих и малоимущих слоев деревенских жите-

лей. Незначительные изменения, предложенные специалистами Мирового банка, не дали оснований полагаться на существенную переориентацию данных проектов в пользу названных контингентов сельских жителей. Сутью рекламируемых Мировым банком в 70-е годы проектов «нового стиля» стали количественные изменения, отразившие увеличение общего объема кредитования в аграрную сферу, и стремление объединить в одном проекте несколько направлений воздействия на сельскохозяйственное производство. Проекты нового стиля имели непосредственное отношение к активно дискутирующейся в западной экономической литературе проблеме интегрированного сельского развития (ИСР). Не останавливаясь подробно на самой проблеме ИСР, хотелось бы затронуть некоторые ее аспекты, касающиеся деятельности Мирового банка. Руководство этой организации пыталось выдать рецепты предлагаемой ими «новой» политики в аграрной сфере развивающихся стран за образец интегрированного подхода к сельскому развитию, а проекты «нового стиля» представить как практическое воплощение данного подхода.

Руководитель подразделения Мирового банка, занимавшийся проблемами сельского и сельскохозяйственного развития в 70-е годы, М. Юдельман определил понятие «интегрированность» как еще один параметр, усиливающий фокус на бедность¹⁰³. Воистину слово «бедность» служило Мировому банку универсальной отмычкой ко всем экономическим категориям!

Замечая, что процесс сельского развития должен быть включен в политическую и социально-экономическую жизнь страны, М. Юдельман признавался, что реальная деятельность банковских экспертов свелась к проектно-финансовой концепции интеграции¹⁰⁴. Сутью банковского толкования интеграции стало представление о том, что набор различных компонентов в программах сельского развития даст эффект взаимного усиления, т. е. что общий итог будет больше, чем сумма отдельных частей. На практике это означало поддержку многосекторных проектов, включающих деятельность как по непосредственному стимулированию производственного процесса, так и по созданию его инфраструктурного обеспечения.

Основные элементы комплексного подхода были заложены уже в так называемых проектах минимального набора (minimum package), предназначенных для предоставления ограниченного набора услуг, необходимых для роста продуктивности сельскохозяйственного производства в возможно большем числе крестьянских хозяйств. Говоря об успешных результатах такого направления, Мировой банк ссылается на пример Эфиопии¹⁰⁵. Интересно привести в связи с этим мнение шведского социолога М. Стохля, специально занимавшегося в Эфиопии изучением проектов данного типа. Он подчеркивает, что они привели «к росту производства в хозяйствах получателей кредитов. Но это не равнозначно повышению уровня жизни... про-

ект минимального набора помогает бедным крестьянам увеличить свое производство, что ведет к возрастанию предложения на рынке и, следовательно, понижению цен во время уборки урожая». Учитывая, что низкие цены на зерновые приводят к увеличению объема зерна, которое арендаторам приходится уплачивать в качестве земельной ренты, М. Стохль приходит к выводу, что «при существующих условиях предоставление удобрений крестьянам служит лишь интенсификации их эксплуатации»¹⁰⁶.

Наиболее полно банковское понимание интегрированного сельского развития воплощено в так называемых комплексных проектах развития, основное место среди которых занимают проекты зонального развития (area development). Они могут базироваться на ирригационных или переселенческих проектах (например, Джебиза в Судане) либо являться развитием проектов институционального кредитования (Комилла в Бангладеш). Объединяющей их характеристикой служит совмещение нескольких проектных схем на одной территории.

Составной частью комплексного подхода объявлено создание социальной инфраструктуры, предусматривающей обеспечение медицинской помощью, организацию школ и центров технического обучения, снабжение питьевой водой, организацию общественного транспорта и т. п. Целый комплекс препятствий встал на пути осуществления этих задач. Прежде всего социальные службы вступают в противоречие с принципом рентабельности проектов, требующим оценки конкретного влияния каждого финансируемого фактора на повышение продуктивности сельскохозяйственного производства в обозримой перспективе. Оценить вложения в человеческий фактор, результаты которых могут сказаться лишь в долгосрочной перспективе, весьма затруднительно. Затраты на социальные нужды сельского населения, таким образом, предполагают определенный отход от основных правил финансовой деятельности, требующих «надежных» капитальных вложений, а это ведет, по мнению М. Юдельмана, к тому, что формирование компонентов программ ИСР происходит на основе двух различных типов критериев¹⁰⁷. В любом случае социальные вкрапления в проектах подчинены производственным проблемам и их распределение среди сельских жителей с той или иной степенью точности повторяло общую картину распределения ресурсов в тех проектах, придатками которых они являлись.

Подход Мирового банка демонстрирует узкоутилитарное понимание ИСР. Он исключает из поля зрения жизненно важные для этого процесса проблемы интеграции национальной промышленности и сельского хозяйства в единый комплекс, который мог бы стать основой как для сельскохозяйственного, так и для промышленного развития. За скобками остаются проблемы общенационального планирования, которое должно интегрировать все стороны сельскохозяйственного развития в еди-

ный план. В разряд трудноразрешимых Мировым банком отнесены проблемы, определяющие характер социальных отношений в деревне, прежде всего осуществление земельной реформы. Не рассматриваются вопросы включения неимущих слоев населения в управление производственной и политической жизнью деревни. По существу, Мировой банк предлагает частичные, разрозненные способы решения только одной из проблем, стоящих перед деревней в развивающихся странах,— увеличения выпуска товарной сельскохозяйственной продукции, попутно пытаясь предложить паллиативные, временные решения других проблем, связанных с социально-экономической структурой страны.

В тесной связи с характером разрабатываемых Мировым банком проектов сельского и сельскохозяйственного развития находится стиль оперативной деятельности центрального аппарата этой организации.

Основная часть времени оперативных работников экономических подразделений центрального аппарата Мирового банка поглощается рутинной работой по составлению так называемых страновых программ (country programs), которые служат «основным инструментом для определения позиции Мирового банка в отношении к странам — его членам и для направления его деятельности в поддержку усилий по развитию, предпринимаемых этими странами»¹⁰⁸. Эти программы, которые с начала 70-х годов ежегодно составляют для каждой из стран, являющихся потенциальными заемщиками Мирового банка, представляют собой предназначенный исключительно для служебного пользования документ объемом в 20—25 страниц, состоящий из нескольких частей.

Он должен дать представление о наиболее важных тенденциях в социальной, политической и экономической жизни рассматриваемой страны, учитывая опыт имеющихся достижений и цели текущей политики правительства данной страны. Программа должна содержать информацию о притоке иностранного частного и государственного капитала, включая перспективы на будущее, проанализировать состояние взаимоотношений обсуждаемой страны с основными странами-донорами и ведущими международными организациями. Кроме того, особо рассматриваются проблемы отношений данной страны с Мировым банком, распределения займов МАР и МБРР, осуществление конкретных проектов. Отдельный раздел посвящен влиянию каждого из предлагаемых к реализации проектов на ситуацию в том секторе, к которому он относится. В заключительной части документа должны быть суммированы основные выводы и даны рекомендации, которые выдвигаются для одобрения руководством¹⁰⁹.

После составления документа (за это отвечают страновые отделы, входящие в состав региональных управлений) он полтора-два месяца «обкатывается» в других отделах, а затем

поступает к высшему руководству. Даже простое перечисление вопросов, освещаемых в программе, демонстрирует, что это трудоемкий процесс, требующий сбора большого объема информации. Так как две трети страновых отделов курируют сразу несколько стран, то составление программ по каждой из них занимает основную часть рабочего времени специалистов банка и обуславливает их привязанность к рабочим местам в штаб-квартире в Вашингтоне.

Краткосрочные командировки сотрудников для сбора «свежей и надежной» информации заполнены главным образом контактами с правительственными чиновниками интересующей их страны, которые, в свою очередь, довольно редко покидают столичные города. Отсутствие достоверной информации и намерение этих чиновников обрисовать ситуацию в стране или регионе как благоприятствующую получению займов нередко ведет к дезинформированности центрального аппарата Мирового банка. Ван де Лаар приводит в своей работе факты, свидетельствующие о том, что страновые программы Мирового банка для ряда государств в районе Сахеля в начале 70-х годов содержали весьма скудные сведения о тяжести и последствиях засухи в этом регионе, которая, как в дальнейшем выяснилось, продолжалась к тому времени уже 5 лет¹¹⁰.

Уже само пространственное распределение деятельности международных финансовых учреждений свидетельствует о существовании предпосылок для действий, которые могут не учитывать национальные приоритеты той или иной развивающейся страны. В начале 80-х годов около 94% профессиональных сотрудников Мирового банка было сосредоточено в штаб-квартире в Вашингтоне; и лишь 150 специалистов работали в страновых и региональных представительствах этой организации¹¹¹.

Несмотря на значительный объем работы по составлению страновых программ, их ценность в качестве основы долгосрочной политики в отношении той или иной страны значительно снижается рядом обстоятельств. Так, трудно планировать поступление средств по линии МАР. Общий объем ее льготного кредитования зависит от пополняющих его раз в три года средств правительств стран-доноров, что всегда представляет длительный процесс со значительной степенью неопределенности конечных результатов. Кроме того, подразделения, занятые составлением страновых программ, в силу вышензложенных причин, мало времени могут уделять поиску новых подходов и решений, и изменения стратегических приоритетов, как это было с сельским хозяйством в начале 70-х годов, застают эти подразделения врасплох, заставляя их второпях корректировать свой образ действий.

Ограниченный объем страновых программ предполагает высокую степень уплотнения информации и поэтому за их рамками остаются те «мелочи», которые в некоторых случаях решают успех дела. Аналогичные проблемы характерны и для

стадии разработки проектной документации. В работе, затрагивающей организацию проектов сельского развития, финансируемых при участии Мирового банка, отмечается, что «в то время как миссии, посылаемые на стадиях отбора и подготовки проекта, обычно охватывают широкие временные пласты, дающие возможность учитывать успехи и неудачи в прошлом, отчет, составляемый на стадии оценки проекта, с его более ограниченными временными рамками, рассматривается уже как чисто технический документ, готовый к воплощению. Например, в отчете, составленном на стадии оценки проекта Лионгве, не упоминаются соображения, высказанные на стадиях отбора и подготовки проекта, которые помогли бы вписать этот региональный проект в общестрановой контекст¹¹². Напомним, что отчет на стадии оценки проекта подготавливается только персоналом банка, в то время как на предшествующих стадиях проектирования значительная роль принадлежит специалистам из других организаций, прежде всего системы ООН.

Среднее управленческое звено Мирового банка заинтересовано прежде всего в «производстве» необходимого для запланированного объема кредитруемых ресурсов числа проектов. Именно выполнение этих требований определяет продвижение чиновников по служебной лестнице. Введение новых критериев составления проектов, связанных прежде всего с аграрной сферой, породило значительные оппозиционные настроения среди специалистов Мирового банка, усматривающих в этом дополнительную трудность для основной работы и осознающих несовместимость принципов их работы с полноценной реализацией провозглашенных руководством банка задач «борьбы с бедностью».

Несмотря на атмосферу секретности, которая окружает завуалированную деятельность Мирового банка, в печать просочились сведения о внутренних разногласиях, возникших в связи с новым курсом банка, прозвучавшие как «сомнения» в том, что «МБРР и МАР смогут сколько-нибудь существенно изменить традиционные виды деятельности» и что они «смогут найти и финансировать значительное число проектов для аграрной сферы того типа, что был описан Р. Макнамарой»¹¹³. Несомненно, на позиции несогласных с нововведениями отразились и настроения влиятельных кругов за стенами банка, но для нас эта позиция интересна как показатель господствовавших в данной организации настроений, противодействовавших попыткам ввести в поле зрения цели иные, чем кредитование ради кредитования.

Представляется, что изменения в приоритетах развития освободившихся стран, нашедшие косвенное отражение на уровне банковской концепции «борьбы с бедностью», при переводе этой концепции на язык оперативных решений окончательно утратили связь с породившими их причинами и стали восприниматься только как одно из дополнительных ограничений при

проектной работе, сохранившей свой прежний, ориентированный на достижение определенных финансовых результатов, характер. Содержание проектов при этом остается практически неизменным.

Социальные задачи Мирового банка сведены к целям, которые его руководство, очевидно, считает возможным достичь, не отходя от традиционных критериев деятельности финансовой организации. Ориентация на эти критерии пронизывает всю деятельность Мирового банка. Прежде всего об этом свидетельствует продолжающееся использование уровня рентабельности в качестве решающего показателя приемлемости проекта и оценки успешности его осуществления. При этом следует отметить, что применение сложных методов оценки служит одним из способов лишить развивающиеся страны возможности самостоятельно выполнять проектные работы. Вместе с тем, как свидетельствуют факты, приводимые сотрудником Сассекского университета Р. Чамберсом, «методы оценки, созданные для принятия наиболее рациональных решений, могут быть использованы и для оправдания волевых актов»¹¹⁴, тем более что многоступенчатые расчеты зачастую зиждятся на весьма зыбкой статистической основе. Как признаются сами исполнители, «то, что представляется... объективной процедурой, на деле оказывается смесью суждений о грядущих событиях, которые весьма затруднительно предсказать, и мнений о нормах дисконта и теневых ценах, которые могут изменяться в пределах допускающих широкий выбор»¹¹⁵.

Р. Чамберс приводит в качестве примера результаты оценки одного и того же сельскохозяйственного проекта тремя группами экспертов, которые дали три различные нормы прибыли для данного проекта: 19%, 13% и -2%¹¹⁶. Столь существенная разница была объяснена различиями в расчетах времени осуществления проекта и освоения нововведений, т. е. зависела от параметров, которые всегда сложно предугадать. На практике «нормы прибыли определяются иногда заранее, а расчеты производят позднее, для того чтобы выйти на нужную цифру»¹¹⁷. За рассуждениями о главенствовании чисто финансового подхода к оценке проектов нередко скрываются политически обусловленные мотивы предоставления кредитов. Вместе с тем эти рассуждения не мешают пренебрегать параметрами, которые могут оказаться решающими в долгосрочной перспективе.

Озабоченность прежде всего финансовой стороной деятельности отчетливо проявляется в записанном в уставе МБРР требовании финансировать лишь инвалютный компонент проекта. Хотя в уставе МАР сделан ряд оговорок, дающих возможность отойти от этого принципа, все же основная часть кредитов группы Мирового банка предоставляется прежде всего для удовлетворения потребностей той или иной страны в покрытии расходов, связанных с импортным компонентом проекта.

Это обеспечивает выполнение банком одной из важнейших своих обязанностей: расширение рынка для экспорта из развивающихся капиталистических стран. Выполнение требований устава Мирового банка в отношении кредитования затрат, связанных с потребностью в инвалютных ресурсах, ведет к выбору проектов с высокой квотой импортируемых материалов и оборудования, а это прежде всего проекты крупномасштабные и капиталоемкие, т. е. нередко менее всего пригодные для решения проблем, стоящих перед сельским хозяйством развивающихся стран. Не случайно Мировой банк отказывается, как правило, кредитовать проекты общей стоимостью менее 5 млн. долл.

В пользу крупномасштабных проектов, в которых гораздо труднее учитывать нужды мелких земледельцев, работает логика деятельности иностранного капитала в развивающейся стране. Такие проекты позволяют применять знакомые методы оценки, привлекать опытные зарубежные фирмы и консультантов, они заметны в экономической жизни страны. В то же время беднейшее сельское население обычно проживает в небольших населенных пунктах, использует низкие по качеству сельские угодья, территориально расположено вдали от транспортных магистралей. Кроме того, следует учесть чрезвычайное разнообразие климатических, почвенных, агротехнических характеристик сельскохозяйственной деятельности, которое может встречаться даже в непосредственно соседствующих местностях. Все это противопоставляет интересы международных финансовых организаций потребностям широких масс сельского населения развивающихся стран, которое нуждается в тщательной оценке господствующих в данной местности методов производства, сохранении всего ценного, что было накоплено в этой области, адаптации предлагаемых нововведений к социокультурным традициям местного населения и т. д.

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что находящиеся в распоряжении Мирового банка средства воздействия на сельскохозяйственное производство и жизнь сельского населения в развивающихся странах ограничены прокрустовым ложем исповедуемых в стенах этого института принципов. К их числу относится главенствование финансовых аспектов деятельности и стремление добиться прироста сельскохозяйственного производства лишь за счет технико-экономических мероприятий, что неминуемо ведет к усилению существующих в деревне развивающихся стран социальных диспропорций и имущественного неравенства. Решая одну из сторон аграрного вопроса — производственную, Мировой банк объективно содействует обострению противоречий в сфере общественных отношений. При этом диспропорции вызревают не только на уровне национального хозяйства, но и на уровне международных отношений в рамках МКХ.

Влияние США на деятельность Мирового банка

Как стратегические, так и повседневные аспекты деятельности международных финансовых организаций, и в первую очередь Мирового банка, в значительной мере подвержены влиянию правящих кругов США. Эта страна стояла у истоков создания МБРР, американские граждане составляют около трети общего числа специалистов и президентом традиционно избирается американец.

США всегда играли существенную роль в эволюции политики Мирового банка, поэтому необходимо хотя бы вкратце остановиться на позиции этой страны.

Ряд факторов внешнего и внутреннего характера ускорили отклик США на ухудшение социальной и экономической ситуации в деревне освободившихся стран в конце 60-х годов, которое оказывало отрицательное воздействие на ход воспроизводственного процесса в рамках мирового капиталистического хозяйства. В числе этих факторов — усиление борьбы развивающихся стран за упрочение своих мирохозяйственных позиций, веками которой стали хорошо известные акции стран — членов ОПЕК, выработка общего подхода к проблемам нового мирового экономического порядка (НМЭП) в рамках Движения неприсоединения и «группы 77» и др. Одновременно с этим важное значение сыграл мировой продовольственный кризис начала 70-х годов, который обнажил всю глубину диспропорций в сельском хозяйстве развивающихся стран, подчеркнул всю зыбкость надежд на «помощь» и продемонстрировал рост антиамериканских настроений в этих странах. Следует подчеркнуть, что усиление позиций социалистического лагеря и размах борьбы развивающихся стран против доминирования в МКХ империалистических держав существенно ослабили к началу 70-х годов возможность этих держав, в первую очередь США, встать на путь военной конфронтации или широко использовать иные репрессивные меры.

В этих условиях усиление внимания американской внешнеэкономической политики в начале 70-х годов к проблемам сельскохозяйственного производства и широко распространенного в деревне освободившихся стран обнищания явилось для США одним из наиболее приемлемых вариантов стабилизации грозившей выйти из-под контроля ситуации во взаимоотношениях с развивающимся миром. Таким образом, начальный импульс для реализации этого подхода, имеющего под собой глубокие объективные предпосылки, в значительной мере был вызван стремлением руководства США снизить накал антиамериканских настроений в развивающемся мире, переключить внимание входящих в него государств на внутренние проблемы, одновременно затушевывая связь этих проблем с зависимым положением освободившихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Кроме того, выдвигание лозунгов содействия сель-

скохозяйственному развитию освободившихся стран и «помощи беднякам» служило моральным оправданием обструкционистской позиции, которую заняли США на переговорах по проблемам НМЭП, причем не только в общественном мнении развивающихся стран, но и своих союзников, склонных к компромиссам из-за большей зависимости от поставок энергетического сырья.

Обстоятельством, способствовавшим преодолению к началу 70-х годов сопротивления производителей сельскохозяйственной продукции в США, которые выступали против содействия аграрному развитию в освободившихся странах из-за боязни конкуренции, стало упрочение позиции новой волны агропромышленных ТНК. Их интересы в отличие от забот классических плантационно-торговых монополий лежали в сфере сбыта сельскохозяйственных машин и оборудования, новых гибридных семян и комбикормов, пестицидов и химических удобрений, т. е. зависели от активных преобразований в сфере сельского хозяйства развивающихся стран. Судя по результатам, интернационализм агропромышленных ТНК внес свой вклад в создание противовеса «экономическому национализму», который характерен для монополий, занятых сбытом «излишков» американской сельскохозяйственной продукции.

Возобладание консервативных тенденций в курсе американского неокOLONиализма в начале 80-х годов непосредственно затронуло Мировой банк. Одним из признаков новой ситуации стало падение или стагнация суммы средств, поступающих на нужды сельского хозяйства по каналам Мирового банка, а также постепенное оттеснение проблемы «борьбы с бедностью» в дальний угол пропагандистской витрины Мирового банка. За этим в первую очередь стояло снижение заинтересованности в верхних эшелонах американской власти в широкомасштабном преобразовании аграрной сферы освободившихся стран как факторе стабилизации отношений между развитой и развивающейся подсистемами мирового капиталистического хозяйства. Изменилось, как представляется, отношение политического руководства США к возможным проявлениям социального протеста, которыми чревата продолжающаяся пауперизация сельского населения, а именно возросла готовность использовать военную силу для урегулирования эксцессов в стратегически важных для Соединенных Штатов районах развивающегося мира. Свою роль сыграло и определенное укрепление экономических позиций Запада в противоборстве с освободившимися странами, опирающееся на позитивные для стран развитого капитализма сдвиги в снижении ресурсоемкости и энергоемкости материального производства и диверсификации источников их получения. Кроме того, безудержный рост финансовой задолженности развивающегося мира дал в руки империализма новые действенные рычаги давления.

При формировании приоритетов внешнеэкономической по-

литики США в развивающемся мире, включая те ее аспекты, которые затрагивают различные стороны функционирования аграрного сектора, важно учитывать, на какие временные горизонты ориентирована названная политика. Тяжелые и затяжные кризисы последних лет, стремление удержать экономические позиции в борьбе с западноевропейскими и японскими конкурентами и многие другие причины привели к концентрации внимания вашингтонской администрации прежде всего на узконациональных целях и текущих интересах американского частного капитала в борьбе за выживание в неблагоприятных экономических условиях. Отсюда и ослабление внимания к проблемам аграрной сферы освободившихся стран, поскольку это внимание оправдано только в долгосрочном контексте стратегической перестройки капиталистических мирохозяйственных связей и намного слабее мотивировано ориентацией на текущие экономические и политические цели.

Все упомянутое выше изменило отношение официальных кругов США не столько к самой идее аграрного развития освободившихся стран — ее жизнеспособность базируется на неизбежности поступательного движения в ходе эволюции производительных сил и производственных отношений, — сколько к содержанию и формам политики, призванной осуществить назревшие перемены. Реалии первой половины 80-х годов свидетельствуют об уменьшении потребности у американских правящих кругов прибегать к различным уловкам для того, чтобы убедить общественность в своей стране и за рубежом в том, что «помощь» оказывается сельским беднякам. Ныне творцы внешнеэкономической политики США гораздо откровеннее ориентируются на техническую модернизацию лишь тех пластов сельского хозяйства развивающегося мира, которые включились или в состоянии включиться в тесное сотрудничество с американским агробизнесом.

Сложившаяся с начала 80-х годов ситуация неблагоприятно отразилась на положении международных банков развития, которые активно включились в трансформацию аграрной сферы освободившихся стран в предшествовавшее десятилетие. Ослабление поддержки данных организаций со стороны США вызвано, конечно, не только несогласием с их отраслевым распределением средств. Причина охлаждения состоит в изменении приоритетов американской внешней политики, в том, что международные банки развития не могут, в силу специфики своей деятельности, выступать столь же эффективными орудиями достижения этих целей, как, например, национальное агентство по предоставлению «помощи». Анализ динамики финансовых потоков в составе американской двусторонней помощи дает представление о той структуре вывоза государственного капитала, которая казалась вашингтонской администрации оптимальной. Со второй половины 70-х годов начинается стремительное наращивание темпов роста средств, предоставляемых

через Фонд экономической поддержки, предназначенный для помощи странам, «в которых США имеют особые экономические и политические интересы» (основная часть ресурсов из этого фонда в первой половине 80-х годов доставалась Египту и Израилю). Если в 1970 г. средства, выделявшиеся по линии американской «официальной помощи в целях развития», превышали ресурсы, поступающие по каналам Фонда экономической поддержки, в 2,5 раза, то к 1984 г. соответствующие суммы находились в соотношении 1:27, т. е. ситуация стала диаметрально противоположной¹¹⁸. О многом говорит и такая деталь. На 1983/84 фин. г. администрация Рейгана запросила увеличение двусторонней военной помощи на 21%, помощи по линии Фонда экономической поддержки — на 11%, а помощи на цели развития — только на 4% по сравнению с предшествовавшим годом¹¹⁹.

Вместе с тем США отнюдь не отказались от мысли использовать авторитет, опыт и финансовые ресурсы международных организаций в своих изменившихся интересах. Эти организации стали объектом интенсивного нажима, направленного на переориентацию их деятельности в «нужном» — в первую очередь США — направлении. Одним из средств оказания такого нажима стало сокращение американских средств на пополнение фондов льготного финансирования. Примером может служить обструкционистская позиция США в вопросе о шестом пополнении средств Международной ассоциации развития на 1981—1983 гг. (МАР-VI). В соответствии с первоначальным соглашением, достигнутым в декабре 1979 г. 33 странами — донорами Мирового банка, объем МАР-VI должен был составить 12 млрд. долл., из которых 3,2 млрд., или 27%, должны были внести США тремя равными долями. Следует отметить, что при создании Международной ассоциации развития доля США составляла 42% и с тех пор неизменно снижается.

Администрация Рейгана, придя к власти, пересмотрела прежние обязательства США и решила выделить в 1981 г. 540 млн. долл., в 1982 г. — 850 млн. и в 1983 г. — 1,9 млрд. Фактические взносы были меньше. В результате действий США и соответствующего уменьшения платежей рядом других доноров Международная ассоциация развития располагала, например, в 1982 г. лишь 2,7 млрд. долл. по сравнению с предполагавшимися 4,1 млрд.¹²⁰ Сокращение льготного фонда Мирового банка, значительная часть средств которого направляется в страны с низким доходом на душу населения и в аграрную сферу, достаточно определенно выявляет желаемые Соединенным Штатам черты эволюции международных банков развития. Показательно в этом отношении снижение доли стран с низким уровнем дохода на душу населения (менее 450 долл. в 1978 г.) в американской двусторонней официальной помощи развития со второй половины 70-х годов.

Если в 1974 г. на эту группу развивающихся стран прихо-

дилось 75% чистого притока американской «официальной помощи в целях развития», то в 1979 г. в эти страны поступало уже только 44% упомянутых ресурсов¹²¹.

Причем негативное отношение к увеличению размеров фондов для льготного финансирования не является краткосрочной кампанией, призванной продемонстрировать силу влияния США. О принципиальном характере избранного курса свидетельствуют переговоры о МАР-VII, в результате которых размер фондов Международной ассоциации развития на 1984—1986 гг. был установлен на уровне 9 млрд. долл., в основном из-за позиции США. Эта сумма намного ниже тех 16 млрд. долл., на которых настаивало руководство Мирового банка, и на 25% ниже уровня, который оно считало минимально необходимым. Причем ограниченность фондов ведет к ситуации, при которой Мировой банк не может оказывать то давление на развивающиеся страны, на которое рассчитывают американские хозяева. Так, один из высокопоставленных чиновников банка заявил, что сокращение фондов Международной ассоциации развития приведет к невозможности подкрепить финансовыми средствами диалог о политике, который Мировой банк начал со многими странами Африки южнее Сахары, и тем самым поддержать «болезненные, но необходимые меры для того, чтобы сделать экономику этих стран открытой»¹²².

Очевидно, принимая во внимание изложенные выше обстоятельства, даже близкие союзники США высказываются против чересчур прямолинейных действий Вашингтонской администрации, выступают за расширение сферы деятельности международных финансовых организаций. Так, министр финансов ФРГ Г. Штольтенберг заявил в 1984 г., что его страна «присоединится к любому решению стран-доноров относительно увеличения объема ресурсов МАР на 1984—1986 гг.»¹²³.

Давление США на Мировой банк приносит свои плоды. Он пытается учесть основные требования, выдвигаемые США. К числу этих требований относится призыв всемерно содействовать притоку частного иностранного капитала, в большей степени способствовать развитию национального частного сектора в освободившихся странах, активнее вмешиваться в экономическую политику правительств этих стран, лишать доступа к льготным фондам развивающиеся страны, «созревшие» для заимствования на более жестких условиях, и сократить поток государственных капиталов из развитых капиталистических стран в те освободившиеся государства, которые достаточно кредитоспособны для заимствования на международных рынках частного капитала.

Мировой банк стимулирует программы совместного финансирования. Причем, если ранее обеспечивалось долевое участие прежде всего государственным агентствам «помощи» или международным организациям, то ныне акцент сделан на привлечение частного капитала западных стран.

Еще одним следствием давления США стало предоставление Мировым банком займов для «структурной и отраслевой перестройки» экономики развивающихся стран. В отличие от проектных эти займы предназначены для быстрой адаптации экономики данных стран к ухудшающейся международной экономической ситуации. Существенным достоинством этой формы кредитования в глазах деятелей консервативного толка является тесное увязывание предоставляемых кредитов с изменениями в государственной политике стран — получателей «помощи», которые аналогичны требованиям, выдвигаемым Международным валютным фондом при предоставлении им обусловленных займов. В число этих требований обычно включается замораживание заработной платы, увеличение экспорта продукции, предоставление льготных условий для деятельности частного иностранного капитала, свертывание государственной предпринимательской деятельности и т. п.

Если для проектных кредитов срок выплаты колеблется от четырех до девяти лет, то для займов «перестройки» — от года до трех-четырёх лет. Последние предназначены для развивающихся стран, в которых, по словам сотрудников Мирового банка, «существует или ожидается серьезное ухудшение платежного баланса» и которые «проявили готовность принять долговременные и адекватные меры, обеспечивающие разумную политику и институциональные перемены»¹²⁴.

С 1979 г., когда началось осуществление программы «структурной и отраслевой перестройки», по 1986 фин. г. было предоставлено 52 займа на общую сумму около 6 млрд. долл.¹²⁵. Суть этих займов сводится к поддержке развивающихся стран, которые согласились под нажимом МВФ на перемены внутриэкономической политики и вынуждены хоть как-то улучшать экономическую ситуацию в стране, испытывающей все тяготы предписываемого извне строгого режима экономии. Средства в рамках программ «структурной и отраслевой перестройки» идут главным образом на финансирование закупок импорта. Несмотря на очевидный негативный эффект для беднейших групп населения (аналогичный тому, который испытывали на себе малоимущие слои в странах, проводивших «стабилизационные программы» МВФ), деятели Мирового банка считают, что без этих займов положение упомянутых групп было бы еще хуже.

Ставка на МВФ как на наиболее эффективный в данных условиях инструмент влияния на развивающийся мир вела к нарастающим попыткам администрации США направить деятельность Мирового банка на реализацию задач МВФ. Не случайно руководство Мирового банка часто заявляло об обширной зоне совпадения интересов двух крупнейших финансовых организаций капиталистического мира, хотя претензии банка на лидирующую роль в отношениях Запада с развивающимся миром дают о себе знать в конфликтах с МВФ, о которых

глухо упоминается даже в годовом отчете МБРР/МАР¹²⁶. В 1985 г. в Конгрессе США прозвучало предложение слить усилия Мирового банка и МВФ в единых программах, которые совместно создавались бы для каждой развивающейся страны¹²⁷.

Выход МВФ на авансцену отношений между центрами и периферией МКХ в начале 80-х годов закономерен. Эта организация в наибольшей мере подходит для осуществления жесткого диктата, затрагивающего и агропродовольственные аспекты неокOLONиализма западных стран. Звездный час МВФ наступил в тот момент, когда пошатнувшаяся способность развивающихся стран выплачивать ставший непомерно обременительным финансовый долг поставила под сомнение стабильность и само существование международной валютно-финансовой системы. Первой реакцией на кризисные явления начала 80-х годов стало ужесточение МВФ условий предоставления новых кредитов. В ряду этих условий — давнишние рекомендации по демонтажу производственных подразделений государственного сектора, ныне возведенные в ранг приказа. А вот требование заморозить государственные расходы, в том числе в социальной сфере, является отходом от упоминавшихся попыток переключить государство в развивающихся странах на успокоение взрывоопасных низов и расширение сферы распространения капиталистических и переходных к ним производственных отношений. Хотя и в этом вопросе наблюдается определенная преемственность, но уже не в сферах деятельности, а в функциях: государство, по выражению Г. К. Широкова, пытаются превратить «из направляющей силы в подсобный механизм», будь то деятельность по вовлечению традиционных и неоразрадиционных слоев в современные формы производства либо осуществление мер, гарантирующих платежеспособность страны западным кредиторам.

В целом конец 70-х — начало 80-х годов стали периодом осуществления заветной мечты об обретении действенного средства влияния на социально-экономические процессы в странах «третьего мира». Однако уже к середине 80-х годов остро встал вопрос об эффективности использования обретенных возможностей. Навязанная развивающимся странам политика рестриктивных мер в области потребления и ориентация на развитие экспортных производств дали осечку. Прежде всего сократились закупки на Западе (наглядным примером может служить торговля США с латиноамериканскими странами, с 1982 г. сводящаяся с отрицательным сальдо). Экспортная база развивающихся стран без постоянной модернизации за счет притока иностранного капитала не может длительное время поставлять конкурентоспособную продукцию, к тому же протекционизм в развитых капиталистических странах делает экономический рост в ведущих странах — экспортерах развивающегося мира чрезвычайно зависимым от конъюнктуры на рын-

ках сбыта их основных покупателей (характерен спад в новых индустриальных странах ЮВА в условиях очень неровного экономического роста в США и предпринимаемых в этой стране попыток сократить дефицит платежного баланса).

Если принять во внимание отмеченные выше обстоятельства, а также то, что острота долгового кризиса несколько смягчилась, то становится понятнее переход от рестриктивных мер к активизации экономического роста в странах «третьего мира». Эта тенденция начинает прослеживаться в политике организаций западного мира, экспортирующих государственный капитал с середины 80-х годов. В этой связи вновь возрастает роль международных банков развития (и в первую очередь Мирового банка) как инструментов содействия экономическому росту в развивающихся государствах.

Одна из наиболее важных целей международных экономических организаций капиталистического мира во второй половине 80-х годов состоит в необходимости использовать частный капитал для решения задач, относившихся ранее к компетенции государственной «помощи», поскольку возможность поддерживать темпы прироста экспорта государственного капитала на уровне 70-х годов теперь значительно сократилась. В этом ключе выстроен план американского министра финансов Дж. Бейкера относительно выделения 29 млрд. долл. 15 основным странам-должникам на протяжении трех лет, причем Мировой банк должен дать 9 млрд. долл., а коммерческие банки — остальную сумму. В том же направлении действует предложение Мирового банка о создании Международного агентства по гарантированию инвестиций, которое вступило в силу 12 апреля 1988 г. В числе основных целей этого агентства стимулирование прямых частных инвестиций в развивающемся мире путем их гарантирования от потерь при ограничениях в вывозе капитала, от потерь собственности или части прибыли от административных или юридических акций правительства в стране приема, от потерь, понесенных в результате расторжения контракта, и от убытков, причиненных войной или «гражданскими беспорядками». Кроме того, агентство должно оказывать консультационные услуги.

К числу наглядных свидетельств подчиненности Мирового банка американскому влиянию можно отнести отказ в ноябре 1984 г. руководства этой организации от требования очередного общего увеличения капитала банка, на котором оно ранее решительно настаивало, после того как министр финансов США заявил об отсутствии поддержки этих требований¹²⁸. Однако использование Мирового банка для достижения американских целей — будь то поддержка программ МВФ либо поиски путей смягчения долгового кризиса с выдвиганием на первый план самого банка, не спасает последний от постоянной критики в его адрес со стороны политических деятелей правого толка.

В Вашингтоне в явной или скрытой форме часто обвиняют

международные банки развития в недостаточной приверженности интересам частного капитала, что является отражением тех же опасений, которые в свое время породили обвинения Мирового банка в содействии «строительству социализма»¹²⁹. В этой ситуации банку, который с самого начала своей деятельности превыше всего ставил «добродетели рыночной экономики и системы частной собственности»¹³⁰, приходится вновь и вновь доказывать очевидное. Как отмечалось в журнале «Экономист», «тот акцент, который банк демонстративно делает на частном секторе, может породить впечатление, будто в свое время он не особенно заботился о его интересах»¹³¹. Это, конечно, не так. Даже если толковать поддержку частному сектору узкопрагматически, то и по этим меркам Мировой банк выступает щедрым партнером частных предпринимателей. В начале 80-х годов 43% кредитруемых им средств поступали в частный сектор непосредственно. Еще около 40% кредитов предназначались для осуществления проектов, которые и в самих США стали бы объектом государственной деятельности. Только около 8% всех ссуд Мирового банка пошло на финансирование предприятий, которые непосредственно конкурировали с частным сектором¹³².

Как отметил корреспондент журнала «Фар Истерн Экономик Ревью»: «Парадоксально, что в период, когда совершенно очевидными стали последствия бесконтрольного предоставления средств в развивающиеся страны коммерческими банками и учреждениями по кредитованию экспорта, Мировой банк призывает почаще оставаться в стороне и дать коммерческим банкам и экспортным организациям возможность играть более активную роль»¹³³.

Недоверие, которое высказывают в последнее время США к международным банкам развития, является выражением сомнений не столько в эффективности этих организаций и приверженности интересам частного капитала вообще, сколько в их приверженности американским интересам. Это очевидно и для западных стран, представители которых отмечают, что «позиция США заслуживала бы большего доверия, если бы они связывали более жесткие экономические критерии предоставления займов с готовностью увеличить ассигнования на долгосрочное развитие»¹³⁴.

Помимо тех радикальных мер, которые используют США для переориентации общего курса международных финансовых организаций, существует сложный механизм контроля за повседневной работой этих организаций, призванный следить за учетом американских интересов в ходе разработки конкретных проектов и программ.

С 1945 г. ответственность за координацию участия США в международных экономических организациях возлагалась на Национальный совещательный комитет по проблемам международной финансовой и кредитной политики (НСК), состоящий

из руководителей министерства финансов, министерства торговли, Государственного департамента, председателя Совета управляющих федеральной резервной системы и председателя Совета директоров Экспортно-импортного банка США. Этому комитету подчинен Координационный комитет по развитию, оперативным органом которого является Рабочая группа по многосторонней помощи (РГМП). Низовым и непосредственно связанным с повседневной деятельностью международных финансовых организаций подразделением служит Отдел по международным банкам развития, входящий в состав министерства финансов США, которое и является инстанцией, принимающей конкретные решения. Вместе с тем все заинтересованные американские учреждения получают список проектов, находящихся в стадии обсуждения, и могут выходить со своими предложениями в Отдел по международным банкам развития. В случае невозможности согласовать то или иное решение в Отделе материалы поступают выше по инстанции вплоть до НСК, а в чрезвычайных случаях доходят до президента США.

В первые десятилетия, когда доминирующая роль Соединенных Штатов воспринималась как сама собой разумеющаяся, позиция Мирового банка весьма однозначно отражала их интересы. Как пишет американский исследователь Л. Шульц, «неофициально выраженное несогласие США по проектному предложению служило для руководства Мирового банка сигналом для снятия этого предложения с повестки дня»¹³⁵.

Можно, очевидно, провести параллель между невниманием, проявлявшимся Мировым банком к производству продовольственных культур в развивающихся странах, и регулярными ограничениями Конгресса США на предоставление американского технического содействия и экономической «помощи» для увеличения в стране-получателе производства культур, которые могли бы конкурировать на мировом рынке с культурами, экспортируемыми США.

Обсуждая влияние США на деятельность банков развития, один из представителей министерства финансов так охарактеризовал ситуацию: «Соединенные Штаты являются ведущим держателем акций группы Мирового банка и Межамериканского банка развития и одним из основных держателей акций Азиатского банка развития. Аналогия предполагает, что банки, как и любая корпорация, обязаны отстаивать интересы основных акционеров... их влияние сказывается в действиях, которые банки не предпринимают, например, предложения о предоставлении кредитов или об изменении политики, которые не поступают на обсуждение Советов директоров из-за предполагаемой отрицательной реакции со стороны США»¹³⁶.

Однако механизм априорного учета позиций США в последнее время начинает действовать со сбоями. Если до конца 1969 г. в Мировом банке представители США не отклонили ни одного предложения о предоставлении займа, то за после-

дующие пять лет они 14 раз либо воздерживались от участия в голосовании, либо голосовали против. В какой-то мере это можно объяснить определенной эрозией доминирующих позиций США, но главным образом — увеличением доли «помощи», предоставляемой США развивающимся странам через международные организации (в среднем за 1962—1963 гг. она равнялась 10,2%, а в 1972—1973 гг. — уже 26,9%¹³⁷), что привело к более внимательному отношению к использованию средств, распределяемых по многосторонним каналам. В последующем число случаев голосования против или неучастия в голосовании резко возросло и к 1980 г. достигло 85¹³⁸, а за первые четыре года правления администрации Рейгана число таких случаев достигло 50¹³⁹. Успешные попытки США совместить свои текущие политические интересы с основной линией международных экономических организаций капиталистического мира на создание общестратегических предпосылок стабильного функционирования МКХ в конечном счете существенно сужают сферу деятельности этих организаций, призванных прежде всего решать проблемы, неразрешимые путем простого политического давления (характерным инструментом которого выступает двусторонняя «помощь»). Однако использование Соединенными Штатами международных банков развития как еще одного канала внешнеполитической деятельности остается неотъемлемой чертой функционирования последних.

Примером может служить принятая в 1972 г. так называемая поправка Гонзалеса к законодательному акту об участии США в международных банках развития, требующая от американских представителей в этих организациях голосовать против любого выделения средств стране, которая либо национализировала собственность, либо отказалась выполнять условия договора, либо приняла какие-либо дискриминационные меры против американского гражданина или корпорации, в которой не менее 50% собственности принадлежит американским гражданам.

Среди подтверждений приверженности этому курсу можно назвать принятие поправки к Законопроекту об иностранной помощи 1977 г., в которой предписывается исполнительным директорам во всех международных банках развития препятствовать предоставлению кредитов в страны, где нарушаются «права человека». На основании этого закона президент США запретил представителям страны во всех международных экономических организациях санкционировать финансирование проектов на Кубе, в Анголе, Мозамбике, Вьетнаме, Кампучии, Лаосе¹⁴⁰. Здесь явно проглядывает стремление США «наказать» страны, активно выступающие против империалистической политики Запада.

Вместе с тем, по мнению специалистов из американского Института продовольствия и политики развития, «Мировой банк имеет большую свободу действий, чем программы двусто-

ронней помощи, которые сильнее подвержены давлению со стороны религиозных и филантропических организаций в США. Поэтому банк может стать альтернативным каналом для предоставления экономической помощи в тех случаях, когда двусторонние американские каналы блокированы»¹⁴¹. В качестве примеров приводятся Чили после прихода к власти генерала Пиночета, а также Бразилия в период правления военных, т. е. государства с явными нарушениями прав человека.

Пока не существует методов, позволяющих оценить с количественной точки зрения те преимущества, которые получают США и их партнеры, используя многосторонние экономические организации капиталистического мира для регулирования взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами с целью удовлетворения своих военно-стратегических, политических и экономических интересов. США реализуют эти преимущества и как наиболее влиятельный пайщик в этих организациях, и как составная часть системы мирового капитализма, на стабилизацию которой направлена деятельность банков развития.

Цифры, которыми оперируют сторонники активизации деятельности международных банков развития, отражают незначительную, видимую невооруженным взглядом часть выгод, причем только экономического характера, получаемую центрами МКХ. Как заявил в 1981 г. член палаты представителей Т. Эванс на слушаниях в Конгрессе США: «Слишком часто... мы вынуждены сводить оправдание нашего участия в международных банках развития к проблемам звонкой монеты, чтобы обеспечить поддержку этих программ у наших скептических коллег. И хотя не вызывает сомнений, что экономические выгоды намного перевешивают затраты, важность многосторонней помощи проявляется прежде всего в области внешней политики... По-моему, эти банки столь же важны для нашей внешней и национальной безопасности, как и затраты, предназначенные для министерства обороны»¹⁴².

Аргументированнее выглядят соображения экспертов НСК относительно важности деятельности международных банков развития для национальных интересов США¹⁴³. В первую очередь они подчеркивают роль банков в оказании воздействия на развивающиеся страны с целью принятия ими «прозападной рыночной ориентации». Сюда же относится и необходимость получения поддержки от развивающихся стран в реформе систем международной торговли и финансов. К следующим по важности отнесены мероприятия банков, содействующие росту экспорта, гарантированию безопасности инвестиций, соблюдению долговых обязательств. На последнем месте в предложенной системе распределения деятельности банков по их значимости для США стоит их роль в обеспечении доступа к сырью и формированию новых инвестиционных возможностей.

При всей неполноте перечисленных функций, выполняемых

международными экономическими организациями, следует отметить, что основное внимание специалистов НСК справедливо сосредоточено на глобальных, имманентно присущих организациям такого ранга аспектах деятельности: навязывании капиталистической ориентации развития и борьбе за сохранение неравноправных международных экономических отношений.

Для сложившейся системы международных капиталистических экономических организаций возможность выполнения функций коллективного государственного регулятора внешнеэкономической сферы обусловлена прежде всего назревшей потребностью в таком регулировании. При всей непоследовательности своих действий эти организации выступают в качестве реального воплощения центростремительной тенденции в капиталистическом мире. Однако конкретной основой, позволяющей международным экономическим организациям «оторваться» от узко понимаемых национальных интересов отдельных стран, являются, с одной стороны, межимпериалистические противоречия, противодействующие узурпации власти США, а с другой — наличие в ведущих империалистических державах влиятельных сил, чьи интересы простираются за пределы национальных границ, т. е. транснациональных компаний.

Наблюдаемая в 70-е годы диверсификация деятельности и количественная экспансия международных экономических организаций капиталистического мира явилась одним из проявлений настоящей необходимости в усилении государственно-монополистического регулирования взаимоотношений между центром и периферией МКХ, с одной стороны, и возросшими возможностями этих организаций проявить такой глобальный подход вследствие перехода капиталистического мира от доминирования одной державы — США к появлению «треугольника» ведущих сил: США, Западной Европы, Японии, и стремительного роста могущества транснациональных корпораций — с другой.

Несмотря на отчетливо проявляющуюся с начала 80-х годов неудовлетворенность Вашингтонской администрации деятельностью Мирового банка и вытекающие отсюда ограничительные меры, этот институт остается важным элементом системы мирохозяйственных связей.

Необходимость активного участия Мирового банка в капиталистической трансформации сельского хозяйства развивающихся стран, наряду с прочими причинами, обусловлена и тем, что этот сектор экономики занимает весьма низкое место в приоритетах иностранного капитала. Для последнего программы «помощи» остаются и мощным каналом сбыта продукции агропромышленности Запада, и орудием воздействия на характер преобразований в сельском хозяйстве развивающегося мира. Достаточно привести хотя бы тот факт, что доля сельского хозяйства во вместе взятых общих капиталовложениях США, Франции, ФРГ, Великобритании и Японии в развивающиеся стра-

ны во второй половине 70-х годов составляла только 1% для текущих инвестиций и 2% для совокупных¹⁴⁴.

Эволюция отношения США к деятельности международных банков развития (прежде всего в аграрной сфере освободившихся стран) ясно показывает, что объективно существующая тенденция к подтягиванию наиболее отсталых звеньев МКХ, в данном случае сельского хозяйства развивающегося мира (в формах, естественно, обеспечивающих воспроизводство отношений зависимости), реализуется отнюдь не прямолинейно. Эта тенденция прокладывает себе дорогу в ходе взаимодействия мощных сил, действующих в направлениях не совпадающих, а нередко и противоположных данной тенденции. Весомым фактором в наборе упомянутых сил является позиция самих освободившихся государств, степень их сплоченности, готовности выступать единым антиимпериалистическим фронтом, их общеэкономические достижения.

Особенности функционирования Азиатского банка развития

Создание в 1966 г. по инициативе Экономической комиссии для стран Азии и Дальнего Востока (ныне ЭСКАТО) Азиатского банка развития ознаменовало завершение организации сети региональных банков на всех трех континентах развивающегося мира.

Образование сети региональных банков было вызвано комплексом причин. Одна из них — осознание неоднородности развивающихся стран, которое капиталистическому миру необходимо принимать во внимание при проведении своей общестратегической линии. Эта линия явилась развитием тенденции, проявившейся еще при создании МАР. Тогда впервые на международном уровне был осуществлен принцип дифференцированного подхода к развивающимся странам, в данном случае исходя из уровня их национального дохода. Приближенность региональных банков к местным условиям, знание специфики развития — все эти особенности должны, по замыслу их создателей, содействовать эффективности операций банков.

Еще одной причиной организации региональных банков, как уже отмечалось, было намерение США подключить своих партнеров к более активному финансированию процесса развития, учтя их региональные интересы. Азиатский банк развития охватывает район, к которому традиционно проявляла большой интерес Япония. Неудивительно, что она наравне с США стала ведущим акционером этого банка, подписавшись на 20% уставного капитала.

Не менее существенным моментом при организации региональных банков выступает желание империалистических держав избежать обвинений в пренебрежении интересами разви-

вающихся стран — их членов, предъявляющихся Мировому банку. Региональная общность, по мнению организаторов АзБР, должна оттеснить на второй план противоречия между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. В уставе АзБР оговорено, что 60% капитала и, следовательно, как минимум 60% голосов должны принадлежать странам, входящим в азиатско-тихоокеанский регион. Так создается видимость, что региональные проблемы решаются самими азиатскими странами, без вмешательства извне. Но при этом затеняется то обстоятельство, что в одну группу включаются и развитые капиталистические государства (Япония, Австралия, Новая Зеландия), и беднейшие островные государства. Это дает возможность, соблюдая уставное требование (на декабрь 1979 г. на страны рассматриваемого региона приходилось 68% голосов), концентрировать большинство голосов в руках развитых капиталистических стран (их доля составляла 56%)¹⁴⁵.

Решающая роль США в образовании АзБР и их последующая высокая заинтересованность в его деятельности в значительной мере объясняются стратегическими соображениями, близостью стран данного региона к СССР. Характерно, что в 50-е годы на азиатские страны, расположенные вдоль южных границ социалистического лагеря, приходилось 75% американской «помощи»¹⁴⁶. И ныне поддержка прозападных режимов, стоящих у власти в странах — получателях основной доли ресурсов Азиатского банка развития, базируется на стремлении международного империализма организовать «санитарный кордон» вокруг азиатских социалистических стран и государств социалистической ориентации, а также на попытках во что бы то ни стало доказать преимущества капиталистической модели развития для освободившихся от колониальной зависимости стран. Деятельность АзБР лежит в русле усилий Запада приуменьшить успехи стран, отвергнувших капиталистический путь развития, и противопоставить им достижения, которые при активной поддержке государственного и частного иностранного капитала стали возможными в ряде азиатских государств, прежде всего в странах, относимых к «новым индустриальным». Как заявил исполнительный директор США в АзБР Дж. Бон: «Наша активная поддержка Азиатского банка развития позволяет нам непосредственно наблюдать это важное соревнование в азиатско-тихоокеанском регионе и, что еще более важно, позволяет непосредственно воздействовать на него»¹⁴⁷.

Не менее важна и растущая заинтересованность США в экономическом потенциале региона, обслуживаемого АзБР. Так, на Индонезию, Малайзию, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Тайвань, Южную Корею и Гонконг — т. е. группу стран и территорий, пять из которых входят в семерку крупнейших получателей ресурсов АзБР, — в начале 80-х годов приходилось около 10% экспорта США. Это примерно столько же, сколько экспор-

тировалось в Японию, и в два раза больше, чем в ФРГ. Причем темпы роста американского экспорта в названные страны на протяжении 70-х годов почти в два раза превышали аналогичный показатель для всего капиталистического мира в целом (соответственно 15 и 8%)¹⁴⁸.

За счет удаленности АзБР от Соединенных Штатов информированность американских официальных лиц относительно положения дел в нем менее полна, чем о ситуации в Мировом банке или Межамериканском банке развития, чьи штаб-квартиры находятся в Вашингтоне¹⁴⁹. Именно это обстоятельство побуждает США внимательно относиться к отставанию американских интересов в Маниле — местопребывании АзБР. Известно, что группа помощников американского исполнительного директора в АзБР многочисленнее и опытнее, чем у аналогичных должностных лиц, представляющих США в других международных банках развития¹⁵⁰.

США получают непосредственную экономическую выгоду от функционирования АзБР. Как отмечал в 1982 г. журнал «Бизнес Америка»: «Для компаний США Азиатский банк развития означает множество проектов каждый год, создающих предпосылки для продажи товаров и консультационных услуг»¹⁵¹. Американские фирмы получают 20% консультационных контрактов и 8,5% контрактов, связанных с поставками оборудования и товаров из общего числа контрактов, возникающих в результате деятельности АзБР. Если же учитывать филиалы американских компаний, то доля США в продажах товаров, связанных с проектами Азиатского банка развития, составляла в начале 80-х годов около 10—12%¹⁵². К концу 1982 г. совокупная сумма контрактов, полученная фирмами США в связи с проектами АзБР, составила 500 млн. долл. При этом не учитывался объем повторных заказов, поставок запасных частей и оборудования и других видов внешнеэкономических связей, которые неминуемо сопровождают размещение основного заказа. По самым скромным подсчетам, их стоимость в 2—3 раза превышает суммы, которые фигурируют в первоначальных контрактах¹⁵³. Как откровенно писал в 1983 г. Дж. Бон: «Американцы получили экономические, политические и стратегические выгоды, намного превышающие сумму их взносов в банк, которая за его 16-летнюю историю составила около 1 млрд. долл. и эквивалентна затратам США на ведение войны во Вьетнаме в течение двух недель»¹⁵⁴.

Деятельность АзБР теснейшим образом связана с Японией. Она, наряду с США, является ведущим «держателем акций» банка, а в самое последнее время, в связи с уменьшением участия США в его финансировании, вышла на первое место. В деятельности АзБР можно обнаружить немало черт, несущих отпечаток интересов Японии и ее подходов к решению тех или иных проблем.

Специфика Японии во взаимоотношениях с развивающимся

миром характеризуется прежде всего высоким удельным весом последнего в показателях внешней торговли этой страны, намного превышающим аналогичные индексы для других крупных капиталистических государств. В начале 70-х годов доля развивающихся стран в импорте Японии составляла 56%, а в экспорте — 46%¹⁵⁵. Соответствующие показатели, например, для Франции равнялись 27 и 24%, Великобритании — 21 и 25%, ФРГ — 21 и 18%¹⁵⁶. Таким образом, Япония весьма заинтересована в развивающихся странах и как потенциальном рынке сбыта своих промышленных изделий, и как поставщике сырьевых товаров.

Географическое распределение средств банка отражает японскую заинтересованность в поддержании контактов с наиболее развитыми странами региона, причем этот подход был особенно характерен для начального этапа деятельности банка. Например, в 1972 г. 60% средств, выделенных банком, предназначались для стран Юго-Восточной Азии, а львиная доля остальной части средств была предоставлена Южной Корее¹⁵⁷ (интересно, что аналогичную структуру распределения ресурсов продемонстрировала японская правительственная «помощь развитию»: в 1973 г. в страны ЮВА поступило 88,1% общего объема средств)¹⁵⁸.

Более подчиненный экономическим мотивам подход Японии к деятельности как международных, так и ее национальных агентств по оказанию «помощи развитию» отмечается во многих исследованиях. Так, А. И. Кравцевич подчеркивает, что в достижении Японией двуединой задачи обеспечения сырьем и рынками сбыта политическая роль «помощи» отходит на второй план, «придавая ей по преимуществу экономический и даже внешнеторговый характер»¹⁵⁹. Эту же особенность Азиатского банка развития выделяют авторы документа, подготовленного для Конгресса США, отмечая, что «Мировой банк и Межамериканский банк развития рассматривают себя прежде всего как институты развития и уже потом как банки, тогда как АзБР прежде всего банк и лишь во вторую очередь институт развития»¹⁶⁰. Очевидно, не случайным являются и более жесткие условия предоставления японской «помощи развитию» по сравнению со средними для стран — членов ОЭСР, что проявляется в меньшем элементе субсидии в предоставляемых Японией займах, в более высокой ставке взимаемого процента, в более коротких сроках погашения кредитов и льготного периода¹⁶¹ и более жестких по сравнению с Мировым банком условиях предоставления займов. Вместе с тем не следует забывать, что за лежащим на поверхности экономическим прагматизмом Японии скрываются политические устремления стремительно прогрессирующей империалистической державы.

В АзБР с момента его образования были сильны консервативные настроения, которые в 80-е годы получили дальнейшее развитие. Социальный компонент в деятельности банка присут-

ствует только в незначительной мере. В АзБР предпочитают ориентироваться на экономически «надежные» проекты инфраструктурного профиля. Возможно, что именно в силу демонстрируемого банком подхода США занимали менее непримиримую позицию в вопросе о расширении его деятельности, чем в отношении МБРР/МАР. Они согласились на увеличение капитала банка на 105% в течение 1983—1987 гг.¹⁶²

Поддержка, оказываемая США Азиатскому банку развития, тесно увязывается с выполнением предъявляемых к нему требований. С начала 80-х годов американские представители в банке развернули кампанию по повороту АзБР «лицом к частному капиталу». По заявлению американских официальных лиц, США «возглавили усилия, чтобы убедить Азиатский банк развития расширить совместное финансирование» и «способствовали созданию филиала для финансирования частных акционерных компаний», что «должно содействовать усилению той роли, которую частный капитал в Азии способен играть в процессе развития»¹⁶³. Закономерно, что упомянутые рекомендации в 1983 г. были приняты к осуществлению. Руководство АзБР развернуло научно-исследовательскую деятельность, для того чтобы расширить «диалог о политике стран — участниц банка», что на деле означает укрепление всемерно поддерживаемой США тенденции к навязыванию политически суверенным странам решений по общим вопросам государственной экономической политики.

Структура АзБР во многом копирует апробированную организацию Мирового банка. В результате консолидации разрозненных фондов в 1974 г. в банке был создан Азиатский фонд развития для предоставления займов на льготных условиях наименее развитым странам региона, т. е. возник орган, аналогичный по своим функциям МАР. Он существует за счет добровольных отчислений стран-доноров и регулярно пополняется. В 1982 г. было принято решение о пополнении Азиатского фонда развития на 1983—1986 гг. На эти цели было запланировано выделить 3,2 млрд. долл.

В 1978 и 1979 гг. была проведена реорганизация оперативных и административных подразделений банка, в определенной мере аналогичная реформе структуры Мирового банка середины 70-х годов. Среди прочих изменений следует отметить появление самостоятельного отдела сельского хозяйства и сельского развития и отдела политики развития, что предполагает большую самостоятельность по сравнению с предшествующим периодом, когда банк использовал теоретические разработки Мирового банка. Наблюдается быстрый рост основного персонала банка. Только за два года (с конца 1979 по конец 1981 г.) число специалистов в АзБР возросло на 30% и достигло 468 человек.

В первые годы своего существования АзБР уделял незначительное внимание развитию сельскохозяйственного производства в регионе, что объясняется, среди прочих причин, тем, что ад-

министрация банка не хотела рисковать, обращаясь к проектам с большой степенью неопределенности, каковыми являются проекты в аграрной сфере. Доля сельского хозяйства в суммарном кредитовании АзБР за 1968—1972 гг. составляла 13% (23% в МАБР и 20% в Мировом банке)¹⁶⁴, причем следует отметить определенные различия в структуре кредитования аграрной сферы. Если в упомянутый период основная часть ресурсов, идущих в эту сферу в Мировом банке и МАБР, предназначалась для кредитования непосредственных производителей и для сельского развития, то для АзБР расходы по этим статьям составили менее половины всей суммы средств, предназначенных для сельского хозяйства¹⁶⁵.

Статистика Азиатского банка развития объединяет кредитование сельского хозяйства и агроиндустрий, поэтому получающиеся цифры дают завышенное представление о роли сельского хозяйства в деятельности этого института. Тем не менее эти данные позволяют судить о динамике роста данного направления кредитования банка. За минувшее десятилетие доля кредитования сельского хозяйства и агропромышленности увеличилась примерно наполовину¹⁶⁶.

Можно отметить определенные сдвиги в понимании Азиатским банком развития нужд своего региона, сконцентрировавшего наибольшие массы обнищавшего, в первую очередь сельского, населения развивающегося мира. Если в 1974 г. американские экономисты подчеркивали приверженность руководства АзБР кредитованию только крупных инфраструктурных объектов в сельской местности и отмечали большую долю средств, выделяемых на механизацию сельского хозяйства¹⁶⁷, то ныне, по крайней мере на словах, руководство АзБР признает значенне и важность социальных аспектов развития аграрной сферы. Так, в годовом отчете АзБР за 1981 г. можно прочесть о выработке стратегии «помощи бедным», включающей улучшение продуктивности и состояния социальной инфраструктуры в сельской местности, обеспечение лучших условий в области здравоохранения, образования и жилищных условий для беднейших слоев населения, достижение средних темпов прироста населения¹⁶⁸. Основным каналом для осуществления этой стратегии администрация Азиатского банка развития называет Азиатский фонд развития.

Между АзБР и Мировым банком поддерживаются тесные контакты как на официальном уровне, так и в рабочем порядке. Так, начиная с 1979 г. проводятся ежегодные встречи на высшем уровне руководства трех региональных банков и Мирового банка. Идет активный обмен документацией, осуществляются проекты совместного финансирования, причем характерной чертой становится обсуждение при встречах проблем глобального порядка и выработка совместной позиции региональных и Мирового банков по этим проблемам.

Итак, международные финансовые организации были и оста-

ются важным фактором воздействия на аграрную сферу развивающихся стран, содействуя сдвигам в требуемом Западом направлении. Для достижения поставленных перед ними задач эти организации существенно расширяют объем финансирования, а также активно используют нефинансовые аспекты деятельности для оказания нажима на развивающиеся страны, чтобы заставить их принять навязываемые извне решения. Лидирующая роль Мирового банка проявляется как в объемах управляемых им ресурсов, так и в возрастании его координирующей деятельности. Сложилась своеобразная иерархическая структура международных организаций, действующая и при регулировании процессов аграрной трансформации развивающегося мира. Во главе стоит Мировой банк, наиболее жестко «привязанный» к стоящим за его спиной развитым капиталистическим странам, прежде всего США. Затем следуют региональные банки, демонстрирующие разную степень зависимости от той или иной ведущей империалистической страны или их групп и решающие задачи более прагматического характера, и, наконец, в основании пирамиды воздействия на развивающиеся страны находятся разнообразные международные организации, занимающиеся частными вопросами аграрного развития либо рассматривающие его проблемы сквозь призму своей основной деятельности (Всемирный продовольственный совет, Международный фонд сельскохозяйственного развития, специализированные учреждения ООН и т. д.). Эти последние организации, по сути дела, втягиваются в урло деятельности стратегически разрабатываемой на высших уровнях системы и остаются органами, не обладающими возможностями реально влиять на развитие событий в интересующей нас области.

АГРАРНЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: ПОЛОЖЕНИЕ ДОНОРОВ И ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛА

«Помощь» как инструмент удовлетворения текущих и долгосрочных потребностей империалистических держав в развивающемся мире

Подвести итоги деятельности международных и национальных организаций «помощи» в сельском хозяйстве и продовольственном комплексе развивающихся стран непросто. Пока нет возможности установить количественно определенные соотношения между размерами притока материальных и финансовых ресурсов и их отдачей в экономику развивающихся стран. Проблема заключается не только в сложности учета многообразных последствий воздействия «помощи» на общественную и хозяйственную жизнь развивающейся страны (неожиданные результаты подчас играют не менее существенную роль, чем запланированные). Ограничения накладывают разрозненность и скудность информации о результатах реализации даже отдельных проектов, не говоря уже о более долгосрочных и агрегированных показателях. Частично это обстоятельство можно отнести на счет слабости статистических служб в развивающемся мире. Но во многом такая ситуация порождена позицией самих агентств «помощи». Западные исследователи отмечают, например, что даже Мировой банк, организация с мощной информационной базой, «предпринял на удивление мало усилий для оценки своей деятельности... в различных странах. В результате отсутствует систематическая сравнимая оценка его экономической и секторальной работы, или, если выразиться прямо, его рычагов давления на принимающие страны»¹.

Мировой банк только с середины 70-х годов начал выборочные обследования завершенных проектов, которые служат основой для ежегодных обзоров², но оценить результаты осуществления проектов, их влияние на распределение доходов и занятость населения, по мнению голландского исследователя Ван де Лаара, не пытались³. Особенно сложно определить результаты проектов «сельского развития», претендующих на достижение определенных сдвигов не только в производственной, но и в социальной сферах. Как признают сотрудники Мирового банка, даже для их организации, использующей «наиболее сложные из

доступных методов анализа, трудности оценки результатов и последствий деятельности в области сельского развития представляются непреодолимыми»⁴. Думается, что в позиции стран-доноров наряду с объективными трудностями отразился и стереотип априорных представлений о том, что «помощь» вносит положительный вклад в ту сферу производства или услуг, для которой она предназначена. Неудивительно, что число исследований, посвященных проектам «помощи», в том числе и в деревне развивающихся стран (не говоря уже о страновых работах), минимально. Это объясняется строго ограниченным доступом к информации, существующим в агентствах «помощи», и болезненной реакцией на попытки осветить негативные стороны деятельности этих агентств.

Несмотря на неполноту и фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении данных, можно выявить основные тенденции в воздействии международных и национальных организаций, связанных с вывозом государственного капитала, на ход процессов, идущих в недрах аграрных структур развивающегося мира, а также на продовольственное положение его населения.

Целесообразно разграничить анализ результатов вывоза государственного капитала в сельскохозяйственный сектор и продовольственный сектор экономики развивающихся стран, а также проводить его отдельно для этих стран и развитых капиталистических государств. Противоречивость интересов упомянутых страновых групп предопределяет различную трактовку одного и того же результата политики «помощи» для каждой из них.

За разнообразием движущих сил, форм и методов предоставления «помощи», которое наблюдается в странах развитого капитализма, проступает общая цель: стабилизировать и совершенствовать неоколониализм как систему отношений, гарантирующую возможность эксплуатации периферии МКХ.

Всемерное содействие перемещениям товаров и капитала в рамках МКХ являлось и является одной из основных функций «помощи». Она решается на двух ведущих направлениях. Во-первых, экономическая «помощь», включая и ее «аграрный» компонент, участвует в создании необходимых предпосылок для деятельности частного иностранного капитала в развивающемся мире (сначала сосредоточившись на создании физической инфраструктуры, а затем перейдя к решению вопросов подготовки кадров, расширения сферы действия товарно-денежных отношений, смягчения позиции государства в отношении иностранного предпринимательства и т. д.). Во-вторых, вывоз государственного капитала в интересующие нас сферы активно содействует сбыту товаров и услуг, производимых в промышленно развитых капиталистических государствах. Причем сбытовая функция «помощи» приобретает особое значение в периоды кризисов мировой капиталистической экономики, когда товарообмен по коммерческим каналам стагнирует или сокращается. Не случайно

именно на эту сторону вывоза государственного капитала обратили свое внимание специалисты ОЭСР в трудном для международных капиталистических торговых отношений 1983 году, отметив, что «достаточные размеры помощи, эффективно употребленные для того, чтобы позволить развивающимся странам сохранить минимальный рост импорта, должны рассматриваться как компонент глобальной стратегии оздоровления мировой капиталистической. — С. И.) экономики и долгосрочного роста»⁵.

Существует тесная зависимость между объемами ссужаемых или предоставляемых на безвозмездной основе государственных ресурсов в рамках «помощи в целях развития» и размерами товарных поставок, в которых материализуется значительная часть финансируемых средств. Причем для двусторонних соглашений по оказанию «помощи в целях развития» такая взаимосвязь оговаривается, как правило, заранее, т. е. происходит «привязывание» получателей «помощи» к поставщикам страны-донора.

Так, в середине 70-х годов США выделяли в рамках «помощи в целях развития» и по каналам Фонда экономической поддержки около 2 млрд. долл. в год. Примерно три четверти этих средств использовалось на закупки товаров и услуг в США. Переход к проектам, «ориентированным на основные потребности», привел к некоторому уменьшению упомянутого показателя, так как сократились затраты, оплачиваемые иностранной валютой⁶. Думается, что последнее обстоятельство, наряду с другими причинами, также повлияло на сокращение доли средств, выделяемой на такого рода проекты, в общем объеме американской «помощи».

Предоставление «помощи» международными организациями не содержит оговорки относительно страны происхождения поставляемых на данные средства товаров (кроме ограничения поставщиков кругом стран — членов той или иной организации). Однако практика международных торгов свидетельствует, что заказы, как правило, достаются крупнейшим фирмам, производящим продукцию соответствующей номенклатуры, а это обычно западные фирмы. Здесь играет роль не только качество и цена поставляемых ими товаров, но также и то, что сами проектные решения уже заранее ориентированы на определенные типы технологий и материальные компоненты, производимые в развитых капиталистических странах или при их непосредственном участии в развивающихся государствах, т. е. в этом случае «привязывание» происходит не к отдельной стране, а к группе промышленно развитых капиталистических стран в целом.

Специфика вывоза государственного капитала по многосторонним каналам, прежде всего через международные банки развития, состоит в том, что страны-доноры реально вносят значительную часть уставного капитала этих организаций, а подавляющая часть только гарантируется (за всю историю существования ни один из банков не сталкивался с необходимостью обращаться к этим резервам). Таким образом, внося сравнитель-

но небольшие средства, страны-доноры стимулируют значительные объемы международной торговли (международные банки развития заимствуют финансовые ресурсы на международных рынках под гарантию своего уставного капитала). Например, на 30 июня 1980 г. суммарные обязательства МБРР составляли 59,3 млрд. долл., а реальный вклад США к этому сроку равнялся 934,7 млн. долл., т. е. соотношение 1:60. Соотношение взноса США к продажам, порожденным кредитами МБРР и реализованным американскими фирмами, по самым скромным подсчетам, было 1:7⁷.

Продовольственная «помощь» также выступает мощным каналом сбыта продукции агропромышленного комплекса развитых капиталистических стран. Причем во многих случаях продовольственная «помощь» формирует первоначальный спрос на пищевые продукты, который в последующем начинает удовлетворяться за счет коммерческих поставок, т. е. выполняет роль коммивояжера и порой весьма настойчивого. Так, продовольственная помощь США начиная с 70-х годов стала предоставляться ряду стран при условии принятия ими на себя обязательства перейти к закупкам продовольствия на коммерческой основе. Такие требования были предъявлены, например, Доминиканской Республике в 1973 г., Египту и Южной Корее в 1975 г., когда льготные займы на закупку продовольствия в соответствии с Законом 480 обуславливались приобретением тех же сельскохозяйственных продуктов на коммерческой основе⁸.

Финансируются не только товарный экспорт, но и разнообразные услуги, объединяемые, как правило, понятием «техническое содействие». При этом значительная часть ссужаемых либо дарованных средств возвращается к донору в виде оплаты труда специалистов, оказывающих упомянутое содействие.

Данные о доле экспорта, финансируемого на средства «помощи», в совокупном вывозе товарной продукции из развитых капиталистических стран очень скудны. Очевидно, что она варьируется в значительных пределах в зависимости от продукции. Так, специалисты ЮНКТАД в одном из исследований пишут о «значительной» доле экспорта удобрений из развитых капиталистических стран в развивающиеся, которая финансируется из программ иностранной «помощи»⁹. В 1974 г. из этих средств было финансировано около 14% всего импорта удобрений в развивающийся мир, причем основная доля финансировалась Соединенными Штатами¹⁰.

При активном содействии государственного капитала экспортируются не только продукция конечного использования, но и производственные мощности. Подсчитано, что только один Мировой банк финансировал в развивающихся странах строительство приблизительно трети предприятий, производящих удобрения¹¹.

Следует подчеркнуть, что химическая промышленность развитого капиталистического мира стала одним из ведущих полу-

чателей выгод от вывоза государственного капитала в сельскую экономику развивающихся стран, как непосредственных, так и косвенных, вытекающих из ориентации аграрной периферии МКХ на широкое использование технологии «зеленой революции». Применение химических удобрений, как известно, является базой интенсификации сельскохозяйственного производства и расширяется в развивающихся странах стремительными темпами. Если принять уровень среднегодового потребления удобрений в этих странах в 1961—1965 гг. за 100, то в 1978 г. он составил уже 537 (в пересчете на 1 га — 477)¹². Спрос на удобрения в значительной мере удовлетворяется за счет импорта из развитых капиталистических стран, так, в 1976/77 фин. г. развивающиеся страны импортировали оттуда около 3,8 млн. т¹³. В конце 70-х годов на развивающиеся страны приходилось 15% общемирового потребления пестицидов, а доля инсектицидов в мировом потреблении равнялась 30%.

Удобрения производят около 400 крупных компаний, но из них только небольшая группа крупнейших ТНК занимает ведущие позиции в разработке новых технологий и производстве наиболее ответственных частей оборудования для предприятий, занятых в данной сфере. Как правило, они же доминируют в торговле удобрениями. Хотя предприятий с участием иностранного капитала либо принадлежащих ему в развивающихся странах сравнительно немного (в 1982 г. выпуск сырья для азотных удобрений на них составил 16%, а фосфорных удобрений — 7% национального производства¹⁴), все же контроль за разработкой новой технологии делает их позиции достаточно прочными. Строительство заводов по производству удобрений осуществляется при самом тесном сотрудничестве с западными ТНК.

Более сложные взаимоотношения у международных финансовых организаций с производителями сельскохозяйственных машин и оборудования. Всемирная поддержка механизации сельского хозяйства, продолжавшаяся вплоть до начала 70-х годов, сменилась более сдержанным отношением из-за невозможности внедрения мощной техники на мелкие земельные участки большинства производителей в развивающихся странах и наличия большого числа свободных рабочих рук. Несомненно, что действуют и силы, сближающие позиции названных организаций и монополий. Насыщение сельскохозяйственной техникой рынков западных держав (например, потенциально возможный спрос на универсальные трактора в развитых капиталистических странах был к концу 70-х годов удовлетворен уже на 70%¹⁵) и широкие возможности, открывающиеся на рынках освободившихся стран (аналогичный показатель в них составил лишь 1%¹⁶), подталкивают перестройку деятельности сельскохозяйственных монополий для удовлетворения потребности развивающегося мира в малогабаритных и простых в обслуживании сельскохозяйственных машинах.

Вывоз государственного капитала в сельскохозяйственные от-

расли экономики и сферу распределения продовольствия развивающихся стран становится предметом все более пристального интереса экспортеров развитого капиталистического мира. При спадах экономической конъюнктуры и обострении борьбы за рынки сбыта они стремятся улучшить условия продажи своих товаров путем использования средств «помощи». Как отмечают обозреватели, часть «помощи в целях развития» фактически используется «для удешевления частных экспортных кредитов, тем самым создавая конкурентные преимущества для своих экспортеров на иностранных рынках»¹⁷.

Подобная практика порождает своеобразную международную конкуренцию экспортеров, стремящихся в максимальной мере использовать возможности, которые предоставляет экспорт государственного капитала для «продвижения» своих товаров на рынки развивающихся стран. В качестве аргумента в пользу более активного пристегивания «помощи» к нуждам экспортных подразделений национальной экономики нередко используются ссылки на деятельность соседних стран. Так, представители американского бизнеса сетуют, что «политика и практика многих наших сильнейших экономических конкурентов состоит в использовании их программ иностранной помощи для поддержки экспортной торговли, зарубежных инвестиций или развития сырьевой базы. Эти цели, в свою очередь, тесно связаны с внутренними проблемами безработицы, производительности труда и инфляции»¹⁸. Однако сами американцы отнюдь не аутсайдеры на этом поприще. Например, программы продовольственной помощи широко использовались для расширения деятельности американского капитала в развивающемся мире. Принятие так называемой поправки Кули, предусматривающей возможность использования средств, полученных от продаж продовольствия по Закону 480, для поддержки американских компаний, позволило за годы действия этой поправки оказать финансовое содействие 419 американским фирмам в 31 развивающейся стране (среди них таким гигантам, как «Юнион Карбайд», «Рокуэл Интернэшнл», «Гудийер», «Ферст Сити Нэшнл Бэнк» и др.).

Стимулирующее американский экспорт воздействие продовольственной «помощи» проявилось по многим направлениям, в том числе в становлении новых для развивающихся стран отраслей пищевой промышленности, базирующихся на импортируемом сырье, а также в развитии производства в нетрадиционных отраслях животноводства. В качестве примера можно привести создание транснациональной корпорацией «Каргилл» промышленного птицеводства в Южной Корее. Компания широко пользовалась финансовой поддержкой правительства США, которая выделялась из средств, полученных при реализации программ продовольственной помощи. В результате Южная Корея, которая никогда не импортировала кукурузу, стала ее крупнейшим покупателем у США, чтобы обеспечить потребности находящейся под контролем названной ТНК индустрии птицеводства.

«Помощь» выступает не только инструментом проникновения на рынки развивающихся стран. Она может оказывать и «дополнительные» услуги по повышению прибыльности от зарубежных операций. Товары, поставляемые по программам двусторонней «помощи», как правило, обходятся дороже, чем покупаемые по коммерческим каналам. Есть данные, например, что зерно, поставляемое из США в Индию по программе продовольственной помощи, преднамеренно и систематически недовешивалось в среднем на 3%¹⁹. США в 70-е годы широко использовали «помощь» для сбыта пестицидов, которые были запрещены или ограничены для использования в этой стране²⁰. Хотя во второй половине 70-х годов УМР и разработало рекомендации, которые в случае применения незарегистрированных в США пестицидов требуют проводить «дополнительные исследования», но эти слабые ограничения не распространяются на поставки по коммерческим каналам (к которым вынуждены переходить развивающиеся страны после завершения проектов в рамках «помощи»). Коммерческий сбыт этих товаров в конце 70-х годов в 16 раз превышал продажи, финансируемые на льготных основаниях²¹.

Можно резюмировать, что иностранный государственный капитал в целом и поступающий в сельскохозяйственное производство и сферу продовольственного обеспечения развивающихся стран в частности является действенным инструментом создания устойчивого рынка сбыта товаров, услуг и технологий, создаваемых в центрах мирового капиталистического хозяйства и контролируемых, как правило, ТНК.

Не менее значима роль «помощи» и как фактора насыщения рынка сырьевых сельскохозяйственных продуктов, потребляемых в развитых капиталистических странах. Идея развития экспортного производства и необходимости активного включения в международное разделение труда (без обсуждения приемлемости для развивающихся стран тех законов, на основании которых строится это разделение труда) выступает постоянным рефреном сменяющих друг друга концепций «помощи».

Вывоз государственного капитала в аграрную экономику и сферу продовольственного обеспечения развивающихся стран выполняет функции, выходящие далеко за пределы удовлетворения бытовых и сырьевых потребностей западных монополий. В числе важнейших — сохранение устоев неокOLONиальной системы отношений в рамках МКХ. Задача сохранения контроля за развитием стран «третьего мира» становится все более актуальной по мере вызревания предпосылок для динамичных изменений в производительных силах и общественных отношениях этих стран.

Важной задачей, стоящей перед стратегами неокOLONиализма, является укрепление механизма зависимости развивающихся стран, которая позволяет оказывать давление на эти страны. Стабилизация системы международной эксплуатации, базирующаяся на угрозе и применении экономических и военных санк-

ций, выступает неизбежной альтернативой реальному смягчению существующих между центрами и периферией МКХ противоречий. Значительный вклад в формирование ныне существующего механизма влияния на развивающийся мир внесла «помощь в целях развития», которая начиная с 70-х годов в значительной мере была обращена на аграрную экономику развивающихся стран. «Помощь» выступает силой, которая, используя потребности развивающихся стран во внешних источниках финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов, влияет на направление и формы развития этих стран, содействует воспроизводству старых и становлению новых форм зависимости.

Механизм предоставления «помощи» превратился в глобальную систему сбора и анализа информации о наиболее важных сторонах жизнедеятельности развивающихся стран, выявления «болевых» точек их развития и побуждения правительственных органов этих стран к проведению политики, сообразной с господствующими на Западе представлениями о стратегии и тактике преодоления стоящих перед развивающимися обществами трудностей. Роль агропродовольственных направлений вывоза государственного капитала в этом деле трудно переоценить, так как широкомасштабное вмешательство в экономическую жизнь развивающихся стран в 70-е и 80-е годы в значительной мере оправдывалось лозунгами облегчения участи сельских бедняков, помощи голодающим в африканских странах и т. д.

Функционирование механизма «помощи» нередко ведет к укреплению зависимости развивающихся стран от развитых капиталистических государств. Уже отмечалась роль, которую в этом играет ориентация «помощи» на разработанные с учетом ситуации в промышленно развитых странах методы интенсификации возделывания сельскохозяйственных культур. Применение этих методов вызывает зависимость по целому «пакету» ресурсов, поставляемых развитыми капиталистическими странами. Свой вклад в формирование зависимости вносит и всячески поощряемое агентствами «помощи» наращивание экспортного потенциала аграрной экономики, продукция которой в основном реализуется транснациональными торговыми корпорациями. Оглядываясь в прошлое, можно утверждать, что отставание сельского хозяйства развивающихся стран было «запрограммировано» не только всем ходом колониального господства, но и стратегиями развития 50—60-х годов, разработка которых велась при непосредственном участии западных экспертов. Прослеживается тесная связь между существующим ныне тяжелым положением продовольственных подразделений сельского хозяйства многих развивающихся стран в Африке и тем, что в 60-е годы «помощь сельскому хозяйству африканских стран была сконцентрирована главным образом на развитии экспортных культур, так как большинство из этих стран ранее не страдало от сильной нехватки продовольствия»²².

Вместе с тем вклад «помощи» в воспроизводство отношений

зависимости развивающихся стран от развитых капиталистических государств нельзя оценивать однозначно. На одних направлениях благодаря «помощи» развивающиеся страны обретают большую свободу в решении некоторых задач развития экономики, в других случаях усиливается их подчиненность процессам, происходящим за пределами национальных границ. Результаты влияния «помощи» можно оценивать только в системе координат всего взаимодействия центров и периферии МҚХ. В этих оценках важны не только количественные, но и качественные параметры. Например, уменьшение зависимости от поставок продовольствия и увеличение зависимости от импорта наукоемких товаров производственного назначения может означать изменение структуры зависимости в направлении, содействующем экономическому развитию страны.

Следует подчеркнуть, что обострение аграрного кризиса, переживаемого развивающимися странами, расширяет возможности Запада вмешиваться в их экономическую и общественную жизнь. Чем с большими трудностями сталкивается та или иная развивающаяся страна в области сельского хозяйства, тем более категорично звучат советы национальных, а особенно международных организаций «помощи». В 80-е годы эти советы временами превращались в прямой диктат.

В этой связи хотелось бы отметить, что в 80-е годы изменилась в целом роль «помощи» в структуре экспорта государственного капитала из развитых капиталистических стран в развивающийся мир. Если ранее центральным звеном механизма внешнеэкономического воздействия на развивающиеся страны по межгосударственным каналам служили институты «помощи в целях развития», то в начале 80-х годов ведущая роль перешла к МВФ, занимающемуся краткосрочным кредитованием стран с дефицитами платежных балансов. Это связано с тем, что основной задачей развитого капиталистического мира стало стремление в максимальной мере использовать те выгоды, которые несет в себе долговая зависимость развивающихся стран, и в то же время не допустить развала валютно-финансовой системы капитализма из-за несостоятельности должников. Поэтому основное внимание развитых капиталистических стран сосредоточилось преимущественно на мерах краткосрочного характера, которые способствовали бы выполнению развивающимися странами своих текущих долговых обязательств. Вместе с тем долговое бремя наиболее развитой части освободившихся стран и острая нехватка финансовых ресурсов в остальных позволяют империализму навязывать этим странам мероприятия, которые наряду с текущим эффектом имеют и важные долгосрочные последствия.

В этих условиях «помощь в целях развития» постепенно становится инструментом поддержки тех правительств, которые вынуждены согласиться на изменение экономического и социального курса, продиктованного МВФ. Эта же «помощь» служит ин-

струментом принуждения несогласных. Как заявлял бывший президент Танзании Дж. Ньерере: «Совершенно недопустимо использование помощи в качестве инструмента политического давления, когда одна страна заявляет другой, что она поможет последней в борьбе с бедностью и голодом только в том случае, если та обеспечит преимущества частному предпринимательству в рамках национальной стратегии развития или же примет условия МВФ, часто не считающегося с социальными и экономическими интересами данной страны»²³.

Неотъемлемой частью деятельности сил неокOLONИализма выступает противодействие попыткам развивающихся стран изменить систему международных экономических отношений в свою пользу. «Помощь» сельскому хозяйству, предоставлявшаяся на протяжении большей части 70-х годов под лозунгом «борьба с бедностью», служила размытию позиций развивающегося мира в борьбе за НМЭП, так как она противопоставлялась как скорая, материально ощутимая альтернатива отдаленным результатам этой борьбы.

Еще одну важную грань деятельности исследуемых в настоящей работе направлений «помощи в целях развития» составляет использование этой «помощи» для удержания у власти прозападно ориентированных политических режимов. Цели такой поддержки становятся понятными, если учесть, что к началу 60-х годов 72% совокупной военной и экономической «помощи» направлялось в развивающиеся страны, расположенные вдоль советской и китайской границ²⁴.

Сферы приложения и формы предоставления «помощи», как известно, модифицировались с течением времени. Если в 50-е годы основная масса «помощи» была сосредоточена на покрытии бюджетных дефицитов «дружественных правительств» и снабжении их недостающими для хода воспроизводственного процесса материальными ресурсами (например, продовольственным зерном), то уже с начала 60-х годов ставится задача превращения «помощи» в инструмент проведения определенных структурных изменений в ходе экономической эволюции развивающихся обществ.

Политические интересы стран-доноров и представления о необходимости определенной модернизации стран — получателей «помощи» зачастую вступали в конфликт. Стоящие у власти прозападно настроенные режимы редко заинтересованы в создании долгосрочных условий для эксплуатации со стороны Запада. Вместе с тем поддержка более реформистски настроенных кругов в развивающихся странах — союзниках Запада всегда чревата приходом к власти сил, которые могут оказаться менее приверженными «ценностям западного мира». В такой противоречивой ситуации «помощь», в том числе аграрным и продовольственным подразделениям экономики развивающихся стран, была призвана наряду с остальными функциями обеспечивать определенные экономические преобразования в недрах господ-

ствующего строя, изнутри преобразуя его экономическую и социальную базу, при этом не затрагивая в целом выгодного империализму политического курса правящей верхушки. Именно опасениями нежелательных политических последствий продиктован уход агентств «помощи» от обсуждения таких острых проблем, как земельная реформа, низкий статус сельского хозяйства при распределении государственного бюджета и т. д.

Отсюда понятно стремление стран-доноров реализовывать свои проекты под руководством органов, автономных от местных государственно-административных учреждений, что позволяет в определенной мере обходить бюрократические препоны, которые зачастую ставятся не заинтересованными в реализации, скажем проекта сельского развития, служащими государственного аппарата.

Изменение общего курса неокOLONиализма в 80-е годы повлияло и на представления о методах поддержания политической стабильности в развивающихся странах. Явная неудача, которая постигла стратегию, направленную на осуществление определенной модернизации экономики развивающихся стран и прежде всего сельскохозяйственного производства под эгидой консервативных политических режимов, остро поставила вопрос о необходимости активизации роли государства в предлагаемой Западом перестройке развивающихся обществ. За рассуждениями о сокращении государственного вмешательства в экономическую жизнь развивающихся стран стоит стремление частного иностранного и местного капитала в значительно большей мере, чем прежде, использовать влияние и силу государственной власти для своих целей. Как показала практика развитых капиталистических государств (а именно к их опыту апеллируют стратеги нового курса неокOLONиализма), деятельность государства не сокращается абсолютно, она еще жестче ориентируется на поддержку частного капитала, сокращаясь на направлениях, контролируемых и ограничивающих активность последнего.

Неумение правящей верхушки развивающихся стран решать назревшие проблемы реформистскими методами стало восприниматься западными покровителями, как сползание к альтернативному варианту революции «снизу». С этими изменениями, очевидно, связан отказ от поддержки ряда «дружественных» режимов, например, на Филиппинах и Гаити. Политизация «помощи» состоит и в том, что она предоставляется в тесной связи с политическими отношениями между донорами и реципиентами, и в том, что эти отношения строятся ныне не только с учетом военно-стратегических, антикоммунистических и иных задач, но и исходя из готовности следовать в своей политике курсом на перестройку экономики и социальных отношений, открывающую дорогу для развития капиталистических отношений на периферии МКХ.

В тех случаях, когда правительство развивающейся страны идет на выгодные Западу уступки в своей внутренней политике,

иностранная «помощь» используется для смягчения трудностей, возникающих в ходе перестройки. При этом сказывается и психологическое содействие. Так, организации коллективного неокOLONиализма, и в первую очередь МВФ, выступают в качестве «громоотвода» для снятия политической напряженности, неизбежно сопровождающей меры жесткой экономии (в первую очередь за счет трудящихся), которые лежат в основе «стабилизационных программ» МВФ²⁵.

«Помощь» выступает орудием идеологической борьбы и в отношении стран социалистической ориентации. Хорошо известно, что западные государства очень неохотно идут на предоставление льготных ресурсов развивающимся странам, идущим по некапиталистическому пути развития. Правда, в последнее время раздаются призывы более гибкого использования государственных ресурсов в отношении этой группы стран. Так, Д. Рокфеллер заявил о необходимости активного использования «помощи» для изменения социалистической ориентации развивающихся стран, с целью направить движение этих стран «в сторону капиталистического мира»²⁶.

Функции «помощи» по стабилизации МКХ наиболее концентрированно проявились в попытках придать направленный импульс развитию капиталистических отношений в деревне развивающихся стран. Причем этот импульс был ориентирован не только на аграрную экономику в целом, но и на определенные, «целевые» группы сельскохозяйственных производителей, прежде всего на средних и мелких по размеру земельной площади землевладельцев. Одна из целей «помощи» состояла в подготовке и расширении социально-экономической базы капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве. Другой, не менее важной, целью вывоза капитала в аграрные звенья экономики и сферу распределения продовольствия было стремление частично рассосать ту массу пауперизированного сельского населения, дальнейшее нарастание которой ставило под угрозу политическую стабильность в целом ряде развивающихся стран прозападной ориентации.

Устранение «узких» мест в развитии сельского хозяйства развивающихся стран, которые осложняли эксплуатацию последних, проходило под знаком тесной преемственности концепций, определяющих характер «помощи». Это касалось и экономической доктрины западной «помощи» в 70-е годы, в соответствии с которой основной причиной отставания сельского хозяйства считали недостаточный приток капитала в эту сферу хозяйственной деятельности и несовершенство институциональных форм по доведению части этого капитала до мелких крестьянских хозяйств.

Опыт минувшего десятилетия показал неоднозначность результатов развития капитализма «снизу». Вырванные в ходе осуществления отдельных проектов из традиционных отношений и форм хозяйственной деятельности, многие крестьянские хозяй-

ства не интегрировались в общенациональный экономический организм и после прекращения поддержки извне возвращались либо к привычным видам деятельности, либо, оказавшись включенными в систему товарно-денежных отношений и не изыскав возможности для удовлетворения возросших требований производства за счет труда на своем участке, пополняли ряды ищущих применения своей рабочей силы. Но масштабы расширения предложения на рынке рабочей силы в аграрной экономике развивающихся стран оказались намного больше, чем возможности капиталистически организованного найма.

Осознав невозможность резко ускорить становление капиталистических отношений в массе сельскохозяйственных производителей, неокOLONиалистская стратегия 80-х годов обращается к крупным землевладельцам. Последние, если судить по тому значению, которое придается в этой стратегии действию «рыночных сил», очевидно, будут получать все большую часть ресурсов, поступающих по каналам сельскохозяйственной «помощи».

Ограниченные результаты имела попытка использовать «помощь» для того, чтобы приостановить процесс пауперизации сельского населения и тем самым понизить уровень социальной напряженности. Трудно не согласиться с теми буржуазными исследователями, которые считают, что «обнищавшие люди, не заинтересованные в существовании данной экономической системы и со слабой надеждой на лучшее будущее, являются опасно благоприятной почвой, на которой могут взойти и расцвести семена напряженности и радикализма. История демонстрирует тесную связь между экономическими трудностями и политической нестабильностью. Возросшее экономическое благосостояние в развивающихся странах само по себе не гарантирует политическую стабильность, но оно является ее необходимым элементом»²⁷.

Надежды на то, что обеспечение мелким земельным собственникам доступа к интенсивной технологии возделывания сельскохозяйственных культур позволит одновременно с ростом производства товарной продукции улучшить и материальное положение этих земледельцев, во многом не оправдались. Верховодящие в деревне развивающихся стран социально-политические силы оказались не пассивными наблюдателями попыток перераспределить средства, в том числе и поступающие по каналам «помощи», в пользу средних и низших слоев сельского населения. Полученные результаты показали, что «стратегии, которые избегают вопроса о том, кто же контролирует производственные активы, и нацелены лишь на увеличение производства, приводят в действие катастрофическую цепь событий, которые фактически ухудшают участь бедного большинства»²⁸.

Новое направление политики «помощи», получившее развитие с начала 80-х годов, предполагает меньшее внимание к низшим по доходам слоям населения, чем ранее.

Подводя итоги исследования результативности вывоза государственного капитала из развитых капиталистических стран,

предназначенного для модернизации сельскохозяйственного производства и улучшения продовольственного снабжения развивающихся стран, можно констатировать следующее. Успешно содействуя текущей эксплуатации развивающегося мира, «помощь» не сумела в полной мере выполнить возложенные на нее функции по формированию базы для стабильного долгосрочного использования материальных и людских ресурсов развивающихся стран. Частный иностранный капитал не смог пока обрести прочную опору для непосредственной деятельности в деревне и тем самым ускорить ее капиталистическое преобразование, по-прежнему он нуждается в посредниках. Остался весьма локализованным процесс капиталистической трансформации «снизу». Практически не сокращаются абсолютные размеры пауперизованного населения в деревне. Таким образом, основные проблемы, вызвавшие в свое время наращивание объемов «помощи», продолжают существовать, вызывая потребность в поисках все новых и новых подходов, в том числе в сфере «помощи для развития». Как подчеркнуто в Программе КПСС: «Диалектика развития такова, что те самые средства, которые капитализм пускает в ход с целью укрепления своих позиций, неминуемо ведут к обострению всех его глубинных противоречий»²⁹.

Влияние «помощи» на социально-экономическую ситуацию в сельском хозяйстве и продовольственное обеспечение развивающихся стран

Проблема оценки результатов влияния вывоза государственного капитала из стран развитого капитализма в агропродовольственные подразделения национального хозяйства развивающихся стран охватывает намного более широкий круг вопросов, чем задача определения выгод от упомянутого процесса. В том, что таковые присутствуют, сомнений нет. Помощь представляет собой закономерный процесс активного усвоения недостающих знаний, умения и навыков, финансовых и материальных ресурсов, необходимых для выхода отсталой экономики на уже завоеванные другими странами рубежи. Однако в условиях господства капиталистических отношений в международных связях этот объективный процесс, сопровождающий интернационализацию производства, модифицируется своекорыстными устремлениями осуществляющих его организаций неокOLONиалистского толка, что нередко ведет к перерождению прогрессивного содержания «помощи» и вызывает обширный круг негативных последствий, порой превосходящих положительный эффект предоставления льготных ресурсов.

Мощной силой, которая вынуждает развивающиеся страны обращаться к иностранным, в том числе и государственным, капиталам, выступает нехватка финансовых ресурсов. О том, ка-

кую роль играет «помощь» в заполнении бюджетных брешей, можно судить хотя бы на основании того факта, что для 31 развивающейся страны, по классификации ООН, относящейся к наименее развитым государствам, в 1979 г. так называемая официальная помощь в целях развития была эквивалентна десятой части их ВВП, 50% стоимости текущего импорта и 80% совокупных капиталовложений³⁰.

Говоря о результатах, необходимо в первую очередь остановиться на комплексе проблем, возникающих при реализации отдельных проектов, финансируемых на средства «помощи». Следует отметить, что наибольшие трудности встречались на пути осуществления тех мероприятий в рамках «помощи», которые адресовались не только ее традиционным получателям в деревне — сельской элите, — но и новым «целевым» группам: средним, мелким, а иногда и мельчайшим земледельцам, подавляющая часть которых отбиралась из числа крестьян, владевших землей. Реализация включающих подобные мероприятия проектов (они именуются проектами «нового стиля», «интегрированного сельского развития» или просто «сельского развития») наталкивается на более серьезные трудности, чем «традиционные» проекты, ориентированные на сугубо экономические результаты, безотносительно к социальному составу участников таких проектов. Одним из подтверждений сказанного служит тот факт, что 89% проектов сельского развития, осуществлявшихся при содействии Мирового банка в латиноамериканском регионе в 1973—1977 гг., испытывали затруднения с использованием ассигнованных на них финансовых ресурсов, в то время как доля традиционных сельскохозяйственных проектов, столкнувшихся с аналогичными проблемами, составляла только 65%³¹.

Причинами отмеченных трудностей выступали не только более сложные технические решения и необходимость более тщательной координации действий возросшего числа учреждений, обосновавшихся в развивающихся странах, но и проблемы, связанные с ограниченностью бюджетных ресурсов стран-реципиентов, доля участия которых в проектах «нового стиля» стала выше, чем в чисто сельскохозяйственных. Трудности такого рода стали еще заметнее в последние годы, когда под давлением международных финансовых организаций, в том числе и Мирового банка, стали ограничиваться государственные расходы развивающихся стран, принявших программы «структурной перестройки» экономики.

Проекты «сельского развития» потребовали более тщательного надзора за их осуществлением по сравнению с традиционными сельскохозяйственными проектами. Для латиноамериканского региона затраты времени соответственно составляли 18,5 и 10,3 человеко-недели³².

Одна из центральных проблем при оценке результатов проекта в деревне развивающихся стран заключается в определении того, насколько та или иная группа деревенских жителей

может воспользоваться плодами роста экономической активности в зоне данного проекта. Многочисленные свидетельства говорят о том, что доля «мелких крестьян» как в участии, так и в распределении доходов оказывалась, как правило, много меньше, чем предусматривалось проектной документацией. В одном из отчетов о ходе выполнения грандиозного проекта сельского развития в Мексике, ведущегося при финансовом участии Мирового банка, отмечалось, что доходы концентрируются в руках небольшой группы наиболее зажиточных жителей. Так, из выделенной «целевой» группы мелких крестьян не более 10% получили возможность увеличить доходы в результате развития малой ирригации³³.

Вопросы доступа к иностранным ресурсам, в том числе и поступающим по каналам «помощи», и их использования в интересах той или иной социальной группы имеют непосредственную связь со сложившейся структурой власти, будь то в конкретной деревне либо в стране в целом. «Помощь» — не просто финансовые ресурсы, которые достаются или не достаются беднейшему большинству деревни. Как отмечает группа американских исследователей, эти средства не просто «минуя» этих жителей, они «угрожают им, так как помогают их противникам»³⁴. Помогают двояко: и укрепляя экономические позиции зажиточного меньшинства и одновременно создавая иллюзии перемен. Так, анализируя аграрную политику филиппинского правительства (входящего в десятку основных получателей «помощи» США и МБРР) при Маркесе, сотрудник Калифорнийского университета в Беркли Дж. Андерсон пишет, что рассуждения о необходимости улучшения структуры доходов, об ориентации на удовлетворение основных жизненных потребностей оказались не более чем заявлениями о намерениях, риторикой³⁵. Пользуясь поддержкой правительства, зажиточные деревенские слои «постоянно находят пути, чтобы обратить новые обстоятельства себе на пользу и скомпрометировать либо саботировать их, если они сулят благоприятные возможности другим»³⁶.

Сходной позиции придерживается бангладешский исследователь, отмечая, что «когда социальная структура остается неизменной, иностранная помощь, независимо от того, включает ли она специальные указания о том, что ее следует использовать для бедных, помогает правящим классам сохранить свою власть и авторитет»³⁷.

Аналогичные тенденции наблюдаются при распределении продовольственной помощи. Льготные поставки продовольствия используются для подкармливания политической опоры власти — чиновничества, военнослужащих, других представителей средних городских слоев. Например, в Бангладеш основная часть продовольствия, поступавшего по программам «помощи», распределялась по продовольственным талонам, обеспечивающим 50-процентную скидку по сравнению с текущими розничными ценами. Согласно исследованию специалистов Мирового банка,

проанализировавших продовольственную политику Бангладеш в середине 70-х годов, основная масса талонов оказывалась у представителей средних городских слоев. На долю сельского населения страны, составляющего не менее четырех пятых жителей Бангладеш, приходилось менее трети продовольственных талонов³⁸. Схожая ситуация складывается в других странах, идущих по капиталистическому пути развития. Так, в Буркина-Фасо в 70-е годы, в период особенно жестоких засух, до 75% чрезвычайной продовольственной «помощи» распределялось среди достаточно обеспеченных слоев населения, на которые опирался правящий режим, а не среди сельского населения, наиболее сильно пострадавшего от стихийного бедствия.

Естественно, что организация, предоставляющая «помощь», не заинтересована в таких диспропорциях при ее распределении. Но в данной ситуации наглядно проявляется подлинная иерархия ценностей, которой придерживаются страны-доноры. Политическое влияние на правительства-реципиенты и решение экономических проблем, стоящих перед поставщиком «продовольственной помощи» (сбыт «лишнего» продовольствия), доминируют над мотивами гуманности и это ведет к тому, что западные державы закрывают глаза на злоупотребления при распределении «продовольственной помощи» и не принимают в расчет депрессивное влияние этой помощи на нормальное функционирование национальных систем продовольственного обеспечения. Будучи не в состоянии обеспечить в сельскохозяйственных проектах запланированную долю участия средних и особенно мелких земледельцев, агентства «помощи» стараются подогнать реальную ситуацию под запланированные показатели. Одним из таких путей является использование расплывчатых критериев категории «мелкие крестьяне», которая нередко трактовалась западными экспертами настолько произвольно, что позволяла включать в нее владельцев зажиточных хозяйств. Так, сотрудники Мирового банка в одном из меморандумов, желая подчеркнуть растущую долю кредитов, поступающих в руки филиппинского «мелкого крестьянства», отнесли к этой группе категорию земледельцев с наделом до 17 акров. В то же время, как показало обследование, проведенное специалистами Корнельского университета, использованный критерий почти в два раза превосходил средний размер хозяйства на Филиппинах³⁹.

Характерно, что экспертами по предоставлению «помощи» никогда не поднимался вопрос о составе «мелкого крестьянства», выделяемого в качестве «целевой группы». Весьма вероятна ситуация, когда основная масса крестьянских хозяйств в этой группе будет тяготеть к верхней границе критерия, на основании которого данная группа выделена.

Одним из наиболее сложных вопросов оценки эффективности проектов, осуществляющихся в деревне развивающихся стран, является определение положения непосредственно участвующих в проектах жителей.

Профессор колледжа в американском городе Беннингтон Р. Гэлли длительное время занималась проблемами аграрного развития Колумбии. Она приводит данные по нескольким сельским районам, вовлеченным с начала 70-х годов в ряд экспериментальных проектов, послуживших прообразом начатой с 1976 г. общенациональной программы интегрированного сельского развития⁴⁰. Эта программа финансировалась при участии Мирового банка. Выборочный анализ бюджетов 84 семей, проведенный в 1977 г., т. е. семь лет спустя после начала экспериментального проекта в районе Рионегро, показал, что только в 17 хозяйствах из 41, получавшего льготные кредиты, доходы превышали расходы. Из 43 хозяйств, которые не были охвачены проектом и получали кредит из национального сельскохозяйственного банка, такого результата достигли 11 семей.

Несмотря на свое более благополучное по сравнению с «неохваченными» крестьянскими хозяйствами положение, 58,5% участвующих в программе хозяйств были вынуждены использовать получаемые кредиты не только для закупки средств производства, но и для приобретения средств существования⁴¹. Для оценки динамики уровня доходов были обследованы девять семей в селении Кармен, расположенном в том же районе. Все они первоначально принимали участие в экспериментальном проекте, а затем были вовлечены в общенациональную программу сельского развития. Во всех рассматриваемых хозяйствах значительно возрос объем получаемых ими льготных кредитов, равно как увеличились и посевные площади, на которых выращивались культуры по рекомендациям, получаемым в рамках программы. В год обследования (1977) в семи хозяйствах сумма полученных кредитов по крайней мере на 80% превосходила показатель предыдущего года. В то же время, хотя расчетный валовой доход для всех обследованных семей в 1977 г. превышал уровень, зарегистрированный для предшествующего года, только в одном хозяйстве возрос чистый доход, т. е. в восьми семьях уменьшилась сумма дохода, используемого на потребление. При повторном обследовании в 1979 г. в шести участвовавших в первоначальном обследовании семей (три исчерпали свой лимит кредитования в 1978 г.) было зарегистрировано то же явление, что и в первый раз: падение чистых доходов по сравнению с 1976 г., причем в одном случае расходы уже превышали доходы⁴².

Р. Гэлли отмечает стремительный рост производственных затрат в районах осуществления программы сельскохозяйственного развития. Например, в районе Рионегро в 1973 г. они составляли для картофеля 10—15 тыс. колумбийских долл. на гектар, а в 1978 г. затраты подскочили до 53 тыс. Для бобовых производственные затраты возросли с 3 тыс. колумбийских долл. в 1971 г. до 16 тыс. в 1978 г. Урожайность возросла в те же отрезки времени для картофеля с 12 до 20 т, а для бобовых с 4,5 до 10 ц⁴³.

При значительно меньших темпах роста цен на сельскохозяйственную продукцию единственной возможностью для крестьян увеличить свои доходы становится расширение земли под культурами, предлагаемыми программой, которые первоначально возделываются только на части земли, обрабатываемой в хозяйстве. Исчерпание этой возможности ведет к росту задолженности крестьян. Не случайно многие из них отказываются от участия в программе, возвращаясь к возделыванию традиционных культур, либо, будучи уже вырванными из мира привычных ценностных установок, вливаются в ряды наемной рабочей силы.

Среди задач, решаемых международными финансовыми организациями на уровне хозяйств мелких производителей, проблема поднятия жизненного уровня последних отнюдь не является приоритетной. Еще одно тому подтверждение содержится в анализе, сделанном экспертами Мирового банка для ряда районов (в том числе и Рионегро), входящих в зону, непосредственно опекаемую этой организацией. Изучив перспективы роста чистых доходов в течение пяти лет после начала осуществления проекта для девяти типов хозяйств, специалисты пришли к заключению, что даже по завершении проекта «некоторым мелким земледельцам, учитывая размер их семей, будет трудно достичь уровня доходов на душу населения, превышающего „уровень бедности“, если только часть семейного дохода не будет поступать от приработка на стороне»⁴⁴. Из интервью, взятого Р. Гэлли у одного из сотрудников Мирового банка, выяснилось, что под работой на стороне подразумевалась сезонная работа на крупных кофейных плантациях⁴⁵.

Подключение мелких производителей к производству товарных культур значительно увеличивает потребность в денежных доходах (как для удовлетворения потребности в продовольствии, все большую часть которого становится необходимым закупать на рынке, так и для покрытия производственных расходов). Это побуждает многих участников проектов активнее, чем прежде, вести поиск дополнительных источников дохода. Таким образом, увеличивается контингент низкооплачиваемой рабочей силы для сезонного использования на полях крупных землевладельцев, дешевизна которой определяется тем, что часть стоимости средств существования создается на обрабатываемых ею участках в рамках аграрных проектов. Низкий уровень заработной платы, которую выплачивают этим полупролетариям владельцы крупных поместий, подрывает возможности борьбы за свои права для безземельных жителей, образующих основную часть сельскохозяйственных рабочих в деревне развивающегося мира. Это один из аспектов негативного воздействия проектов, осуществляющихся на средства «помощи», на сельских жителей, которые не обладают необходимыми производственными активами для того, чтобы быть включенными в процесс модернизации аграрной сферы на условиях, диктуемых агентствами «помощи».

Существенное значение имеют косвенные, никем не предус-

мотренные последствия осуществления сельскохозяйственных проектов, финансируемых в рамках «помощи в целях развития». Одним из часто встречающихся результатов такого рода является возрастание цены на земельные участки. Так, в Бразилии в ходе осуществления проекта сельского развития в районе Сеага стоимость земли в течение двух лет более чем удвоилась, причем в сельское хозяйство устремились жители близлежащего города, покупавшие участки в 100 га и более для последующей сдачи их в аренду⁴⁶. В Индии стоимость земли в районах, охваченных «зеленой революцией», также за несколько лет возросла в три-пять раз. Это еще в большей мере затрудняло доступ к земле жителей, не имевших собственных наделов, и способствовало росту числа последних.

Известный исследователь проблем аграрного неокOLONиализма Е. Федер затрагивает еще один побочный результат претворения в жизнь проектов сельского развития. Если проекты, в которых участвуют мелкие крестьянские хозяйства, расположены вблизи крупных землевладений, то, по мнению этого ученого, «владельцы последних употребят все свои силы на то, чтобы установить контроль над землей, в которую были вложены средства для ее долгосрочного улучшения, в результате чего возросла ее продуктивность и коммерческая стоимость. Вкладывать деньги в производство, ведущееся мелкими земледельцами, — то же, что размахивать костью перед голодным псом: крупные землевладельцы или другие вкладчики в недвижимость в сельской местности с их предпринимательским духом будут искать и найдут способ наложить на него руку»⁴⁷.

Приток государственного капитала из развитых капиталистических стран в рамках «помощи в целях развития» вызывает изменения не только экономического характера. Происходят перемены в системе ценностей, меняются представления об образе жизни, формируются новые потребности. Вовлечение в товарное производство приобщает к регулярному использованию покупных средств производства и предметов потребления, заставляет проявлять заинтересованность к происходящему за пределами своей общины, приобретать новые знания и навыки. Вместе с тем развивается дух конкуренции, жители одной деревни превращаются в соперников в стремлении достичь более ощутимых результатов, чем сосед.

Причины встречающихся трудностей в ходе реализации проектов сельского развития часто кроются в недоучете экономических и социальных реалий в деревне развивающихся стран. Это признают и сами разработчики. Так, специалисты Мирового банка, комментируя опыт осуществления проектов сельского развития в Западной Африке, констатировали, что они «знали меньше о социально-экономической ситуации, чем требовалось для того, чтобы предвидеть влияние этой ситуации на стадии проектирования или хотя бы учесть ее во время реализации проекта»⁴⁸. Другие исследователи выражаются более определенно,

считая, что «проектная документация УМР и Мирового банка читается как абстрактные упражнения в экономике, очищенные от политических, социальных и культурных факторов»⁴⁹.

Говоря об экологических результатах осуществления проектов, в которых материализуется «помощь», следует подчеркнуть, что в основе целого ряда неблагоприятных последствий лежит механический перенос на почву развивающегося мира технологий, которые были разработаны для определенных экономических и климатических условий развитых капиталистических стран. Такой подход нередко ведет к быстрому истощению плодородия почв, ускоряет процессы эрозии, вытесняет растения-эндемики, тем самым сокращая генетическую базу для выведения новых сортов и т. д.

Несмотря на широкое обсуждение возможностей использования так называемых промежуточных технологий в развивающихся странах, они не используются в проектах «помощи». Как отмечалось на слушаниях в палате представителей США, «существует весьма незначительное число примеров» использования промежуточной технологии при воплощении проектов, финансируемых региональными банками развития и Мировым банком⁵⁰. Это характерно и для национальных организаций «помощи».

Неучастие этих организаций в разработке технологий, которые отражали бы специфику развивающегося мира и накопленный на протяжении многих поколений опыт хозяйствования на земле, во многом связано с нежеланием сотрудников названных учреждений принимать в расчет то влияние, которое проектные решения оказывают на состояние окружающей среды. Проблема оценки роли экологического фактора во многом напоминает ситуацию 50—60-х годов, когда в буржуазной науке о развитии освободившихся стран завоевывали свое право на существование социальные факторы развития. Последние утвердились только после эмпирического подтверждения важности «человеческого капитала» для хода всего процесса социально-экономического развития.

Вместе с тем недоучет экологических факторов при реализации сельскохозяйственных проектов может существенно снизить их отдачу либо вовсе поставить под сомнение целесообразность претворения в жизнь. В качестве примера можно привести проект механизированной фермы в Судане, в районе Сим-Сима, осуществляемый при долевом участии МБРР. Широкая механизация предусматривалась на почвах, подверженных частым засухам, но этот момент не был учтен. По оценке специалистов Университета ООН, расчетная норма прибыли, равная 17%, снижается до 5%, если принять во внимание экологические последствия этого проекта⁵¹.

Как категорично заявил Дж. Тинкер, директор Международного института окружающей среды и развития: «Значительная часть усилий по развитию в третьем мире — возможно большая их часть — не работает. Это просто растроченные деньги, по-

скольку развитие не учитывает проблемы охраны окружающей среды и поэтому неустойчиво»⁵².

Причем наиболее чувствительно разрушение окружающей среды для малоимущих сельских жителей. Они, как правило, оказываются на землях, наиболее подверженных неблагоприятному воздействию природных сил (водная и ветровая эрозия, наступление песков), и они же в наименьшей мере способны проводить мероприятия по защите своих земель. Более того, их деятельность ведет к дальнейшему ухудшению качества земельных угодий (агротехника без мероприятий по восстановлению плодородия почвы, вырубка лесов и т. д.), поскольку они просто не имеют альтернатив традиционным методам хозяйствования.

При рассмотрении результатов того или иного отдельно взятого проекта из поля зрения выпадает блок проблем, связанных с вкладом этого проекта в функционирование отрасли либо национальной экономики в целом. Определение этого вклада является еще более сложной задачей, чем исследование последствий реализации конкретных проектов.

В числе важнейших аспектов влияния «помощи» — ее роль в общем объеме сельскохозяйственных инвестиций в той или иной развивающейся стране. Точных цифр, оценивающих этот показатель, мы не встречали, но существуют упоминания о том, что доля Мирового банка к началу 70-х годов составляла 1—2% совокупных инвестиций в сельское хозяйство «третьего мира»⁵³. Учитывая ускоренный рост этой статьи распределения кредитов, мы можем принять, что к началу 80-х годов на долю Мирового банка приходилось примерно 3% сельскохозяйственных инвестиций в развивающемся мире. По данным ФАО, к началу 80-х годов Мировой банк являлся экспортером примерно 35% государственного иностранного капитала, поступающего в аграрную сферу развивающихся стран. Исходя из этого, можно предположить, что суммарная «помощь» составляла около 10% совокупных капиталовложений в аграрную экономику развивающихся стран. Естественно, что этот показатель значительно варьируется от страны к стране.

Не вызывает сомнений, что иностранная экономическая «помощь» существенно влияет на характер развития аграрной экономики стран, являющихся ее регулярными получателями. Во-первых, проекты аграрной трансформации периферии МКХ (а большая часть агропродовольственной «помощи» — проектная), как правило, дополняются соответствующими государственными бюджетными ассигнованиями, которые в среднем равняются иностранному участию. Во-вторых, иностранная «помощь» устремляется в наиболее многообещающие районы освоения, имеет дело с перспективными технологиями возделывания агрокультур, т. е. работает на наиболее динамичных участках аграрной экономики, что также увеличивает значение оперирующего здесь иностранного государственного капитала, предоставляемого на льготной основе.

Особенно велика роль иностранной «помощи» в развитии экспортного потенциала сельского хозяйства развивающихся стран. Сам по себе высокий удельный вес проектов, ориентированных на развитие экспортного производства сельскохозяйственных культур, не мог бы вызвать возражений, но ситуация такова, что при ограниченности финансовых, материальных и людских ресурсов, которыми располагает сельское хозяйство развивающихся стран, экспортное производство часто выступает антагонистом производству, ориентированному на удовлетворение общенациональных продовольственных нужд. Знаменательно, что политика сельского развития не выдвигает задачи продовольственного обеспечения на первый план, в то время как тезис о необходимости интеграции развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство является неотъемлемым атрибутом всех неокOLONИалистских вариантов стратегии развития стран «третьего мира».

Насколько мало зависит эта интеграция от самих развивающихся стран, наглядно свидетельствует ситуация 80-х годов. Развитые капиталистические страны в силу целого ряда причин усилили государственное вмешательство в регулирование зарубежного товарообмена сельскохозяйственными продуктами, введя различные ограничения на их ввоз, что ударило по интересам экспортеров из развивающегося мира. Как отмечали сотрудники ЮНКТАД в 1981 г., тарифный и нетарифный протекционизм в ряде развитых стран достиг высокого уровня и представляет основное препятствие для роста поступлений в развивающиеся страны от экспорта сырьевых товаров. В Западной Европе уровень протекционизма для пищевых товаров составлял от 60 до 160%⁵⁴.

Но даже те сельскохозяйственные товары, которые находят сбыт на мировом рынке, оказываются во власти понижения цен. Например, в 1984—1985 гг. стоимость экспорта зерновых из развивающихся стран упала на 12%, несмотря на то что физический объем экспорта возрос на 1%. Для тропических напитков аналогичные показатели составили соответственно 18 и 8%⁵⁵. Насколько чувствительным такой удар может быть для экономики страны, можно представить на примере Ганы, у которой экспорт какао-бобов, составлявший около 60% всех инвалютных поступлений, упал с 1980 по 1982 г. на 32%⁵⁶.

Падение цен частично объясняется тем обстоятельством, что, например, производители тропических напитков находятся в числе «ведущих» должников и вынуждены осуществлять крупномасштабные программы развития экспорта (при активном содействии агентств «помощи»), чтобы заработать средства для выплаты задолженности или хотя бы процентов по ней. Таким образом, иностранная «помощь» гарантирует Западу поставки дешевого сырья, в то время как развивающиеся страны в обмен за свои возрастающие усилия получают все меньшую компенса-

цию. Не последнюю роль в экспортном «уклоне» вывоза государственного капитала на нужды сельского хозяйства играет позиция ведущих производителей зерновых культур, которые стремятся не допустить сокращения рынков сбыта своей продукции, особенно в последние годы, когда нарастает конкуренция производителей сельскохозяйственной продукции на мировом капиталистическом рынке.

Есть ряд более частных, но не менее важных мотивов, побуждающих организаторов «помощи» отдавать предпочтение экспорт-ориентированному типу проектов. В их числе и накопленный в колониальный период опыт (этот фактор особенно значим для Великобритании и Франции), и хорошо налаженный сбыт такого рода продукции, и то обстоятельство, что продовольственные культуры при столь значительных массах недоедающего населения трудно контролировать на заключительных стадиях производства из-за возможности утечки продукции по каналам «черного рынка».

Ориентация на производство сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт, которую усиленно поддерживают агентства «помощи», нередко ведет к сокращению продовольственного производства в странах, придерживающихся такой ориентации. Анализируя ситуацию в девяти развивающихся странах, являющихся ведущими производителями хлопка на периферии мирового капиталистического хозяйства, эксперты ООН отметили, что за период 1960—1975 гг. «увеличение экспорта хлопка было достигнуто за счет сокращения мощностей национального производства продуктов питания для населения. Во всех странах в течение этого периода наблюдалось увеличение импорта продовольствия в расчете на душу населения, которое предназначалось главным образом для удовлетворения нужд незначительной части городского населения»⁵⁷. Например, в Республике Чад, занимающей пятое место в названной девятке, за период 1961—1978 гг. производство продовольствия на душу населения уменьшилось на 20%, а производство хлопка возросло на 150%⁵⁸.

В условиях неудовлетворенного спроса на продукты питания переключение на производство товарных культур технического характера вызывает противодействие со стороны мелких сельскохозяйственных производителей. Группа авторов, возглавляемая Ф. Лаппе, приводит в своей книге интервью с несколькими участниками переселенческого проекта на о-ве Суматра, финансируемого при участии Мирового банка, которые должны были приступить к выращиванию каучуконосов⁵⁹. Во всех ответах опрошенных крестьян было выражено нежелание заниматься возделыванием этой культуры, во многом из-за того, что выращивание гевен займет все время и не даст возможности возделывать продовольственные культуры для собственных нужд. Результатом сопротивления со стороны крестьян стала посадка деревьев только на 11% территории, выделенной под плантации.

Специалисты Мирового банка были вынуждены признать, что это был случай, когда «стратегия развития просматривала основные потребности самих поселенцев»⁶⁰.

Как отмечали канадские ученые У. Смит и А. Вуд, в Замбии только половина из 18 намеченных правительственной программ по возделыванию продовольственных культур площадок была обследована с использованием иностранной «помощи», и только на одной из них работы финансировались из этого источника⁶¹.

Результаты такого рода целенаправленной политики империализма проявляются достаточно отчетливо. По данным ФАО, показатель самообеспеченности продовольствием для 42 развивающихся стран упал с 93% в 1973 г. до 87% в 1981 г. и по прогнозу может достичь 74% в конце века. Наиболее неблагоприятное положение в этом отношении сложилось в Африке и на Ближнем Востоке⁶². В тесной связи с приведенными цифрами находятся данные об увеличении продовольственного дефицита с 37 млн. т в 1975 г. до 80 млн. в 1981 г.⁶³. Даже в относительно благополучном азиатско-тихоокеанском регионе идет постоянное наращивание зернового импорта, который вырос с 31,5 млн. т в 1974 г. до 34,8 млн. т в 1979 г. при одновременном снижении экспорта этих культур за тот же период с 8,2 до 6,2 млн. т⁶⁴. Причем в тех развивающихся странах, где наблюдалось значительное улучшение (по крайней мере по среднедушевым показателям) продовольственного обеспечения населения, основная доля прироста была получена за счет импортируемого продовольствия⁶⁵.

Однако даже увеличение производства зерновых не означает автоматического улучшения питания жителей развивающейся страны. Разрыв между потенциальным и платежеспособным спросом ведет к образованию «излишков» при голодающем населении (например, в Индии с конца 70-х годов на государственных складах постоянно держатся крупные «страховые» запасы зерна — 10—20 млн. т).

Появляющиеся подобным образом «излишки» нередко экспортируются либо непосредственно, либо в утилизированном состоянии, например, в виде мясных продуктов. По данным ФАО, потребление продовольственных товаров на корм скоту росло ежегодно на 4% между 1969—1971 и 1979—1981 гг. Сокращение использования зерновых на фураж в ряде стран развитого капитализма, в том числе в Северной Америке, сопровождалось ростом скармливания скоту зерновых в развивающемся мире. За указанный период прирост составлял 17% для Африки, 10% — для Латинской Америки, 36% — для Ближнего Востока⁶⁶. В условиях социальной поляризации развивающегося общества особенно ощутимы разрывы между нищетой и изобилием. «Нью Йорк Таймс» привела слова директора национального института питания в г. Мехико, который с горечью отметил, что в то время как по крайней мере 80% детей в сельских местностях

страны недоедают, скот (основная часть которого предназначается для экспорта в США) потребляет больше основных видов зерновых, чем все сельское население страны⁶⁷.

Весьма противоречивое влияние оказывает на продовольственное обеспечение и развитие сельского хозяйства в развивающихся странах поступающая туда продовольственная «помощь». Сглаживая остроту продовольственных трудностей, она не устраняет тех причин, которые привели к кризису недопроизводства продовольствия, а во многих случаях усугубляет действие сил, препятствующих нормальному продовольственному обеспечению широких слоев населения в развивающемся мире. Причины этого многие исследователи усматривают в том, что продовольственная «помощь» ведет к политике дешевого продовольствия в принимающих странах, «лишая их инициативы для развития собственного сельскохозяйственного производства»⁶⁸. В материалах исследования, проведенного администрацией США после продовольственного кризиса начала 70-х годов, содержалось признание, что «продовольственная помощь США и других стран препятствовала расширению собственного производства в развивающихся странах и таким образом внесла свой вклад в обострение продовольственной ситуации в мире»⁶⁹.

Типичным образцом депрессивного воздействия внешних продовольственных ресурсов на национальное производство можно считать Колумбию. С 1955 по 1971 г. эта страна получила свыше 1 млн. т зерна, которое, по мнению специалистов, можно было бы произвести в самой стране. Правительство удерживало цены на зерновые на таком низком уровне, что это привело к существенному сокращению внутреннего производства. За указанный период производство пшеницы в Колумбии уменьшилось на 69%, а импорт возрос в восемь раз и стал покрывать уже 90% внутреннего спроса на эту культуру. При этом большая часть высвободившихся земельных угодий была превращена либо в пастбища для производства мяса на экспорт, либо была использована для выращивания с той же целью овощей и цветов⁷⁰.

Необходимо особо отметить, что продовольственная «помощь» поступает в страны-получатели не столько в периоды продовольственных кризисов в последних, но и тогда, когда «излишки» продовольствия становятся особенно обременительными для зарубежных производителей. Когда продовольственная «помощь» начинает поступать в страну с достаточно высоким уровнем внутреннего предложения, то это особенно сильно влияет на местных земледельцев. Так, например, в 1973—1974 сельскохозяйственному году продовольственная помощь стала поступать в Бангладеш уже после того, как прошел пик продовольственного кризиса. Правительство отказалось от закупок на внутреннем рынке 1, 2 млн. т зерна, чем поставило местных производителей в чрезвычайно тяжелое положение⁷¹. Сходная ситуация имела место в 1976 г. в Гватемале⁷².

К числу ощутимых на национальном уровне негативных последствий притока иностранной «помощи» в сельское хозяйство развивающихся стран относится диспропорциональность территориального развития сельскохозяйственного производства. Выбор места для размещения сельскохозяйственных объектов, финансируемых с привлечением средств «помощи в целях развития», ведется не с учетом необходимости развития наиболее отсталых и потому нуждающихся в помощи районов, а обусловлен стремлением доноров обеспечить высокую экономическую (а порой «визуальную») эффективность вложенных средств, продемонстрировать, какой весомый вклад проект внес в экономическое развитие данного региона. Для достижения положительных результатов место осуществления проекта стараются выбрать в наиболее благополучных районах, как правило, обладающих значительным экономическим потенциалом для использования достижений «зеленой революции». Отсюда понятна тяга к районам орошаемого земледелия (в которых наличие воды заведомо означает, что они не относятся к самым отсталым в экономическом отношении территориям). Западногерманский ученый Г. Лорензен, исследовавший участие Мирового банка в проекте развития сельского хозяйства в бассейне р. Папалопан (Мексика), отмечает, что программе, предназначенной для развития орошаемых районов в нижнем течении реки, было выделено в два раза больше средств, чем программе, развернутой в верхнем течении, с менее плодородными почвами и богатым земледелием, хотя последняя охватывала территорию в четыре раза большую⁷³. Анализ, сделанный автором, показал, что осуществление проекта приведет «к закреплению материального и социального неравенства в этой местности и упрочит поляризацию, порожденную первым этапом зеленой революции»⁷⁴.

Стремление повысить жизнеспособность проекта за счет тщательного подбора мест его развертывания было продемонстрировано Мировым банком и в Колумбии. Район, в котором претворялась в жизнь финансируемая этим банком программа, был «предусмотрительно выбран благодаря его потенциальным возможностям развития без проведения земельной реформы»⁷⁵.

Целый ряд причин (среди которых можно выделить ограниченность числа развивающихся стран, в которых заинтересованы неокOLONизаторы; скудность ресурсов, которые может ассигновать правительство для финансирования национальной доли участия в том или ином проекте; конечное число районов, подходящих для реализации выигранных, с точки зрения доноров, проектов) нередко приводит к столкновению интересов стран-доноров в одной и той же развивающейся стране. Это обстоятельство несколько усиливает позиции стран «третьего мира» за столом переговоров, так как у них появляется возможность некоторого выбора, однако несет с собой и ряд дополнительных проблем. Осложняется и без того нелегкая задача сочетания отдельных проектов с общенациональной стратегией развития, усили-

вается отраслевая диспропорциональность, так как доноры специализируются на определенных направлениях аграрного производства. В последнее время на Западе все чаще раздаются призывы к координации разрозненной деятельности иностранной «помощи» в отдельных развивающихся странах, что расширяет возможности развитых капиталистических государств ставить свои условия при выделении государственных ресурсов на льготной основе.

Одним из наименее зримых, но играющих важную роль в жизни развивающихся стран последствий «помощи» является воздействие последней на формирование управленческой бюрократии в развивающихся странах. На средства «помощи» проходят подготовку в высших учебных заведениях стран развитого капитализма будущие представители управленческой элиты, а на специальных курсах переподготовки кадров и повышения их квалификации занимаются уже вошедшие в управленческий истеблишмент. Возможность повысить квалификацию в рамках программ, финансируемых и организуемых международными и национальными агентствами «помощи», расценивается как поощрение и рассматривается в развивающихся странах как хорошая предпосылка для последующего продвижения по службе. Характерно, что подобные программы уделяют основное внимание подготовке высшего и среднего управленческого звеньев и значительно меньшее — непосредственным исполнителям на местах.

Местные специалисты, прошедшие подготовку в буржуазных странах и воспитанные на постулатах западных экономических и социологических теорий, формируются под влиянием господствующих в развитом капиталистическом мире представлений о путях и методах перестройки сельского хозяйства, ориентированы на использование техники и технологий, с которыми они ознакомились в ходе обучения. Как отметил один из специалистов по проблемам «помощи» Д. Макнейл: «Оказание помощи может содействовать формированию в стране-получателе элитарного класса, ценностные представления которого более близки тем, кто эту помощь предоставляет, чем своим соотечественникам, от чего имени они выступают»⁷⁶.

Подготовка вестернизированной управленческой элиты представляет одну из целей оказания иностранной «помощи». Об успехах в достижении такой цели руководством Управления международного развития США отчитывалось в одном из документов: «Ясно, что программам УМР может быть приписана основная заслуга в том, что в Колумбии появилось целое поколение должностных лиц, прошедших подготовку как в Соединенных Штатах, так и на местах, способных регулировать проблемы сельскохозяйственного развития своей страны. Этот успех был достигнут в ходе осуществления программ технической и производственной помощи этому сектору, которые предоставили возможность поддерживать постоянные контакты и вести диалог с

колумбийским правительством, разрабатывать и применять новые технические и управленческие концепции»⁷⁷.

«Помощь» может оказывать влияние на местных специалистов сельского хозяйства еще по одному каналу. Если в 50-е и 60-е годы обычным явлением было формирование всего руководства тем или иным сельскохозяйственным проектом из иностранных экспертов, то к концу 80-х годов стало преобладать понимание того, что использование местных кадров для управления проектом способствует устранению целого ряда проблем. Поэтому к участию в проектах привлекаются наиболее квалифицированные местные специалисты. Сблуженные высокими окладами и престижностью предлагаемых должностей, они нередко остаются важными для функционирования национальной экономики посты, и замена их менее квалифицированными специалистами может нанести урон, превышающий выгоды от осуществления того или иного проекта.

Весьма показательным примером тех опасностей, которые таит в себе механический перенос западных технологий, заложенный в стратегии «помощи», является использование ядохимикатов в сельском хозяйстве развивающихся стран.

Применение пестицидов нарушает складывавшийся веками баланс природных сил. Одним из проявлений этого дисбаланса становится появление популяций вредителей с повышенной сопротивляемостью к ядохимикатам. В ответ приходится увеличивать число применяемых пестицидов и норму их применения. Так, на хлопковых полях в Центральной Америке число опрыскиваний пестицидами за сезон возросло с 8 в конце 50-х годов порою до 40 в начале 70-х, а стоимость мер по борьбе с вредителями достигла половины производственных затрат⁷⁸. В Юго-Восточной Азии на орошаемых землях с новыми высокоурожайными сортами риса применение инсектицидов 10—20 раз в год становится обычным. На смену вытесненным вредителям приходят их биологические конкуренты, которые спешат занять освободившуюся экологическую нишу. Как заявил один из руководителей движения Сарвадайя на Шри-Ланке: «Пытаясь увеличить урожай в сельском хозяйстве Шри-Ланки, люди стали больше зависеть от химикатов, что привело к появлению новых вредителей и сорняков, которые ранее никогда не представляли угрозы»⁷⁹.

Развивающиеся страны становятся необходимым звеном в разработке новых видов пестицидов на Западе. Дело в том, что по мере развития биологических и смешанных способов защиты растений и повышения требований к качеству пищи, спрос на пестициды в развитых капиталистических странах будет расти незначительно, а возможно даже снизится. В то же время, как считают политики от ТНК, «ежегодные темпы роста продаж пестицидов должны быть сохранены в будущем для того, чтобы финансировать большие расходы на исследования и разработку новых пестицидов... Развивающиеся страны представляют собой

единственно возможный рынок для поддержания роста продаж пестицидов»⁸⁰.

Наращивание применения пестицидов в развивающихся странах ведет к увеличению числа несчастных случаев в результате отравления людей, работающих с химикатами либо проживающих поблизости от мест их применения. На развивающиеся страны приходится по крайней мере половина всех несчастных случаев, связанных с поражением пестицидами⁸¹. Как свидетельствует английский эколог, изучавший влияние применения пестицидов на Центральном Лусоне (Филиппины), с начала 70-х годов, т. е. вскоре после резкого возрастания применения ядохимикатов в возделывании риса, на 23% возросла смертность населения. Хотя непосредственного обследования причин смерти не было, но ряд косвенных доказательств говорит о том, что причиной этого явления стало отравление пестицидами⁸².

Причастность империализма к драматическим последствиям широкомасштабного использования химикатов в сельском хозяйстве развивающихся стран не только косвенная, вытекающая из самого факта организации экспортного производства, требующего применения химических методов контроля за вредителями растений и использования дефолиантов. Более серьезный и прямой ущерб наносят развивающимся странам поставки ядохимикатов, запрещенных в развитом капиталистическом мире, а также то, что поставки не сопровождаются инструктажем и мерами по обеспечению безопасности для работающих с этими ядохимикатами, а внедрение биологических методов контроля за вредителями ограничивается преимущественно западными странами. В подобном характере использования химических препаратов в странах «третьего мира» усматривается определенная социальная стратегия пренебрежения судьбами жителей этих стран со стороны иностранного капитала, которая не может быть оправдана только тем, что зачастую местные власти не хотят или не могут препятствовать реализации такой стратегии.

Применение пестицидов порой приводит к столкновению со сложившимися методами ведения хозяйства. Так, в азиатских странах широко распространено выращивание рыбы в заливных рисовых чеках. Внесение пестицидов при обработке риса ведет к сокращению либо уничтожению поголовья выращиваемой подобным образом рыбы.

Все больше нарекают со стороны развивающихся стран вызывает и сам проектный подход, выступающий преобладающей формой предоставления иностранных ресурсов на льготной основе (в этой форме поступает три четверти этих ресурсов)⁸³. Разрозненные экономические объекты, нацеленные на достижение локальной экономической эффективности и находящиеся нередко вне связи с насущными потребностями экономического развития страны, приводят к распылению и без того ограниченных ресурсов стран-реципиентов. Спроектированные и построенные под пристальным надзором извне сельскохозяйствен-

ные объекты порой воспринимаются местными административными службами как инородное тело. Существуют примеры того, что построенный объект либо вообще не вводился в строй, так как требовал значительных затрат на текущее обслуживание, либо местные власти пытались отказаться от принятия на себя обязательств по его обслуживанию по тем же мотивам⁸⁴.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что развивающимся странам предстоит сложная и долгая борьба не столько за увеличение объемов «помощи», сколько за ее использование, эффективное с точки зрения всего национального хозяйства. Наряду с прочим это предполагает учет всех долгосрочных последствий иностранной «помощи» и осознание того факта, что для ускорения аграрного развития в частности и всего развития в целом нужны не обильные финансовые инъекции, а устранение преград, стоящих на пути подлинно социально-экономического прогресса, в числе которых не последнее место занимает зависимость развивающегося мира от империалистических держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди сложных и зачастую противоречивых тенденций, которые наблюдались в мировом капиталистическом хозяйстве в 70—80-е годы, явственно прослеживается стремление развитых капиталистических стран к расширению (а в последние годы и к ужесточению) контроля за развитием освободившихся государств. Это диктуется как необходимостью соблюдения определенного соответствия между развитием центров и периферии МКХ по мере углубления процессов интернационализации производства в рамках данного хозяйства, так и стремлением нейтрализовать борьбу развивающихся стран за перестройку мирохозяйственных связей.

В этом общем русле следует рассматривать и интенсификацию усилий западных стран по модернизации аграрных структур и стабилизации систем продовольственного обеспечения на периферии МКХ, отсталость которых стала очевидным препятствием для стремления названных стран к более полному использованию экономического потенциала развивающихся государств и обеспечению социальной стабильности в них. Важное место в воздействии стран развитого капитализма на сельскохозяйственный и продовольственный секторы освободившихся стран занимает вывоз государственного капитала. Эволюция функций и направлений воздействия вывоза государственного капитала отражает потребность в кардинальном улучшении состояния дел в аграрном секторе развивающихся стран в условиях крайней нежелательности для капиталистического мира революционной ломки существующих там социальных структур. Такой подход предопределил всемерную поддержку со стороны институтов «помощи» «зеленой революции», которую западные стратеги считают альтернативой радикальным аграрным преобразованиям.

Приспосабливаясь к новым условиям деятельности, организации, осуществляющие вывоз государственного капитала из развитых капиталистических стран, рекламируют свою переориентацию на аграрную и продовольственную проблематику в развивающемся мире как мероприятие по сглаживанию социальных противоречий на периферии МКХ. Выдвигаемая этими организациями (в первую очередь международными) концепция «борьбы с бедностью» интересна как факт, отражающий необходимость учета развитыми капиталистическими государствами интересов развивающихся стран хотя бы в самой постановке целей.

Однако по своему содержанию стратегия «борьбы с бедностью» отнюдь не стала неким радикальным отходом от господствовавших до нее теорий, ориентированных прежде всего на экономический рост освободившихся стран в рамках прозападной ориентации. В ее основе — массовое перемещение в развивающиеся страны материальных компонентов для реализации технологических решений, ориентированных на дальнейшее вовлечение этих стран в МКХ.

Несовпадение по целому ряду аспектов целей, преследуемых агентствами «помощи в целях развития», и задач, диктуемых общенациональными интересами развивающихся стран в деле подъема сельскохозяйственного производства, улучшения продовольственного снабжения населения и ломки отживших социальных отношений, отражает противоречивый характер отношений этих стран и центров МКХ. Невозможность в рамках неокOLONиальных отношений разрешить многие узловые проблемы развивающегося мира ведет либо к ограничению круга задач, которые агентства «помощи» ставят перед собой, либо к подгонке проблем, стоящих перед развивающимися странами, под колодку частичных технико-экономических преобразований. Так, сложная социально-экономическая проблема обнищания сельского населения была сведена к задаче повышения продуктивности ограниченной группы хозяйств, обладающих необходимыми предпосылками для интенсификации сельскохозяйственного производства.

Уже в самой концепции «борьбы с бедностью» содержится признание ее неспособности охватить наиболее нуждающиеся слои сельского населения безземельных и малоземельных жителей. Результаты анализа положения сельских жителей, оказавшихся втянутыми в проекты, финансируемые при участии государственного капитала из развитых капиталистических стран, также свидетельствуют об усилении эксплуатации мелких производителей, которая осуществляется на иной, чем прежде, основе.

Отмечая безуспешность попыток западных государств найти приемлемое для широких слоев деревенского населения решение проблем модернизации производственного аппарата в сельском хозяйстве развивающихся стран и перестройки отживших форм общественной организации производства, авторы не отрицают способности агентств «помощи» предлагать меры, которые могут снимать остроту либо разрешать часть противоречий, накопившихся в аграрной сфере и в области удовлетворения продовольственных нужд населения развивающегося мира.

Основная заслуга вывоза государственного капитала в глазах руководства западных держав состоит в том, что он служит инструментом воспроизводства зависимости в современных формах, орудием вмешательства в социальную и экономическую жизнь развивающихся стран, действенным средством формирования рынков сбыта продукции монополий и гарантированного

снабжения развитых капиталистических стран сырьем и отдельными видами промышленной продукции.

Деятельность национальных и международных организаций по вывозу государственного капитала в агропродовольственный сектор развивающихся стран весьма трудно оценить вне общего контекста функционирования системы воздействия центров МКХ на его периферию. Играя важную роль в этой системе, упомянутые организации руководствуются не только интересами агропромышленного комплекса, но прежде всего общими интересами монополистических группировок развитых капиталистических стран, которые находятся в постоянном противоборстве и делят выгоды от «помощи» по силе. При этом вывоз государственного капитала становится все более активным фактором межимпериалистического соперничества, и тенденция к унификации форм и целей аграрного неокOLONиализма в центрах МКХ не снижает его значения как инструмента этого соперничества в странах «третьего мира».

Подводя итоги анализу эволюции неокOLONиальной политики стран Запада в отношении сельской экономики и продовольственного обеспечения развивающихся стран, хотелось бы отметить, что идет «наслаивание» функций, которые приходится выполнять государственному капиталу, в том числе и в аграрной сфере развивающихся стран. Так, если в 50-е — первой половине 60-х годов «помощь» сельскому хозяйству стран периферийной зоны МКХ выполняла в основном функции содействия сбыту техники и материалов, производимых в развитых капиталистических странах, и командированию западных экспертов, то по мере усложнения задач, решаемых империализмом в данном секторе, вывоз государственного капитала (наряду со «сбытовой» функцией) начал претендовать на решение вопросов институционального строительства, подготовки кадров на местах, а в последние годы — и на выработку общей аграрной стратегии в развивающихся странах. Таким образом, мы наблюдаем не только диверсификацию функций «помощи» по числу стран, отраслей, типов и форм ее предоставления, но и тенденцию к восхождению на качественно новые уровни воздействия, от чисто экономических — к социальным, от узких, привязанных к конкретным проектам, — к крупномасштабным, охватывающим все более обширные зоны национального хозяйства развивающихся стран, вырывающим сотни тысяч крестьянских хозяйств из состояния натуральной замкнутости и переводящим их на рельсы товарного производства, что создает предпосылки для развития капитализма в деревне освободившихся стран. Данная многофункциональность свидетельствует, с одной стороны, о расширении сфер взаимодействия империалистических и развивающихся стран (что требует разнообразия форм и уровней влияния), а с другой — о качественной разнородности происходящих в экономике развитых капиталистических и развивающихся государств процессов (столь явно ощутимой в аграрной сфере),

которая побуждает первые компенсировать в какой-то мере существующие разрывы в производительных силах и общественных формах производства.

Агропродовольственная политика империализма в развивающемся мире свидетельствует о ее неспособности преодолеть стихийность воспроизводственного процесса на путях государственно-монополистического регулирования. Одна из основных причин такого положения, как представляется, заключена в том, что долгосрочные, общие для всех национальных отрядов монополистической буржуазии интересы не имеют адекватного материального воплощения, остаются «идеальным» образом, способным противостоять натиску сиюминутных, текущих интересов крупных монополистических объединений лишь в случае угрозы или потрясений, чреватых подрывом устоев капиталистического миропорядка.

В ситуации, когда верх одерживают силы, выступающие против вложения значительных государственных ресурсов в аграрное производство развивающихся стран, империалистические государства пытаются реализовать объективно существующую потребность в недопущении критического разрыва между сельским хозяйством и национальным и международным хозяйственным комплексом в целом (по таким параметрам, как тип производительных сил, уровень производительности труда, занятость и т. д.) за счет создания условий для снятия преград на пути экспансии транснационального капитала, готового к «освоению» сельского хозяйства развивающегося региона.

Однако весь опыт хозяйничанья ТНК в освободившихся странах говорит о том, что, частично решая проблему модернизации производственного аппарата в экономических анклавах на территории развивающихся стран, они одновременно содействуют углублению существовавших и появлению новых диспропорций в экономической и социальной жизни названных стран, тем самым порождая все новые и новые проблемы для правящих кругов развитых капиталистических стран.

С начала 80-х годов в вывозе государственного капитала прослеживается перенесение центра тяжести усилий с выполнения конкретных функций в ходе воспроизводственного процесса в развивающемся мире на широкомасштабное регулирование экономики в этой группе государств. В основе лежит использование финансовой задолженности, превратившейся в механизм навязывания выгодных западному миру программ перестройки, или, точнее, подлаживания к экономическим процессам, протекающим в развитых капиталистических странах. Целью данных программ является создание наиболее благоприятных условий для деятельности иностранного капитала, стимулирование частного предпринимательства на местах и тем самым обеспечение базы для расширения экономических методов контроля за экономикой развивающегося мира, ослабление позиции государственного сектора. Расширение вмешательства в ход развития

освободившихся стран сопровождается растущей агрессивностью империализма при достижении поставленных целей. То, что ранее было объектом закулисных переговоров, стало фактом гласной экономической дипломатии Запада в развивающемся мире.

Намерения идеологов аграрного неокOLONиализма гораздо меньше камуфлируются по сравнению с 70-ми годами. Все откровеннее отдается предпочтение крупным землевладельцам-предпринимателям и кулацкой прослойке как элементам, наиболее подготовленным к налаживанию связей с крупным иностранным капиталом в форме ТНК. Вместе с тем в 80-е годы продолжается — хотя и в меньших масштабах — целенаправленная деятельность по подготовке к эксплуатации капиталистическими методами следующего эшелона земледельцев, представленного средним и примыкающим к нему крестьянством. Эти два эшелона сельского населения и должны, очевидно, обеспечивать социально-политическую стабильность в условиях продолжающегося расслоения деревни.

Эволюция неокOLONиалистской аграрной политики западных держав свидетельствует о том, что даже ограниченные, буржуазно-реформистские по характеру и отражающие долгосрочные интересы капиталистического мира перемены в содержании этой политики происходят только в фазе подъема национально-освободительного движения развивающихся стран, изменяющего баланс сил в пользу последних. Использование вывоза государственного капитала из развитых капиталистических государств для смягчения проявлений аграрного кризиса в развивающемся мире во многом будет зависеть от способности развивающихся стран выступить единым фронтом при отстаивании своих интересов, в частности в рамках борьбы за новый международный экономический порядок. Любая модификация форм и направлений вывоза государственного капитала может быть лишь результатом компромисса всех сил, определяющих параметры этого вывоза. Так как развивающиеся страны представляют только одну сторону в сложном взаимодействии упомянутых сил, то заведомо можно предположить существование разрыва между намерениями развивающихся стран, с одной стороны, и окончательно принятыми решениями и последующими результатами — с другой.

Политика вывоза государственного капитала в сельское хозяйство развивающихся стран изначально страдает пороком, который невозможно устранить: она исходит из интересов тех сил, задачей которых является не полноценная и всесторонняя, опирающаяся на приоритеты развивающихся стран модернизация сельского хозяйства последних, а трансформация аграрной сферы с целью ее наиболее полного «раскрытия» для иностранного капитала и извлечения в последующем экономических и политических дивидендов на вложенный капитал.

Введение (стр. 3—8)

- ¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 18.
- ² См., например, работы Александрова Ю. Г., Гатауллина М. Ф., Демина А. И., Зудной Л. П., Кууза А. А., Ковалева Е. В., Маслова Ю. Н., Маслова П. П., Панарина С. А., Растяникова В. Г., Филоника А. О. и др., а также коллективные монографии: Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977; Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980; Восток: продовольствие и развитие. М., 1986 и др.
- ³ Гаврилюк В. В. Государственно-монополистический вывоз капитала в развивающиеся страны. Минск, 1976, с. 134.

Глава I (стр. 9—48)

- ¹ См., например: Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, раздел III; Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, гл. II; Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Улан-Батор, 1978; Ковалев Е. В. Латинская Америка: аграрные реформы и экономическое развитие. М., 1982.
- ² Подробнее см.: Крылов В. В. Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры (автореф. дис. на соискание ученой степени канд. эконом. наук). М., 1974.
- ³ Аваков Р. М. Развивающиеся страны: научно-техническая революция и проблемы независимости. М., 1976, с. 48.
- ⁴ Trade and Development Report 1980. N. Y., 1980, с. 34
- ⁵ Там же.
- ⁶ Крылов В. В. Некоторые аспекты аграрного развития Африки.—Азия и Африка сегодня. 1981, № 3, с. 32.
- ⁷ World Development Report 1982. Wash., 1982, с. 45.
- ⁸ Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока. М., 1981, с. 129.
- ⁹ Растяников В. Г. Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки: характер основных диспропорций.—Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 3—30.
- ¹⁰ Dornier P. International Assistance for Agricultural Development: New Directions? Madison, 1975, с. 4.
- ¹¹ State of Food and Agriculture 1980. Rome, 1981, с. VII.
- ¹² State of Food and Agriculture 1981. Rome, 1982, с. 59.
- ¹³ Рассчитано по: State of Food and Agriculture 1981, с. 59.
- ¹⁴ Транснациональные корпорации в мировом развитии: третий обзор. Нью-Йорк, 1983, с. 370.
- ¹⁵ Brown L. Soil and Civilization: The Decline in Food Security.—Third World Quarterly. 1983, Vol. 5, № 1, с. 108.
- ¹⁶ Multilateral Assistance for Agricultural Development. Wash., 1973, с. 1.
- ¹⁷ Там же, с. 4.
- ¹⁸ Partners in Development: Report of the Commission on International Development. N. Y., 1970.
- ¹⁹ Там же, с. 77.
- ²⁰ Там же, с. 100.
- ²¹ Там же, с. 50.

- ²² Там же, с. 4.
- ²³ Там же, с. 33.
- ²⁴ State of Food and Agriculture 1981, с. 179.
- ²⁵ Development Co-operation Review 1983. P., 1983, с. 137.
- ²⁶ Accelerated Development in Sub-Saharan Africa: Agenda for Action. Wash., 1981; Towards Substantial Development in Sub-Saharan Africa: A Joint Program for Action. Wash., 1984.
- ²⁷ Towards Substantial Development, с. 24.
- ²⁸ Там же, с. 4—5.
- ²⁹ Accelerated Development, с. V.
- ³⁰ International Development Administration: Implementation. Analysis for Development Project. N. Y., 1979, с. 22.
- ³¹ European Trends. L., 1982, № 73, с. 25.
- ³² Selim Hassan M. Development Assistance: Policies and Performance of Aid Agencies. Studies in Performance of DAC, OPEC, the Regional Development Banks and World Bank Group. L., 1983, с. 57—58.
- ³³ Development Co-operation Review 1982. P., 1982, с. 73.

Глава II (стр. 49—88)

- ¹ Рассчитано по: Development Co-operation Review 1982, с. 230—231.
- ² Рассчитано по: Development Co-operation Review 1982, с. 199.
- ³ Рассчитано по: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1984 — начало 1985 г. М., 1985, с. 123.
- ⁴ Development Co-operation Review 1982, с. 147.
- ⁵ Как писал известный американский специалист по вопросам продовольственной политики И. Дестлер, каждая группа сил имеет представительство в важнейших органах государственного аппарата США — Госдепартаменте, Управлении международного развития, Административно-бюджетном управлении, министерстве сельского хозяйства, министерстве обороны и др. Каждая группа, кроме того, «имеет адвокатов на Капитолийском холме» (Destler I. USA Food Policy 1972—1976.—The Global Political Economy of Food. Madison, 1978, с. 43).
- ⁶ См.: Кокочиш А. А. Типы противоречий и разногласий на верхнем уровне исполнительной власти.—США: политика, экономика, идеология. 1983, № 3, с. 52.
- ⁷ Destler I. USA Food Policy, с. 44.
- ⁸ См.: Баграмов Л. А. Современный капитализм и продовольственная проблема. М., 1984, с. 254—255.
- ⁹ Так, в 1981 г. стоимость сельскохозяйственного экспорта США составляла 43 млрд. долл. по сравнению с менее чем 18 млрд. в 1973 г. Как отмечал бывший министр сельского хозяйства США Б. Бергланд, «производственный потенциал американского сельского хозяйства таков, что крупные поставки за границу являются неотъемлемой частью его современной рыночной ориентации» (Foreign Agriculture. Wash., 1977, December 14, с. 3).
- ¹⁰ Hopkins R. Lessons of Food Diplomacy.—The Role of US Agriculture in Foreign Policy. Montclair, 1979, с. 137.
- ¹¹ Там же, с. 148.
- ¹² См.: Foreign Assistance Act and Related Agencies Appropriations for 1984. Wash., 1983, с. 297.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Operational Report AID. Financial Year 1972. Wash., 1973, с. 11.
- ¹⁵ Там же, с. 11—12.
- ¹⁶ См., например: Петров М. Дипломатия на нищете. М., 1966; Растяников В. Г. Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1968; Александров М. А., Грановский А. Е. Экономическая помощь капиталистических государств странам Южной Азии. М., 1973; Марков И. П. Бизнес на годе. М., 1975 и др.
- ¹⁷ Bilateral Development Assistance. Mainstream, 1982, с. 19.
- ¹⁸ Nicholson M. The New Congressional Mandate for Aid and Rural Development Strategies.—The Role of US Agriculture in Foreign Policy. N. Y., 1979, с. 217.

- ¹⁹ Там же, с. 216.
- ²⁰ *Shuman Ch. Food Aid and Free Market.*— Food Policy. N. Y., 1977, с. 148.
- ²¹ *Philips R. FAO Helps the World Solve its Food and Agricultural Problems.*— Foreign Agriculture. Wash., 1979.
- ²² *Overcoming World Hunger: The Challenge Ahead.* Report of Presidential Commission on World Hunger. Wash., 1980, March, с. 7.
- ²³ Американская «помощь» сельскому хозяйству увеличилась со 192 млн. долл. в 1972 г. (19% всей «помощи на цели развития», предоставляемой в рамках Управления международного развития) до 761,3 млн. в конце 70-х годов (34% «помощи»). Поставки продовольствия в соответствии с Законом 480, несколько возросшие после продовольственного кризиса начала 70-х годов, продолжали оставаться незначительными, не превышая 5 млн. т, в то время как доля этой «помощи» во всех продажах американского продовольствия за рубеж резко уменьшилась (Foreign Assistance Legislation for 1974. Pt. II. Wash., 1973, с. 49; 1980 World Bank Annual Report. Wash., 1980, с. 206).
- ²⁴ Реферативный сборник ВИНТИ. Экономика промышленности. Мировая экономика. Экономическое положение стран. М., 1986, № 6, с. 121.
- ²⁵ См.: UN Balanced Budget Means Cuts for Africa.— Africa Economic Digest. L., 1986, Vol. 7, № 1, с. 3—4.
- ²⁶ См.: *Wesserman U. International Food Aid.*— Journal of World Trade Law. Twickenham, 1982, № 6, с. 533.
- ²⁷ Для сохранения размеров «помощи» таким военно-политическим партнерам, как Израиль, Египет и Пакистан, в условиях сокращения государственных расходов США в 1986 г. уменьшили на 400 млн. долл. объем средств, предоставляемых ряду африканских стран. До этого, в 1984—1985 гг., уже было предпринято четырехкратное сокращение ресурсов, выделяемых США на борьбу с голодом в странах Африки (US Balanced Budget, с. 3—4).
- ²⁸ Подробнее о деятельности ТНК агробизнеса в развивающихся странах см.: Восток: продовольствие и развитие, с. 142—162.
- ²⁹ Foreign Assistance Legislation for 1977. Pt. II, с. 140.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, с. 140—141.
- ³² Foreign Assistance Legislation for 1978. Pt. II, с. 264.
- ³³ По убеждению президента Р. Рейгана, «пришло время отнестись к проблемам развивающихся стран... с меньшей долей опекунов... Наша экономическая помощь должна быть тщательно выверена, она должна приносить максимальную пользу в деле активизации энергии и усилий частного сектора» (Department of State Bulletin. Wash., 1983, № 2072, с. 31). При этом США стремились подчинить цели укрепления рыночных отношений в сельском хозяйстве развивающихся стран не только своим двусторонним программам «помощи». Французский исследователь Ж.-А. Астер, в частности, отмечал, что Соединенные Штаты считают, что многие исходящие от ООН проекты развития, в частности проекты ФАО, «не поощряют инициативы частного сектора». Не исключено, что США могут использовать свою долю финансирования бюджета ФАО для поддержки других программ, ориентированных на «поощрение свободных рынков в сфере сельского хозяйства» (Monde Diplomatique. P., 1986, Mai, с. 18).
- ³⁴ См.: *Малахин П. А.* Пересмотр аграрного законодательства США в 1985 г.— БИКИ. М., 1986, № 62, с. 2.
- ³⁵ Department of State Bulletin, 1983, № 2072, с. 31.
- ³⁶ Foreign Assistance Legislation for 1984. Wash., 1983, с. 238.
- ³⁷ *Morgan D. Changes in British Aid Policy 1951—1970.* Vol. 4, L., 1980, с. 191.
- ³⁸ CDC: Report and Accounts for 1959. L., 1960, с. 10.
- ³⁹ Прямое финансирование проектов со стороны Корпорации развития колоний в 1948—1952 гг. составило 17 млн. ф. ст. в год, в 1958 г.— 24 млн., а в 1962 г.— 22 млн. Объем средств, предоставленных КРК в виде займов частным компаниям, участвующим в проектах развития, возрос с 1 млн. ф. ст. в 1948—1952 гг. до 13 млн. в 1958 г. и 37 млн. в 1964 г. (*Morgan D. Changes in British Aid Policy*, с. 192).
- ⁴⁰ *Morgan D. Changes in British Aid Policy*, с. 68.
- ⁴¹ Там же, с. 74.

- ⁴² CDC: Report and Accounts for 1954. L., 1955, с. 11.
- ⁴³ Объемы ресурсов, поступивших в страны Азии, Африки и Карибского бассейна со стороны КРК, возросли с 5 млн. ф. ст. в год в 1948—1952 гг. до 19 млн. в 1958 г. и 39 млн. в 1964 г. (*Morgan D. Changes in British Aid Policy*, с. 192).
- ⁴⁴ См.: CDC: Report and Accounts for 1968. L., 1969, с. 16—17.
- ⁴⁵ *Lipton M., Firn J. The Erosion of Relationship.* L., 1975, Tabl. 2.7; 4.1.
- ⁴⁶ Оставаясь крупнейшим в мире импортером чая, Великобритания уменьшила его закупки с 227 тыс. т в год в 1959—1961 гг. до 209 тыс. в 1969—1971 гг. За эти годы сократился ввоз в страну табака, джута и других сельскохозяйственных товаров (*Lipton M., Firn J. The Erosion*, с. 103, Tabl. 4.9; 4.16; 4.23; 4.26).
- ⁴⁷ *Lipton M., Firn J. The Erosion*, с. 103.
- ⁴⁸ Там же, с. 101.
- ⁴⁹ *Morgan D. Changes in British Aid Policy*, с. 238.
- ⁵⁰ *Lipton M., Firn J. The Erosion*, Tabl. 7.13.
- ⁵¹ Так, например, в 1974 г., за год до принятия программных документов, возвестивших о сдвигах в политике «помощи» Англии, наибольшие ассигнования были направлены на развитие транспорта и коммуникаций (25,7 млн. ф. ст.) на проекты промышленного развития (14,3 млн.), на «социальные услуги» (20,4 млн.), в энергетику (11 млн.) и лишь затем шла статья «помощь в развитии растениеводства и животноводства» (8,7 млн.), что составляло 11% всей британской «помощи» развивающимся странам (*Arnolds S. Implementing Development Assistance.* Boulder, 1982, с. 34).
- ⁵² *Arnolds S. Implementing Development*, с. 147.
- ⁵³ *Arnold G. Aid in Africa.* L., 1979, с. 48.
- ⁵⁴ *Arnolds S. Implementing Development*, с. 165.
- ⁵⁵ *Development Co-operation Review 1979.* P., 1979, с. 131.
- ⁵⁶ Подсчитано по: *Development Co-operation Review* за 1974 г., с. 250—251; за 1975 г., с. 224—225; за 1976 г., с. 236—237; за 1977 г., с. 192—193; за 1978 г., с. 224—225; за 1979 г., с. 234—235; за 1980 г., с. 206—207, за 1981 г., с. 202—203; за 1983 г., с. 202—203.
- ⁵⁷ См.: *Development Co-operation Review 1983.* P., 1983, с. 202—203.
- ⁵⁹ *Lipton M., Firn J. The Erosion*, с. 101.
- ⁵⁹ *British Overseas Aid. Agricultural Research 1968—1973.* L., 1978, с. 14—16.
- ⁶⁰ Так, за 1974—1978 гг. Англия приняла участие в разработке 9 исследовательских проектов в производстве зерновых и 23 проектов, связанных с развитием производственной базы экспортных культур — тропических фруктов и овощей (*British Overseas Aid. Agricultural Research. 1974—1978.* L., 1980, с. 8—88).
- ⁶¹ *Неоколониализм в сельском хозяйстве.* М., 1966, с. 18.
- ⁶² *Arnolds S. Implementing Development*, с. 34.
- ⁶³ Цит. по: *Неоколониализм в сельском хозяйстве*, с. 18.
- ⁶⁴ См.: *Foreign Agriculture Trade of the USA.* Wash., 1980, December, с. 81.
- ⁶⁵ *Arnolds S. Implementing Development*, с. 35.
- ⁶⁶ Там же, с. 36—37.
- ⁶⁷ Там же, с. 39.
- ⁶⁸ Там же, с. 40.
- ⁶⁹ См.: *Development Co-operation Review* за 1974 г., с. 250—251; за 1975 г., с. 224—225; за 1976 г., с. 236—237; за 1979 г., с. 234—235, за 1983 г., с. 202—203.
- ⁷⁰ *Cornwell R. Hard-Headed New View on German Aid.*— South. L., 1984, № 46, с. 43.
- ⁷¹ Там же, с. 43.
- ⁷² См.: *African Business.* L., 1983, № 63, с. 18.
- ⁷³ *Cornwell R. Hard-Headed New View*, с. 43.
- ⁷⁴ Цит. по: *Сабельников Л. В.* Перспективы торговой политики развитых капиталистических стран на период до 2000 г.— БИКИ. Приложение № 11, 1984, с. 17.
- ⁷⁵ *African Business.* L., 1983, № 63, с. 19.
- ⁷⁶ Например, еще в 60-е годы в рамках программ «помощи» в Тунисе

было создано показательное животноводческое хозяйство. В нем работало несколько западногерманских специалистов, консультировавших крестьян по вопросам стойлового содержания скота и выращивания кормовых культур. При хозяйстве имелись четырехмесячные курсы, на которых желающие обучались уходу за коровами и получали навыки переработки молока.

⁷⁷ Каландаров С. И. Предисловие.— Неоколониализм в сельском хозяйстве, с. 6.

⁷⁸ Japanese Overseas Aid and Investment. Wash., 1972, с. 54.

⁷⁹ Там же, с. 170. Следует отметить, что и позже мнение японцев относительно ненадежности США как партнера в торговле сельскохозяйственной продукцией не изменилось; как отмечал П. Ниджми, эмбарго, которое США установили на поставки зерна в СССР в начале 80-х годов, «вновь возродило опасения, что американская сельскохозяйственная продукция в один прекрасный момент может быть использована в качестве оружия против Японии» (Nijimi P. The Problem of Food Security.— Japan's Economic Security. Anderson, 1983, с. 195).

⁸⁰ Japanese Overseas Aid, с. 54.

⁸¹ Nijimi P. The Problem of Food Security, с. 194.

⁸² Там же, с. 195.

⁸³ Как писал журнал «Саус»: «Выполнение амбициозных обещаний об удвоении японской официальной помощи для развития за 5 лет — к 1985 г.— столкнулось с серьезными внешними и внутренними препятствиями. В первой половине 80-х годов наблюдалось даже общее падение объема помощи в долларовом эквиваленте» (South. 1984, № 47, с. 18—19).

⁸⁴ Хотя в первой половине 80-х годов доля сельского хозяйства в отраслевом распределении помощи несколько возросла, она продолжала заметно отставать от доли расходов по традиционно приоритетным статьям. Так, в 1982 г. на осуществление программ в области энергетики и транспорта было выделено 56,9% всех средств в рамках «помощи», на сельское хозяйство и рыболовство — 16,3, на здравоохранение — 4,7, на образование — 3,7% (Реферативный сборник ВНИИТИ. Экономика промышленности. 1985, № 4, с. 24).

⁸⁵ Farming Japan. Tokyo. 1982, Vol. 16, № 5, с. 51—52.

⁸⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 16.

Глава III (стр. 89—155)

¹ State of Food and Agriculture 1981. Rome, 1982, с. 20.

² Kriesberg M. International Organizations and Agricultural Development. Wash., 1981, с. 65.

³ World Bank. Annual Report 1985. Wash., 1985, с. 67.

⁴ Laar, van de. The World Bank and the Poor. Hague, 1980, с. 87.

⁵ World Bank. Annual Report 1985, с. 58.

⁶ Kriesberg M. International Organizations, с. 78.

⁷ Gold S. The Shifting Emphasis on Macro- and Microlevels in Development: the IBRD Experience, 1946—1973.— Journal of Development Areas. 1976. Vol. 11, № 1, с. 27.

⁸ Бессонов С. А. Национальные планы и экономическое развитие стран Африки. М., 1975, с. 66.

⁹ Conde J., Paraiso M., Ayssou V. The Integrated Approach to Rural Development, Health and Population. P., 1979, с. 32.

¹⁰ Lappe F., Collins J., Kintley D. Aid as Obstacle: Twenty Questions about our Foreign Aid and the Hungry. San Francisco, 1980, с. 49.

¹¹ Цит. по: George S. How the Other Half Dies. The Real Reasons for World Hunger. Monclair, 1977, с. 260.

¹² Подробнее см.: Ключников Ф. Международные банки развития: проблемы и перспективы. М., 1974, с. 117.

¹³ World Bank. Annual Report 1985, с. 70.

¹⁴ IFDA Dossie. 1985, № 46, с. 58.

¹⁵ Ayres R. Banking on the Poor: The World Bank and World Poverty. Cambridge, 1983, с. 33.

¹⁶ Там же, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 36.

¹⁸ Подробнее см.: Коллонтай В. М. Кризис буржуазных теорий развития освободившихся стран. М., 1982; Лидлейн Н. А. Буржуазные теории экономического развития: критический анализ. М., 1978.

¹⁹ International Bank for Reconstruction and Development. Summary Proceedings of the Annual Meeting of Governors IBRD/IDA/IFC 1971, с. 20.

²⁰ Там же.

²¹ Подробнее см.: Растяников В. Г. Проблемы капиталистического развития в деревне современного Востока.— Мировая экономика и международные отношения. 1974, № 8, с. 103—111.

²² Александров Ю. Г. Юго-Восточная Азия: проблемы аграрной эволюции. М., 1979, с. 77—78.

²³ Ковалев Е. В. Латинская Америка: аграрные реформы и экономическое развитие. М., 1982, с. 23.

²⁴ McNamara R. Address to the Board of Governors of IBRD/IDA/IFC September 24, 1973. Nairobi, 1973, с. 10.

²⁵ Там же.

²⁶ Chenery H. Redistribution with Growth. L., 1974.

²⁷ Fagen R. Equity in the South in the Contest of North-South Relations.— Fishlow A., Diaz-Alejandro C. F., Fagen R. R., Mansen R. D. Rich and Poor Nations in the World Economy. N. Y., 1978, с. 179.

²⁸ Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981, с. 173.

²⁹ International Bank for Reconstruction and Development. Summary Proceedings of the 1974 Annual Meeting of Governors IBRD/IDA/IFC. Wash., 1974, с. 16.

³⁰ McNamara R. Address, с. 13.

³¹ Там же, с. 19.

³² Adams D. The Economics of Land Reform.— Food Research Institute Studies in Agricultural Economics, Trade and Development. 1973, vol. 12, № 3, с. 134.

³³ Assault on World Poverty. Problems of Rural Development, Education and Health. Baltimore and London, 1975, с. 134.

³⁴ Laar, van de. The World Bank, с. 158.

³⁵ Крылов В. В. Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях НТР.— Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977, с. 277.

³⁶ Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 40.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. I, с. 31—32.

³⁸ Criffin K., Khan M. Poverty in the Third World: Ugly Facts and Fancy Models.— World Development. Oxf., 1978, Vol. 6, № 3, с. 302.

³⁹ McNamara R. Address, с. 11.

⁴⁰ Feder E. The World Bank and the Expansion of Industrial Monopoly Capital into Under-Developed Agriculture.— Journal of Contemporary Asia. 1982. Vol. 12, № 1, с. 34.

⁴¹ См.: International Bank for Reconstruction and Development. Summary Proceedings of the 1979 Annual Meeting of Governors IBRD/IDA/IFC. September 1979. Belgrade, 1979, с. 19.

⁴² McNamara R. Address, с. 11.

⁴³ International Bank for Reconstruction and Development. Summary Proceedings of the 1974, с. 16.

⁴⁴ McNamara R. Address, с. 16.

⁴⁵ Там же, с. 15.

⁴⁶ Зарубежный Восток и современность. Т. 2, с. 19.

⁴⁷ Grabowsky R. Induced Innovation, Green Revolution and Income Distribution: Reply.— Economic Development and Cultural Change. 1981, Vol. 30, № 1, с. 178.

⁴⁸ Hayami Y. Induced Innovation, Green Revolution and Income Distribution: Comment.— Economic Development and Cultural Change. 1981, Vol. 30, № 1, с. 171.

⁴⁹ McNamara R. Address, с. 6.

⁵⁰ Grabowsky R. Induced Innovation, с. 180.

- 51 Баграмов Л. «Зеленая революция»: свет и тени.— Мировая экономика и международные отношения. 1972, № 8, с. 59.
- 52 *McNamara R.* Address, с. 21.
- 53 International Bank for Reconstruction and Development. Summary Proceedings of the 1979, с. 17.
- 54 *McNamara R.* Address, с. 25.
- 55 Там же.
- 56 Assault on World Poverty, с. 106.
- 57 *McNamara.* Address, с. 15.
- 58 См.: The Assault on World Poverty.
- 59 *Ruthenberg H.* Is Integrated Rural Development a Suitable Approach to Attack Rural Poverty? — Zeitschrift für ausländische Landwirtschaft. Frankfurt a. Main, 1981, Vol. 20, № 1, с. 7.
- 60 *Yudelman M.* Agriculture in Integrated Rural Development. The Experience of the World Bank.— Food Policy. Guilford, 1976, Vol. 1, № 5, с. 370.
- 61 *Lowdermilk M., Laitos W.* Towards a Participatory Strategy for Integrated Rural Development.— Rural Sociology. Assen, 1981, Vol. 46, № 4, с. 681.
- 62 Assault on World Poverty, с. 31.
- 63 Там же, с. 86—87.
- 64 Рассчитано по: Assault on World Poverty, с. 86—87.
- 65 *Laar, van de.* The World Bank, с. 203.
- 66 Assault on World Poverty, с. 25.
- 67 Там же, с. 89.
- 68 Там же, с. 233.
- 69 Там же, с. 85.
- 70 Там же, с. 172.
- 71 Там же, с. 103.
- 72 Там же.
- 73 Рассчитано по: Assault on World Poverty, с. 172, 174.
- 74 Assault on World Poverty, с. 125.
- 75 Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981, с. 171.
- 76 Там же, с. 100.
- 77 Assault on World Poverty, с. 116.
- 78 Там же, с. 124.
- 79 Там же, с. 126.
- 80 *Laar, van de.* The World Bank, с. 163.
- 81 *Грановский А. Е.* Экономические последствия помощи капиталистических стран сельскому хозяйству в условиях «зеленой революции». — Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974, с. 242.
- 82 Transnational Corporations in Food and Beverage Processing. N. Y., 1981, с. 16.
- 83 Assault on World Poverty, с. 138.
- 84 Там же, с. 108.
- 85 *Adams D., Graham D.* A Critique of Traditional Agricultural Credit Projects and Policies.— Journal of Development Economics. 1981, Vol. 8, № 3, с. 350.
- 86 *Ruthenberg H.* Is Integrated Rural Development, с. 10.
- 87 Assault on World Poverty, с. 145.
- 88 Там же, с. 54.
- 89 *Adams D., Graham D.* A Critique, с. 360.
- 90 Assault on World Poverty, с. 140.
- 91 Там же, с. 183.
- 92 Там же, с. 142.
- 93 Там же, с. 143.
- 94 *Laar, van de.* The World Bank, с. 174.
- 95 Там же, с. 176.
- 96 Там же, с. 177.
- 97 Assault on World Poverty, с. 231.
- 98 *Laar, van de.* The World Bank, с. 178.
- 99 Там же, с. 181.
- 100 Там же.

- 101 Assault on World Poverty, с. 232.
- 102 Там же, с. 60—61.
- 103 *Yudelman M.* Agriculture in Integrated Rural Development, с. 371.
- 104 Там же.
- 105 Assault on World Poverty, с. 41.
- 106 *Stähl M.* Ethiopia: Political Contradictions in Agricultural Development. Uppsala, 1974, с. 144.
- 107 *Yudelman M.* Agriculture in Integrated Rural Development, с. 372.
- 108 *Laar, van de.* The World Bank, с. 225.
- 109 Там же, с. 226.
- 110 Там же, с. 227.
- 111 *Ayres R.* Banking on the Poor, с. 65.
- 112 The Design of Organization for Rural Development Projects: a Progress Report. Wash., 1980, с. 31.
- 113 United States and Multilateral Development Banks: Prepared for the Committee on Foreign Affairs by the Foreign Affairs Division, Congressional Research Service, Library of Congress. Wash., 1974, с. 47.
- 114 *Chambers R.* Project Selection for Poverty-Focused Rural Development: Simple is Optimal.— World Development. 1978, Vol. 6, № 2, с. 212.
- 115 Там же.
- 116 Там же.
- 117 Там же.
- 118 Рассчитано по: Assisting the Developing Countries: Foreign Aid and Trade Policies of the United States. Wash., 1980, с. 7; Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1984—1985: Hearings and Makeup before the Subcommittee on Human Rights Affairs, House of Representatives, 98th Congress, 1st Session. Pt. 5. Wash., 1983, с. 68—69.
- 119 Security and Development Assistance: Hearings before the Committee on Foreign Relations, US Senate, 98th Congress, 1st Session. Wash., 1983, с. 146.
- 120 Finance and Development. 1982, Vol. 19, № 4, с. 24.
- 121 Составлено по: Emerging Development Patterns: European Contributions. Selected Papers on 3d General Conference of European Association of Development Research and Training Institutes. Budapest, 1984, с. 169.
- 122 Far Eastern Economic Review. 1983, Vol. 121, № 39, с. 66.
- 123 БИКИ. 1984, № 136, с. 2.
- 124 World Bank Annual Report 1985, с. 52.
- 125 World Bank Annual Report 1986, с. 47.
- 126 World Bank Annual Report 1985, с. 56.
- 127 The U. S. Role in the International Economy: the Value of U. S. Participation in the Multilateral Development Banks: Hearings before the Subcommittee on International Development Institutions and Finance of the Committee on Banking Finance and Urban Affairs, House of Representatives, 99th Congress, 1st Session. April 4, 1985, Wash., 1985, с. 45.
- 128 New York Times. 26.11.1984.
- 129 *Krauss M.* Development without Aid. Growth, Poverty and Government. L., 1983, с. 167.
- 130 *Adler I.* The World Bank's Concept of Development: In-House Dogmengeschichte.— Development and Planning. L., 1972, с. 34.
- 131 Economist. 1984, Vol. 284, № 7253, с. 54.
- 132 Там же.
- 133 Far Eastern Economic Review. 1983, Vol. 121, № 39, с. 67.
- 134 New York Times. 26.11.1984.
- 135 *Schoultz L.* Politics, Economics and US Participation in MDB.— International Organization. 1982, Vol. 36, № 3, с. 547.
- 136 United States and the Multilateral Development Banks, с. 112.
- 137 *Kriesberg M.* International Organizations, с. 7.
- 138 *Schoultz L.* Politics, Economics, с. 551.
- 139 New York Times. 26.11.1984.
- 140 Foreign Assistance and Related Programs Appropriations for 1980: Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives 96th Congress, 1st Session. Pt. 7. Wash., 1979, с. 173—174.

- ¹⁴¹ *Lappe F., Collins J., Kinley D.* Aid as Obstacle, c. 31.
¹⁴² US Participation in the Multilateral Development Institutions. Hearings before the Subcommittee on International Development Institutions and Finance of the Committee on Banking, Finance and Urban Affairs, House of Representatives, 98th Congress, 1st Session. April 18 and 20, 1983. Wash., 1983, c. 137.
¹⁴³ United States and the Multilateral Development Banks, c. 131.
¹⁴⁴ Investing in Developing Countries. P., 1982, c. 26.
¹⁴⁵ *Krasner S.* Power Structures and Regional Development Banks.— In-tatives, 98th Congress, 1st Session. April 18 and 20, 1983. Wash., 1983, c. 137.
¹⁴⁶ *White J.* The Politics of Foreign Aid. L., 1974, c. 202.
¹⁴⁷ US Participation in the Multilateral Development Institutions, 1983, c. 127.
¹⁴⁸ Там же, с. 134.
¹⁴⁹ United States and the Multilateral Development Banks, c. 106.
¹⁵⁰ Там же.
¹⁵¹ *Barovick R.* Asian Development Bank Charts Some New Directions.— Business America. 1982, Vol. 5, № 7, с. 8.
¹⁵² Там же.
¹⁵³ US Participations in the Multilateral Development Institutions, 1983, c. 127.
¹⁵⁴ Там же.
¹⁵⁵ Rich Country Interests and Third World Development. L., 1982, c. 12.
¹⁵⁶ Там же.
¹⁵⁷ United States and the Multilateral Development Banks, c. 75.
¹⁵⁸ *Кравцевич А. И.* Япония и развивающиеся страны: Проблемы технико-экономического сотрудничества. М., 1981, с. 120.
¹⁵⁹ Там же, с. 66.
¹⁶⁰ United States and the Multilateral Development Banks, c. 3.
¹⁶¹ См.: *Кравцевич А. И.* Япония, с. 79.
¹⁶² US Participation in the Multilateral Development Institutions, 1983, c. 126.
¹⁶³ Там же, с. 127.
¹⁶⁴ United States and the Multilateral Development Banks, c. 76.
¹⁶⁵ Там же, с. 220.
¹⁶⁶ Asian Development Bank. Annual Report 1981. Manila, 1982, с. 35.
¹⁶⁷ United States and the Multilateral Development Banks, c. 71.
¹⁶⁸ Asian Development Bank. Annual Report 1981, с. 32.

Глава IV (стр. 156—186)

- ¹ *Ayres R.* Banking on the Poor, c. 32.
² *Laar, van de.* The World Bank, c. 4.
³ Там же.
⁴ The Design of Organization for Rural Development Projects: a Progress Report. Wash., 1980, с. 4.
⁵ EOCD Observer. 1983, № 120, с. 12.
⁶ Assisting the Developing Countries: Foreign Aid and Trade Policies of the United States. Wash., 1980, с. 32.
⁷ U. S. Participation in the Multilateral Development Institutions: Hearings before the Subcommittee on International Development Institutions and Finance of the Committee on Banking, Finance and Urban Affairs, House of Representatives, 97th Congress, 1st Session, March 11, 1981, Wash., 1981, с. 224.
⁸ *Lappe F., Collings J., Fowler C.* Food First: Beyond the Myth of Scarcity. Boston, 1977, с. 373.
⁹ Fertilizer Supplies for Developing Countries: Issues in the Transfer and Development of Technology. N. Y., 1981, с. 20.
¹⁰ Там же.
¹¹ Там же, с. 24.
¹² Там же, с. 5.
¹³ Transnational Corporations in the Fertilizer Industry. N. Y., 1982, с. 37.
¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Transnational Corporations in the Agricultural Machinery and Equipment Industry. N. Y., 1983, с. 32.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Intereconomics. Hamburg, 1985, Vol. 20, № 2, с. 68—69.
¹⁸ U. S. Foreign Aid and Private Sector: Is Partnership Possible? Hearings before the Subcommittee on Trade, Productivity and Economic Growth of the Joint Economic Committee of the Congress of the United States, 97th Congress, 1st Session. 19 October, 1981. Wash., 1982, с. 2.
¹⁹ *McNeil D.* The Contradiction of Foreign Aid. L., 1981, с. 57.
²⁰ *Bull D.* A Growing Problem: Pesticides and the Third World Poor. Oxf., 1982, с. 74.
²¹ Там же, с. 77.
²² Aid to Agriculture in Developing Countries. P., 1968, с. 15.
²³ Ceres. 1985, Vol. 18, № 5, с. 47.
²⁴ *Khaleque A.* Political Economy of Foreign Aid. Dacca, 1980, с. 15.
²⁵ The U. S. Role in the International Economy: the Value of US Participation in the Multilateral Development Banks, c. 22.
²⁶ Там же, с. 38.
²⁷ Там же, с. 47.
²⁸ *Lappe F., Collings J.* World Hunger: Ten Myths. San Francisco, 1980, c. 13.
²⁹ Материалы XXVII съезда КПСС, с. 133.
³⁰ *Watanabe T., Lesourne J., McNamara R.* Facilitating Development in a Changing Third World: Trade, Finance, Aid. Report of Trilateral Task Force on Strategies for Assistance to Developing Countries to Trilateral Commission. N. Y., 1983, с. 61.
³¹ *Ayres R.* Banking on the Poor, c. 126.
³² Там же, с. 127.
³³ Там же, с. 135.
³⁴ *Lappe F., Collins J., Kinley D.* Aid As Obstacle, c. 53.
³⁵ Too Rapid Development: Perceptions and Perspectives from Southeast Asia. Athens (Ohio), 1982, с. 128.
³⁶ Там же, с. 164.
³⁷ Цит. по: *Lappe F., Collins J., Kinley D.* Aid As Obstacle, c. 60.
³⁸ Цит. по: *Lappe F., Collins J., Fowler C.* Food First, c. 367.
³⁹ *Lappe F., Collins J., Kinley D.* Aid As Obstacle, c. 54.
⁴⁰ The Political Economy of Rural Development: Peasants, International Capital and the State. Case Studies in Colombia, Mexico, Tanzania and Bangladesh. Albany, 1981, с. 27—90.
⁴¹ Там же, с. 80.
⁴² Там же, с. 82.
⁴³ Там же, с. 83.
⁴⁴ Там же, с. 81—82.
⁴⁵ Там же, с. 82.
⁴⁶ *Ayres R.* Banking on the Poor, c. 138.
⁴⁷ Цит. по: *Ayres R.* Banking on the Poor, c. 138.
⁴⁸ Там же, с. 123—124.
⁴⁹ *Lappe F., Collings J., Kinley D.* Aid as Obstacle, c. 56.
⁵⁰ Draft Recommendations on the Multilateral Banks and Environment. Hearing before the Subcommittee on International Development Institutions and Finance Committee on Banking, Finance and Urban Affairs. House of Representatives, 98th Congress, 2d Session, September 11, 13, 1984. Wash., 1984, с. 8.
⁵¹ Там же, с. 111.
⁵² Desertification and Development: Dryland Ecology in Social Perspective. L., 1982, с. 36.
⁵³ *Mason E., Asher R.* The World Bank Since Bretton Woods. Wash., 1973, c. 711.
⁵⁴ Trade and Development Report 1981. N. Y., 1981, с. 68.
⁵⁵ Commodity Review and Outlook 1984—1985. Rome, 1985, с. 8.
⁵⁶ *Watanabe T., Lesourne J., McNamara R.* Facilitating Development, с. 61.
⁵⁷ Волокна и текстильные изделия: масштабы транснациональных корпораций. Нью-Йорк, 1981, с. 46.

- 58 Там же.
 59 Lappe F., Collins J., Kinley D. Aid as Obstacle, с. 61.
 60 Там же.
 61 Development and Change. 1984, Vol. 15, № 3, с. 423.
 62 Rapid Population in the Third World Countries: on Overview of Social and Economic Effects and Their Relation to US Multinational Corporations. Wash., 1982, с. 41.
 63 Там же.
 64 Food Supply and Distribution in Asia and Pacific. Bangkok, 1982, с. 1.
 65 The State of Food and Agriculture 1984. Rome, 1985, с. 1.
 66 Там же, с. 43.
 67 New York Times. 06.03.1978, с. 2.
 68 Critical Food Issues of the Eighties. N. Y., 1978, с. 325.
 69 Disincentives to Agricultural Production in Developing Countries: Report to Congress. Wash., 1975, с. 25.
 70 Lappe F., Collins J., Fowler C. Food First, с. 374—375.
 71 Schneider H. Food Aid for Development. P., 1978, с. 62.
 72 Lappe F., Collins J., Fowler C. Food First, с. 377.
 73 The Political Economy, с. 99.
 74 Там же.
 75 Там же, с. 70.
 76 McNeil D. The Contradiction, с. 77.
 77 Цит. по: Political Economy, с. 48.
 78 Bull D. Growing Problem, с. 12.
 79 Цит. по: Bull D. Growing Problem, с. 14.
 80 Там же, с. 25.
 81 Там же, с. 38.
 82 Draft Recommendations, с. 74.
 83 Sperber H. The Efficiency Reducing Effects of Official Development Aid.— Intereconomics. 1983, № 2, с. 84.
 84 Там же, с. 89; Ayres R. Banking on the Poor, с. 123.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Некоторые показатели вывоза государственного капитала на льготных условиях из стран — членов Комитета содействия развитию (КСР) в развивающиеся страны («чистые» выплаты) *

Показатель	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1986 г.
Доля «официальной помощи в целях развития» (ОПР) в вывозе капиталов из стран — членов КСР, %	44	31	36	64	56
в том числе:					
ОПР, поступающая по многосторонним каналам	8,0	9,0	12,2	16,3	16,0
ОПР США		10,8**	9,5	20,3	14,7
ОПР Франции		5,2**	5,5	8,6	7,8
ОПР ФРГ		4,2**	4,7	6,4	5,9
ОПР Японии		2,9**	4,5	8,2	8,6
ОПР Великобритании		2,3**	2,5	3,3	2,7

* Рассчитано по: Development Co-operation. Efforts and Policies of the Members of the Development Assistance Committee. Review 1986. OECD. P., 1986, с. 232, 233, 235; 1987, с. 199, 242, 243.

** В среднем за 1974—1976 гг.

Таблица II

«Официальная помощь в целях развития», направляемая в сельское хозяйство развивающихся стран государствами — членами ОЭСР *, млн. ам. долл. в текущих ценах

Страна	1974 г.	1976 г.	1978 г.	1980 г.	1982 г.	1985—1986 гг.**
Австралия	22,8	4,0	25,2	23,9	52,9	74,7
Австрия	24,3	0,5	49,9	1,1	2,6	5,9
Бельгия	5,1	7,9	18,0	21,1	8,9	49,7
Канада	24,5	100,5	154,5	77,7	85,1	310,9
Дания	6,2	11,8	50,5	31,2	59,9	73,0
Франция	144,9	160,2	273,6	275,4	230,6	269,0
ФРГ	164,8	117,3	221,3	397,7	200,9	289,9
Италия	...	—	5,7	32,3	104,6	195,4
Япония	103,6	52,8	318,1	342,2	379,3	547,1
Нидерланды	40,2	194,3	311,2	305,7	156,6	267,7
Новая Зеландия	5,0	11,1	9,4	12,5	10,9	12,2
Норвегия	23,4	21,7	53,4	57,5	55,5	91,7
Швеция	188,5	35,7	29,1	47,7	77,0	50,5
Швейцария	4,2	13,1	12,8	24,9	39,5	73,3
Великобритания	88,8	26,5	113,3	79,9	63,7	154,0
США	...	332,4	665,5	1079,3	853,0	1048,5
Финляндия	1,2	0,8	10,0	16,9	14,3	44,9

* Рассчитано по: Development Co-operation, 1974, с. 250; 1975, с. 224; 1976, с. 236; 1977, с. 192; 1978, с. 224—225; 1979, с. 324—325; 1980, с. 206—207; 1981, с. 202—203; 1982, с. 30—31; 1983, с. 202—203.

** Среднегодовое в ценах 1985 г.

Таблица III

Вывоз государственного капитала (обязательства) странами — членами Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития и международными финансовыми организациями в сельское хозяйство развивающихся стран *, млн. ам. долл.

Форма вывоза государственного капитала	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.
На двусторонней основе **									
«официальная помощь в целях развития»	810	1700	1644	1624	2597	3270	4304	4228	4261
текущие цены	1594	2819	2359	2246	3279	3633	4304	3809	3839
постоянные цены ***									
прочие государственные кредиты	172	168	86	268	120	355	329	265	569
текущие цены	391	275	137	295	159	403	329	237	527
постоянные цены ***									
Всего	982	1868	1730	1892	2717	3116	4653	4493	4830
текущие цены	1945	3094	2496	2641	4338	4036	4633	4046	4366
постоянные цены ***									
Через международные организации									
кредиты на льготных условиях	725	1001	1056	1257	1621	2402	2503	3266	3299
текущие цены	1593	1833	1530	1814	2139	2761	2503	2969	3083
постоянные цены ***									
прочие государственные кредиты	442	982	1846	1458	2123	2872	2319	2935	3646
текущие цены	902	1610	2944	2150	2816	3275	2319	2621	3376
постоянные цены ***									
Всего	1167	1983	2902	2715	3744	5274	4822	6201	6945
текущие цены	2435	3443	4474	3964	4955	6036	4822	5590	6459
постоянные цены ***									

* Составлено по Development Co-operation, 1983, с. 137.

** С учетом средств, поступающих по каналам ЕЭС.

*** Доллары 1979 г.

Таблица IV

Средства международных финансовых организаций, поступавшие в сельское хозяйство развивающихся стран *, млн. ам. долл.

Организация	В среднем за год			1973 г.	1974 г.
	1967—1968 гг.	1969—1970 гг.	1971—1972 гг.		
МБРР и МАР	130,0	397,9	477,5	937,7	955,9
МАБР и ФСО	110,0	219,0	111,6	187,0	238,0
АзБР и АФР	47,3	134,0
АФБР и АфФР	26,7
МФСР	—	—	—	—	—
ПРООН и ФАО	92,2	120,2	154,9	162,2	185,2
Всего	332,2	737,4	744,0	1337,2	1529,8

Продолжение

Организация	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
МБРР и МАР	1857,5	1627,6	2308,0	3269,7	2547,0
МАБР и ФСО	332,0	427,9	351,0	263,7	676,0
АзБР и АФР	245,9	200,9	257,7	310,7	325,0
АФБР и АфФР	32,2	40,0	58,0	62,2	75,0
МФСР	—	—	—	100,0	300,0
ПРООН и ФАО	254,1	278,0	280,0	317,0	320,0
Всего	2721,7	2574,4	3256,7	4316,3	4243,0

* Составлено по: Kriesberg M. International Organizations and Agricultural Development. Wash., 1981, с. 12.

Таблица V

Распределение кредитов МБРР и МАР, направляемых в сельское хозяйство развивающихся стран *, %

Объект кредитования	МБРР		МАР		1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1984 гг.	
	1946—1970 гг.	1961—1970 гг.	МБРР	МАР	МБРР	МАР	МБРР	МАР	МБРР	МАР
Растениеводство	15,2	25,8	7,6	20,3	12,3	14,6	21,7	16,0		
Животноводство	15,8	4,8	15,6	13,2	6,7	2,9	1,0	1,0		
Лесоводство и рыболовство	3,2	1,8	9,8	2,3	3,8	5,3	0,9	6,2		
Продовольственные и непродовольственные культуры	—	—	10,3	12,1	—	—	—	—		
Обновление многолетних растений	—	—	—	—	10,6	10,0	8,9	3,5		
Региональное развитие	—	—	25,8	17,6	19,7	19,5	28,4	12,4		
Мелиорация	60,9	54,8	21,6	26,2	34,5	31,7	17,9	46,1		

Продолжение табл. V

Объект кредитования	МБРР		МАР		1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1984 гг.	
	1946—1970 гг.	1961—1970 гг.	МБРР	МАР	МБРР	МАР	МБРР	МАР	МБРР	МАР
Сельскохозяйственные исследования	—	—	2,2	—	4,7	5,5	3,8	4,3		
Хранение и переработка урожая	0,9	4,0	5,1	4,4	6,9	7,3	11,6	4,9		
Механизация сельского хозяйства	1,9	—	—	—	—	—	—	—		
Прочее	2,1	8,8	2,0	3,9	0,8	3,2	5,8	5,6		
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100		

* Рассчитано по: World Bank. Annual Report. Wash., 1971; 1972; 1976; 1977; 1981; 1982; 1985.

Таблица VI

Кредитование МБРР и МАР сельского хозяйства (обязательства) *

Организация	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
МБРР, млн. ам. долл.	502	647	1222	1209	1638	1929	1568
доля сельского хозяйства в общем объеме кредитов, предоставленных МБРР, %	24,5	20,1	28,2	24,3	28,4	31,6	22,4
МАР, млн. ам. долл.	436	309	636	418	670	1341	954
доля сельского хозяйства в общем объеме кредитов, предоставленных МАР, %	32,1	28,2	40,4	25,2	51,2	58,0	31,6

Продолжение

Организация	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
МБРР, млн. ам. долл.	1700	2406	2180	2386	2072	2390	3762
доля сельского хозяйства в общем объеме кредитов, предоставленных МБРР, %	22,2	27,3	21,1	21,4	17,3	21,0	28,5
МАР, млн. ам. долл.	1758	1357	898	1312	1402	1360	1016
доля сельского хозяйства в общем объеме кредитов, предоставленных МАР, %	45,8	39,0	33,4	39,3	39,2	44,9	32,3

* Рассчитано по: World Bank. Annual Report 1975; 1976; 1977; 1978; 1979; 1980; 1981; 1982; 1983; 1984; 1985; 1986; 1987.

Таблица VII

Географическая структура распределения кредитов МБРР и МАР в аграрную сферу, в среднем за периоды 1975—1979 гг. и 1980—1984 гг. *, %

Организация Год	Восточная Африка	Западная Африка	Южная и Юго-Восточная Азия и страны тихоокеанского бассейна	Европа, Ближний Восток и Северная Африка	Страны Латинской Америки и бассейна Карибского моря	Всего
1975—1979 гг.						
МБРР	3,0	7,7	33,0	27,9	28,4	100,0
МАР	14,8	9,0	67,0	7,6	1,6	100,0
1980—1984 гг.						
МБРР	0,7	9,8	27,7	25,8	36,0	100,0
МАР	16,2	7,3	72,6	3,3	0,6	100,0

* Рассчитано по: World Bank. Annual Report 1974, с. 121; 1979, с. 131; 1984, с. 140.

Таблица VIII

Основные получатели займов Международного банка реконструкции и развития *

Страна	Суммарные обязательства МБРР, 1946—1980 гг., млн. ам. долл.	Доля страны в суммарных обязательствах, %
Бразилия	4 266 310	9,7
Мексика	3 381 926	7,7
Южная Корея	2 839 710	6,4
Индонезия	2 640 914	6,0
Югославия	2 344 086	5,3
Турция	2 097 037	4,8
Филиппины	2 043 500	4,6
Колумбия	1 803 547	4,1
Индия	1 465 611	3,3
Таиланд	1 354 930	3,1
Румыния	1 328 395	3,0
Марокко	1 192 070	2,7
Малайзия	1 021 501	2,3
Нигерия	970 951	2,2

* Составлено по: World Bank. Annual Report 1980, с. 154—155.

Таблица IX

Основные получатели кредитов Международной ассоциации развития *

Страна	Суммарные обязательства МАР, 1961—1981 гг., млн. ам. долл.	Доля кредитов МАР в валовых национальных инвестициях, %		
		1970 г.	1975 г.	1980 г.
Индия	9566,2	0,6	2,4	1,6
Бангладеш	1788,2	—	16,8	13,1
Пакистан	1446,9	1,7	1,5	1,8
Египет	981,2	—	1,1	0,9
Индонезия	931,8	0,8	1,6	0,3
Танзания	631,5	2,8	3,6	3,1
Судан	595,5	—	2,2	3,6
Шри-Ланка	536,6	0,3	2,3	1,5
Кения	458,3	1,6	1,8	1,5
Эфиопия	443,1	2,0	7,6	7,9

* Составлено по: Far Eastern Economic Review. 1983, Vol. 121, № 39, с. 71.

Таблица X

Продовольственная «помощь» стран — членов Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития *, млн. ам. долл.

Страна	1972 г.	1974 г.	1976 г.	1978 г.	1980 г.	1982 г.	1985 г.
Австралия	18,5	75,2	35,8	40,6	64,0	101,0	51,0
Австрия	0,8	0,3	1,1	4,3	2,6	8,0	4,0
Бельгия	11,2	36,4	18,5	28,0	39,3	39,0	44,0
Канада	87,8	139,2	189,3	224,9	164,8	214,0	263,0
Дания	8,0	21,0	22,5	25,7	45,0	31,0	25,0
Финляндия	0,8	4,5	10,0	1,1	4,2	8,0	12,0
Франция	32,6	105,2	50,2	78,8	122,8	136,0	125,0
ФРГ	44,5	144,4	90,6	163,9	213,7	233,0	204,0
Италия	20,1	47,6	20,0	49,8	75,8	119,0	164,0
Япония	34,2	74,0	8,1	21,8	261,3	140,0	27,0
Нидерланды	20,3	47,8	45,2	118,7	103,2	80,0	26,0
Новая Зеландия	0,9	1,6	2,7	0,7	0,9	1,0	1,0
Норвегия	2,5	7,8	14,0	18,6	22,3	28,0	27,0
Швеция	6,5	35,2	31,9	49,5	47,2	36,0	38,0
Швейцария	7,9	10,0	13,7	23,1	27,9	23,0	29,0
Великобритания	2,7	43,8	33,3	80,6	116,7	154,0	137,0
США	978,0	728,0	1210,0	1118,0	1307,0	1000,0	1859,0

* Составлено по: Food Aid in Figures. FAO. Rome, 1984, с. 31; 1987, с. 29.

Таблица XI

Продовольственная «помощь» в рамках «официальной помощи в целях развития» *

	1972 г.	1974 г.	1976 г.	1978 г.	1980 г.	1982 г.	1985 г.
Объем продовольственной «помощи», млн. ам. долл. в текущих ценах	1277	1522	1797	2048	2619	2351	3047
в постоянных ценах 1981 г.	3258	1495	2396	2790	2648	2690	3013
Доля продовольственной «помощи» в «официальной помощи в целях развития», %	13,9	13,1	12,9	10,2	9,6	8,4	10,4

* Составлено по: Food Aid in Figures, с. 23; 1987, с. 21.

Таблица XII

Распределение продовольственной «помощи» по регионам развивающихся стран *, тыс. т

Группы стран	1972/73 г.	1974/75 г.	1976/77 г.
Все развивающиеся страны	9 010,3	8 340,8	8 745,0
Африка	1 121,2	1 733,8	3 168,9
Страны Африки южнее Сахары	442,5	901,9	833,7
Азия	7 151,2	5 680,8	5 138,3
Латинская Америка	541,8	563,6	244,7

Продолжение

Группы стран	1978/79 г.	1980/81 г.	1982/83 г.	1985/86 г.
Все развивающиеся страны	9 116,1	8 672,4	9 114,8	10 791,3
Африка	3 535,2	4 511,7	4 635,2	5 801,7
Страны Африки южнее Сахары	1 137,5	2 335,3	2 471,9	3 335,3
Азия	4 884,1	3 549,9	2 967,5	1 600,3
Латинская Америка	605,0	583,3	1 264,4	3 702,8

* Составлено по: Food Aid in Figures, с. 45; 1987, с. 45.

Таблица XIII

Темпы роста сельскохозяйственного производства
валового национального продукта в развивающихся странах,
70-е годы *

Темпы роста производ- ства в сельском хозяйстве	Прирост ВВП в среднем за год		
	Свыше 5%	3-5%	Ниже 3%
Свыше 3%	Камерун, Колумбия, Доминиканская Республика, Гватемала, Индонезия, Кот-д'Ивуар, Кения, Южная Корея, Малави, Малайзия, Парагвай, Филиппины, Таиланд, Турция, Тунис	Боливия, Бирма, Мали, Сомали, Танзания	Либерия, Никарагуа, Сенегал
1-3%	Коста-Рика, Эквадор, Египет, Лесото	Бангладеш, ИАР, Сальвадор, Гаити, Гондурас, Индия, Пакистан, Судан, Буркина-Фасо	Бурунди, Сьерра-Леоне, Заир
Менее 1%	Марокко, Нигерия	Того	Ангола, Чад, Конго, Эфиопия, Гана, Мадагаскар, Мавритания, Мозамбик, Нигер, Уганда, Непал

* Составлено по: World Development Report 1982. Wash., 1982, с. 45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗБР — Азиатский банк развития
 АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
 АФБР — Африканский банк развития
 АФФР — Африканский фонд развития
 ВВП — валовой внутренний продукт
 ИСК — институциональное сельскохозяйственное кредитование
 ГМК — государственно-монополистический капитализм
 ИФАД — Международный фонд сельскохозяйственного развития
 КПЗ — кредиты производителям продукции земледелия
 КРК — Корпорация развития колоний (Великобритания)
 КСР — Комитет содействия развитию
 МАБР — Межамериканский банк развития
 МАР — Международная ассоциация развития
 МБРР — Международный банк реконструкции и развития
 МВФ — Международный валютный фонд
 МКХ — мировое капиталистическое хозяйство
 МФСР — Международный фонд сельскохозяйственного развития
 НМЭП — новый мировой экономический порядок
 НСК — Национальный совещательный комитет по проблемам международной финансовой и кредитной политики (США)
 НТР — научно-техническая революция
 ОПР — «официальная помощь в целях развития»
 ООН — Организация Объединенных Наций
 ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития
 ПГС — «прочие государственные средства»
 ПРООН — Программа развития ООН
 РГМП — Рабочая группа по многосторонней помощи (США)
 ТНК — транснациональная корпорация
 УМР — Управление международного развития (США)
 ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН
 ЮНИДО — Организация по промышленному развитию ООН

S. G. Ivanchuk, V. I. Pouz. *Agrarian Neocolonialism. A Critical Analysis.* The book deals with the influence exerted by state capital from industrialized capitalist countries on social and economic development of agriculture in developing countries in the form of development aid.

A combination of causes forced the ruling quarters in capitalist countries to consider the agrarian crisis in the Third World as a factor which destabilizes the entire world capitalist economy, and to take a series of measures to improve agriculture in the developing countries.

The authors note four stages in the evolution of agrarian neocolonialism. This classification is based on qualitative shifts and changes in the volume of agricultural and food policy of major exporters of state capital to Africa, Asia and Latin America. The emphasis is on the 1970s (the third stage) and the 1980s (the fourth stage). These decades have been marked by intensification of Western policy to control reproduction in agriculture of the developing countries. In the 1970s, there was a dramatic increase in the volume of funds exported to the Third World as "development aid", to improve agricultural production and to supply food to developing nations. At the same time, attempts are made to expand the social base of agricultural growth by increasing the number of farms which can afford modern agricultural technology.

The 1980s have shown that in spite of changes in the neocolonial policy, primarily prompted by aggravated financial situation and low solvency in developing countries, agriculture continued to be the focus of Western interests in the Third World.

In addition to general features of agrarian neocolonialism which makes it possible to consider this phenomenon as a policy of western world features explained by such factors as an historical heritage, geography, the size of a country, economic level, the pattern of foreign economic relations. The combination of the general and the specific in the agrarian neocolonialism of the leading Western states is analyzed on the example of the United States, Great Britain, West Germany and Japan.

International financial institutions primarily the World Bank, exert a considerable influence on the development of agriculture in developing countries. Agricultural modernization in developing countries demands heavy investment while its results are uncertain and less visible compared with industrial projects. For this reason, international financial organizations can invest much more in agriculture than bilateral agencies, which are interested in more payable political results.

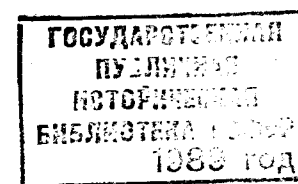
The international agencies act not only as outlets for western "aid" to the agrarian sector, but also as brain trusts generating theories to back neocolonial expansion. The "assault on poverty" is one of the concepts suggested by the World Bank in the early 1970s. The majority of multinational and national

organizations, exporting capital for the need of economic development have included it in its plans.

The authors show how the "assault on poverty" theories find their way into specific projects of new style and to what extent can they meet goals proclaimed by the Bank. The study of the US participation in the World Bank is of particular interest.

Available data relating to the results of the new style projects indicate these projects helped increase the number of households which have turned from subsistence economy to market-oriented production. At the same time, the inflow of foreign state capital has not stopped social differentiation occurring in rural areas of the developing countries. The life of the rural poor, primarily those groups which do not have land, have not improved either.

The majority of developing countries cannot do without foreign financial injections in agriculture in the foreseeable future. For this reason, the task to coordinate foreign "aid" with the needs of host countries to eliminate the most damaging economic and social imbalances acquires a particular urgency.

Введение	3
Глава I. Вывоз государственного капитала в агропродовольственные секторы развивающихся стран: предпосылки, характерные черты и эволюция	9
Отсталость аграрной сферы развивающихся стран как фактор формирования аграрной политики империализма	9
Этапы вывоза государственного капитала в аграрную сферу и на нужды продовольственного обеспечения развивающихся стран	17
«Помощь» агропродовольственным секторам развивающихся стран в системе противоречий между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства	34
Глава II. Характерные черты неокOLONиалистской аграрной политики ведущих империалистических держав	49
Соединенные Штаты Америки	53
Великобритания	65
Федеративная Республика Германия	75
Япония	83
Глава III. Коллективный неокOLONиализм и аграрная эволюция освободившихся стран	89
Место Мирового банка в системе воздействия центров мирового капиталистического хозяйства на развивающийся мир	89
Концепция «борьбы с бедностью»: формирование, содержание и место в неокOLONиалистской стратегии трансформации аграрного строя в развивающихся странах	98
Мировой банк: структура и формы вывоза капитала в сельское хозяйство развивающихся стран	114
Влияние США на деятельность Мирового банка	136
Особенности функционирования Азиатского банка развития	149
Глава IV. Аграрный неокOLONиализм: положение доноров и получателей государственного капитала	156
«Помощь» как инструмент удовлетворения текущих и долгосрочных потребностей империалистических держав в развивающемся мире	156
Влияние «помощи» на социально-экономическую ситуацию в сельском хозяйстве и продовольственное обеспечение развивающихся стран	169
Заключение	187
Примечания	192
Приложение	203
Список сокращений	211
Summary	212

Научное издание

Иванчук Сергей Григорьевич,
Пузь Валерий Иванович

**АГРАРНЫЙ
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ**
Опыт критического анализа

Редактор *М. Н. Брусиловская*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *С. А. Киреев*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *В. А. Захарова*

ИБ № 16198

Сдано в набор 26.01.89. Подписано к печати 21.08.89. А-10575. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,5. Усл. кр.-отг. 13,75. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 1250 экз. Изд. № 6732. Зак. № 66. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28